

№ 1 (24)
2013

ВЕСТНИК

Дальневосточного
юридического института
Министерства внутренних дел
Российской Федерации

Выходит с 2001 г.
два раза в год

Учредитель и издатель –
Дальневосточный
юридический институт
Министерства внутренних
дел Российской Федерации

Редакционная коллегия:

Главный редактор
А.С. Бахта,
д-р юрид. наук, профессор

Заместитель
главного редактора
В.А. Гусев,
канд. юрид. наук, доцент

Ответственный секретарь
А.А. Осадчий

Члены редколлегии:
А.Н. Бабай,
канд. юрид. наук, профессор;
В.Н. Бойко,
д-р юрид. наук, профессор;
Н.Н. Дерюга,
д-р юрид. наук, профессор;
Л.Н. Древаль,
д-р юрид. наук, профессор;
Н.Н. Егоров,
д-р юрид. наук, профессор;
(г. Москва)
В.В. Кулыгин,
д-р юрид. наук, профессор;
Н.Е. Мерецкий,
д-р юрид. наук, профессор;
Н.М. Тюкалова,
канд. юрид. наук, доцент;
В.А. Шабалин,
д-р филос. наук, профессор;

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальная тема

Старилов Ю.Н. Создание эффективной правовой защиты прав и свобод человека и гражданина как основная цель модернизации российского административного права / 3

Уголовное право и криминология

Лунева А.В. Проблемы определения субъекта детоубийства, предусмотренного ст. 106 УК РФ / 23

Самойлюк Н.В. Криминологическая характеристика личности преступника- мигранта / 31

Золотарева О.В. Проблемы применения отсрочки отбывания наказания большим наркоманией / 39

Уголовный процесс

Овчинников Ю.Г. Разъяснение подозреваемому права на защиту при задержании / 48

Хисматуллин И.Г. Проблемные вопросы участия защитника в ходе производства дознания / 60

Загвоздкин Н.Н. Об ознакомлении обвиняемого с материалами уголовного дела по окончании предварительного следствия / 66

Неустроева А.В., Баранов М.С. Использование мер безопасности в отношении жертв преступного насилия как одно из направлений преодоления противодействия расследованию / 75

Макаренко М.А. Прокурорско-надзорные средства защиты прав личности в досудебных стадиях уголовного процесса: современное состояние и тенденции развития / 81

Мамошин М.А. Правовая сущность участия специалиста в уголовном судопроизводстве / 91

Откидач А.О. Актуальные проблемы следственной практики в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ / 98

Прутовых В.В. История применения медицинских знаний в уголовном судопроизводстве. Толкование термина «вред здоровью» / 105

Н.А. Шабельникова,
д-р ист. наук, профессор;
(г. Владивосток)
И.М. Антонов,
канд. юрид. наук, доцент;
Д.А. Баринов,
канд. юрид. наук, доцент;
М.Н. Зинятова,
канд. филос. наук, доцент;
В.Ф. Лигута,
канд. пед. наук, профессор;
М.А. Макаренко,
канд. юрид. наук

Редактор
Е.Ю. Колобанова
Корректор
Н.Б. Хохлова

*Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Свидетельство
ПИ № ФС77-37942
от 5 ноября 2009 г.*

Публикуемые материалы
отражают точку зрения автора,
которая может не совпадать
с мнением редколлегии

Плата с авторов за публикацию
рукописей не взимается.
Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 28.06. 2013.
Бум. офис. Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 21,27.
Тираж 500 экз. Заказ № 40.
Цена свободная.

Дальневосточный юридический
институт МВД России.
Редакционно-издательский
отдел. Типография.
680020, г. Хабаровск,
пер. Казарменный, 15.

Электронный адрес редакции:
e-mail: redactor80@gmail.com;
vestnikdvui@yandex.ru
Тел. (4212) 46-52-17
Тел./факс: (4212) 46-52-06

© ФГКОУ ВПО ДВЮИ
МВД РФ, 2013

Трибуна молодых ученых

Худицкая Ю.П. Некоторые проблемы исследования ситуаций, возникающих в условиях противодействия расследованию преступлений, связанных с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязанностей по воспитанию несовершеннолетних / **116**

Филина Е.М. Объект и предмет преступного посягательства, связанного с надругательством над телами умерших и местами их захоронения, по законодательству зарубежных стран / **123**

Карпенко Т.А. Административная ответственность за нарушения общественного порядка и общественной безопасности при проведении массовых мероприятий: анализ федерального и регионального законодательства / **129**

Старовецкий Р.М. Становление и развитие института фондовой биржи в России: историко-правовые аспекты / **135**

Романькова С.А. К вопросу о применении полицией административно-восстановительных мер в области дорожного движения / **145**

Проблемы цивилистических отраслей права

Древаль Л.Н., Бурмистрова В.В. О признании права собственности на самовольную постройку / **153**

Древаль Л.Н., Алипченко Т.В. О правовом регулировании некоторых вспомогательных репродуктивных технологий / **158**

Педагогика в органах внутренних дел

Бурцева Е.В. Проблемы и возможности преподавания педагогики в вузах системы МВД России / **163**

Есть мнение...

Прудникова И.В. Криминализация покупки сексуальных услуг как фактор противодействия торговле людьми / **170**

Научная жизнь

О научных мероприятиях, проведенных в Дальневосточном юридическом институте МВД России в апреле-мае 2013 г. / **176**

Информация для авторов / 183

Актуальная тема

УДК 342.722

**СОЗДАНИЕ ЭФФЕКТИВНОЙ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД
ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА КАК ОСНОВНАЯ ЦЕЛЬ МОДЕРНИЗАЦИИ
РОССИЙСКОГО АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА**

*Юрий Николаевич Старилов, заведующий кафедрой юридического факультета
Воронежского государственного университета
доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ*

В статье раскрывается значение модернизации государства и улучшения качества административно-правового регулирования в области защиты прав и свобод человека и гражданина в современной России.

Ключевые слова: модернизация; административное право; государственное управление; административные процедуры; административное судопроизводство; правовая политика.

**CREATION OF EFFECTIVE LEGAL PROTECTION OF RIGHTS
AND FREEDOMS OF MAN AND CITIZEN AS THE MAIN OBJECTIVE
OF THE MODERNIZATION OF RUSSIAN ADMINISTRATIVE LAW**

*Starilov Yury Nikolaevich, Voronezh State University, chair head, Doctor of Law,
Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (Voronezh)*

The paper deals with questions devoted to the modernization of administrative law and administrative legislation which are based on general principles of the modernization of Russian legislation and law system of the country, namely, by codification measures. The author stresses that the modernization processes of administrative legislation are necessarily connected with reforming administrative and legal regulation. Confirming it the author refers to the points of view of leading Russian administrativists who speak about the necessity of the abovementioned modernization.

Keywords: modernization; administrative and legal regulation; administrative state; administrative measures; administrative procedural code; administrative legal proceedings, code of administrative legal proceedings; specialized administrative court; concept of four "and"; administrative claimant.

Модернизация (как идея, как практика правоприменения и как политика) в любом обществе и государстве на всяких этапах их развития будет востребована, ибо модернизация – это способ их развития и приспособления к новым реальностям правовой системы всех юридических понятий, правовых институтов, видов государственной деятельности, публичной власти, законодательства, законотворчества и административного нормотворчества.

Модернизация в широком смысле слова, если говорить о политико-правовых преобразованиях в стране, должна ставить в качестве ее конечных целей установление и развитие правовых институтов как гарантий реализации Конституции Российской Федерации. Именно в этом аспекте нужно рассуждать о целях модер-

низации, когда планируется решение таких задач, как: создание системы эффективной правовой защиты прав и свобод человека и гражданина, законных интересов организаций и юридических лиц; реализация конституционно-правовой нормы об административном судопроизводстве; развитие административного и административного процессуального законодательства в соответствии с принципом совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов в области административного и административного процессуального законодательства; кодификация административного и административного процессуального законодательства.

Возникает вопрос: что считать объявленной в России *модернизацией* и в той или иной степени обоснованной *модернизационной* (или *модернизирующей*) *политикой*? Это модные и красивые термины или полезные для развития страны, государства и общества *преобразования* и *реформы*, назревшая модель реформирования главных сфер жизнедеятельности? В условиях, когда слово «модернизация» уважается и, наверное, признается лишь авторами данной концепции, а у большей части образованных людей вызывает неперспективные эмоции и критику, полагаем, необходимо всемерно доказывать своевременность появления такой политики и целесообразность реализации многих реформаторских идей.

Термин «*модернизация*» означает «*осовременивание*», т.е. необходимость формирования «*нового*» государства, создание современной правовой системы страны, «*нового*» административного права и государственного управления, основываясь на использовании самых передовых методологий, правовых средств, форм и методов управленческой деятельности. Модернизация означает исключение из практики публичного администрирования устаревших форм и методов управленческой деятельности; исключение из административного законодательства очевидно ненужных и тормозящих позитивное развитие институтов; «*обновление*» административно-правовых институтов на основе новейших рекомендаций в целях улучшения их юридического качества. Ученые отмечают, что модернизация российского законодательства не должна ограничиться его *текущим совершенствованием*¹; «модернизация законодательства выступает не только идеологической основой для работы по пересмотру, совершенствованию, качественному обновлению и количественной оптимизации действующих российских законов, но и важной составляющей современного этапа государственно-правового развития страны»².

Модернизация – это не столько способ и одновременно форма поиска правильной «*дороги*», ведущей к обновлению всех сфер правового регулирования; это строительство такой «*дороги*» при соблюдении всех современных «*технологических и инфраструктурных*» требований, позволяющих реально улучшить качество государственной деятельности, процедуры законотворчества, создать новую «*атмосферу*» публичного администрирования, обеспечить верховенство судебных правовых актов, авторитет судебной власти; модернизационная стратегия должна привести к изменению правовой культуры общества, которое станет «*признавать*» государство и доверять лицам, находящимся на всех государственных должностях. П.И. Новгородцев в конце XIX в. писал: «Замкнувшись в круге практических задач, юриспруденция не находила в себе достаточно сил, чтобы выйти на новую дорогу. Потому ли, что традиционная метода не воспитывала хороших ученых, или потому, что лучшие силы уходили в другие области, но выдающихся юристов наука права за это время не выставила. Представители юрис-

¹ См.: Хабриева Т.Я. Стратегия социально-экономического развития России и модернизация законодательства // Концепция развития российского законодательства / под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова. М., 2010. С. 34.

² Там же.

пруденции не были в силах разобраться в сложном материале римского права. Судьи терялись в массе разнородных определений Юстиниановой компиляции и в хаосе позднейших интерпретаций. Затруднения еще увеличивались тем, что наряду с римским правом приходилось иногда соотносываться с германским и каноническим. Понятно, почему в течение XVII и XVIII столетий не прекращаются жалобы на неопределенность права, на отсутствие правильной юстиции и произвол судей»¹. Как описанная ситуация похожа на современность, когда мы и сегодня анализируем такие термины и процессы, как: «сложный материал права и законодательства», «компиляции», «хаос интерпретаций», «неопределенность права», «отсутствие правильной юстиции», «административный и судебный произвол».

Модернизацию административного права и административного законодательства трудно представить без учета единой основы и общих принципов модернизации российского законодательства и правовой системы страны. Очевидно, что в настоящее время невозможно создавать новые административно-правовые институты и конструкции, не анализируя опыта *европеизации административного права*². Полезными в *модернизирующем* процессе системы административно-правового регулирования могут стать новейшие современные институты, сформировавшиеся в странах с быстро развивающимися государственно-правовыми институтами и общей правовой системой³.

В качестве основного программного политико-юридического документа, содержащего главные цели масштабного развития российского законодательства, обычно называют *Концепцию долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года*⁴. Эта *Концепция*, определяя стратегию государственного развития, позволяет наметить планы по совершенствованию всех отраслей и институтов российского законодательства, обеспечивая при этом соблюдение принципов единства законодательства и его большей согласованности; развитие законодательства должно происходить на основе использования программно-целевого метода правотворчества⁵. Ученые-юристы, рассматривая основные направления совершенствования институциональной среды, пред-

¹ Новгородцев П. Историческая школа юристов: ее происхождение и судьба // Немская историческая школа права. Челябинск, 2010. С. 28.

² См., напр.: Sommermann K.-P. Veränderungen des nationalen Verwaltungsrechts unter europäischem Einfluss – Analyse aus deutscher Sicht // Schwarze J. (Hrsg.). Bestand und Perspektiven des Europäischen Verwaltungsrechts. Baden-Baden, 2008. S. 181-199; Sommermann K.-P. Konvergenzen im Verwaltungsverfahrens- und Verwaltungsprozessrecht europäischer Staaten // ДЦВ. 2002. S. 133-134. См. также: Административное право зарубежных стран: учебник / под ред. В. Я. Кикотя, Г.А. Василевича, Н.В. Румянцева. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2012; Тихомиров Ю.А. Сравнительное правоведение в исследовании институтов административного права // Административные процедуры и контроль в свете европейского опыта / под ред. Т. Я. Хабриевой, Ж. Марку. М.: Статут, 2011. С. 13-19; Марку Ж. Административные акты и процедуры России и других государств Европы // Административные процедуры и контроль в свете европейского опыта. С. 20-93.

³ См., напр.: Хаоцай Ло. Очерки современного административного права Китая /пер. с кит. А.В. Островского, В. В. Жигулевой, Б. Я. Надточенко; под ред. А. А. Демина. М.: Книгодел, 2010.

⁴ Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р //Собрание законодательства РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.

⁵ См.: Хабриева Т.Я. Указ. соч. С. 31-32, 34.

полагают, что указанная Концепция будет оказывать заметное «воздействие на формирование новых правовых норм и принципов правового регулирования»¹.

В структуру новейшего законодательства предполагается включить и административно-правовые институты, и нормы, устанавливающие эффективные механизмы для снижения административных барьеров в экономике; противодействия коррупции в стране; устранения избыточного государственного регулирования экономическими отношениями; перехода преимущественно к косвенным методам регулирования процессов в экономике; сокращения государственного участия в управлении собственностью «в конкурентных отраслях экономики путем применения прозрачных и эффективных приватизационных процедур, основанных на принципах рыночной оценки, равного доступа к имуществу и открытости деятельности органов государственной власти»²; установления правильного баланса централизации и децентрализации публичного управления³. Принятая *Концепция* устанавливает приоритетные направления развития административно-правового сектора российского законодательства в области финансов, энергетики, промышленности, транспорта, экологии, здравоохранения, образования и науки, физической культуры и спорта, жилищно-коммунального хозяйства, пенсионного обеспечения.

В структуре предполагаемой (и отчасти уже проводимой) в стране модернизации *совершенствование государственного управления*, очевидно, находится в центре как соответствующей правовой политики, так и административно-правового регулирования управленческих отношений. В научной литературе обнаруживается единство мнения относительно целей проведения реформирования государственного управления; как правило, говорят о необходимости «перехода от жесткого администрирования, административных разрешений к более мягким и адаптивным механизмам регулирования»⁴. С одной стороны, модернизация нужна на уровне принципов публичного управления и на уровне создания новых моделей публичного управления. С другой стороны, модернизация будет осуществляться на уровне административно-правовых институтов, следовательно, будут предприниматься усилия по совершенствованию самых важных административно-правовых институтов.

Модернизация административного права означает создание административно-правовых норм, институтов, подотраслей, гарантирующих: открытость и доступность государственного управления; приведение государственного управления в «надлежащий» вид, придание ему новой формы, соответствующей новым требованиям и установленным стандартам; соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина, законных интересов организаций и юридических лиц; информированность общества об управленческой деятельности; обоснование каждой меры и каждого административного акта, принимаемого публичной администрацией и ее органами; законность публичного управления и ликвидация чрезмерного административного управления; доверие общества к административной власти; создание «надежного» и «доброе» государственного управления. Именно с этих позиций и необходимо рассматривать цели модернизации в сфере государственного управления и административного законодательства.

Модернизация государства и законодательства (в том числе административного и административного процессуального) начинается с выяснения исходных теоретических положений о сущности сформировавшегося государства, достиже-

---

¹ Там же. С. 28.

² Хабриева Т.Я. Указ. соч. С. 28.

³ См.: Там же. С. 28-30.

⁴ Там же. С. 33.

ниях в административно-правовом регулировании, сложившейся административной практике, противоречиях и недостатках административного правоприменения, характере и качестве совершенных в сфере исполнительной власти административных ошибок, проблемах служебного права и практического поведения государственных и муниципальных служащих. Модернизация нынешнего государства во многом должна основываться на модернизации государственного управления как важнейшего института, необходимого элемента, атрибута самого государства. В рамках модернизации государства создается система «отмывания» государства от множества отрицательных, ненужных и неблагоприятных признаков и проявлений государственной деятельности, от негативных явлений, действий государства, от плохих последствий в государственном строительстве.

Конституция Российской Федерации (как и конституция любой современной страны) устанавливает *стандарт* организации и функционирования *государства*, осуществления государственной деятельности, взаимодействия государства и его различных органов с обществом, организациями, гражданами страны, физическими и юридическими лицами, формы и средства обеспечения прав, свобод, законных интересов человека и гражданина. Чтобы модернизировать систему правового регулирования, нужно поставить вопрос: в полной ли мере сегодня реализована действующая Конституция России применительно к организации и функционированию исполнительной власти и публичного управления? Является ли современное государство эффективным гарантом прав и свобод граждан? Какое оно – современное Российское государство?

Применительно к современному государству можно обнаружить различные характеристики и типы. С какими основными характеристиками и обозначениями сегодня подходят к государству? О каких видах государства можно сегодня говорить? Это:

- 1) правовое государство¹;
- 2) конституционное государство;
- 3) социальное государство;
- 4) административное государство;
- 5) судебное (судейское) государство² (или «государство юстиции»³);
- 6) эффективное государство;
- 7) сильное государство;
- 8) сервисное государство (т.е. государство как субъект, оказывающий государственные услуги всем субъектам права);
- 9) стандартное государство (государство, организация и деятельность которого строятся на укоренившихся в настоящее время стандартах (представлениях) о структуре государства, системе его органов, видах государственной деятельности, основных правовых институтах и порядках);
- 10) чиновное (служебное) государство (государство, в котором действует полноценное законодательство, устанавливающее отношения и многочисленные

¹ См., напр.: Зорькин В.Д. Современный мир, право и Конституция. М.: Норма, 2010. С. 14-22. С. 113-140; Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М.: Юрид. лит., 2005. С. 373-386; Sommermann K.-P. Das Recht auf effektiven Rechtsschutz als Kristallisationspunkt eines gemeineuropäischen Rechtsstaatsverständnisses // Kirchhof F., Papier H.-J., Schdffer H. (Hrsg.) Rechtsstaat und Grundrechte. Heidelberg, 2007. S. 443-461. См. также: Munding C.-D. Das Grundrecht auf effektiven Rechtsschutz im Rechtssystem der Europäischen Union. Berlin, 2010.

² См.: Merten D. Rechtsstaatlichkeit und Gnade. Berlin, 1978. S. 82.

³ См., напр.: Шмитт К. Гарант конституции // Государство: право и политика / пер. с нем. и вступ. ст. О.В. Кильдюшова; сост. В.В. Анашвили, О.В. Кильдюшов. М.: ИД «Территория будущего», 2013. С. 43.

порядки в системе и структуре государственной службы) (в трудах прошлого столетия указывается термин «чиновническое государство»¹);

11) принуждающее государство – государство-сила (власть-принуждение);

12) функциональное государство;

13) государство-гарант (гарант прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц);

14) системное государство (государство – это система известных и обязательных элементов, государственных должностей, институтов, процедур, видов государственной службы и пр.). Во все времена, когда государство подвергается существенной и обоснованной критике, говорят *о сломе системы*, т.е. о коренных преобразованиях;

15) «реальное» и «виртуальное»² государство; в России уже длительное время обсуждаются вопросы формирования «электронного» государства и «электронного» управления, развития информационного законодательства в Российской Федерации в условиях модернизации государственного управления, взаимодействия граждан и публичной власти в условиях информационного общества.

Таким образом, современное государство, выполняя множество основных функций и предназначений, может быть модернизировано с позиций различных подходов в понимании государства. Если мы говорим о социальном государстве, то сразу же анализируем качество государства с точки зрения соответствия стандартам социального государства. В зависимости от появившихся проблем в области социальной деятельности государства и могут разрабатываться основные программы модернизации государственной деятельности, направленной на усиление социальной активности и самой социальной роли государства.

В случае анализа термина «правовое государство» возникает потребность в завершении государственно-правового строительства с тем, чтобы конституционно-правовые нормы получили свою реализацию на практике и содержали бы потенциал, соответствующий стандартам правовой государственности.

Одной из новых научных работ, посвященных проблеме правового государства, является статья В. Е. Чиркина, который выделяет следующие главные признаки «правового государства нашего времени»³: «1) необходимое и достаточное (но не излишнее) урегулирование правом (прежде всего законом) всех существенных общественных отношений в обществе, которые нуждаются в правовом регулировании и могут быть урегулированы правовыми средствами; 2) установленный законными способами демократический правопорядок в обществе при верховенстве конституции и закона; 3) взаимные права и обязанности и взаимная ответственность участников правоотношений, в том числе властвующих и подвластных...; 4) деятельность правового государства призвана обеспечивать правовыми средствами социальный и технологический прогресс общества, справедливость (прежде всего социальную справедливость), достойную жизнь и развитие человека»⁴.

Весьма объемная цитата из научного труда В. Е. Чиркина обусловлена желанием не исказить смысла авторского мнения. Он отмечает, что «правовое госу-

¹ См.: Шмит К. Указ. соч. С. 44, 207-216.

² См.: Бачило И.Л. Государство и право XXI в.: реальное и виртуальное. М., 2012; Петров М.П. Исполнительная власть на этапе модернизации Российского государства: опыт правового исследования: монография / под ред. А.В. Малько. М., 2012. С. 264-285.

³ Чиркин В.Е. К вопросу о сущности правового государства // Вопросы правоведения. 2012. № 3. С. 20.

⁴ Там же.

дарство – это не государство безграничного благоденствия»¹. Думается, что авторы теории правового государства в меньшей мере оценивали правовое государство с точки зрения какого-либо благоденствия; благополучие и благоденствие относятся не к признакам самого государства, а к обществу, людям, создающим это государство. Правовое государство – государство, сформированное и функционирующее исключительно по конституционно-правовым нормам и законам. Это государство, которое устанавливает известный стандарт государственной деятельности, направленной на обеспечение решения задач и функций государства; это государство, гарантирующее постоянное исполнение того правового установления, которое в российской Конституции указывается в ст. 18: «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием». Ю.А. Тихомиров пишет: «Опыт истории и современности подтверждает главную закономерность: государство не может замыкаться в себе и сводить свои функции к сервисному или арбитражному обслуживанию. Общество все более решительно требует от государства выполнения социально значимых функций для обеспечения публичных интересов»². В правовом государстве «сервисная составляющая», конечно, присутствует, но она не является главной. Правовое государство – это и в том числе государство применяемой на основе закона принуждающей власти, силы, защиты от незаконного противодействия со стороны каких бы то ни было субъектов.

Как уже было отмечено, модернизация административного законодательства и административного права, очевидно, должна осуществляться вначале в отношении самых главных и востребованных в современных условиях правовых институтов, направленных на обеспечение эффективной правовой защиты всех субъектов права, формирование демократичного (законного, ясного, понятного, прозрачного) порядка государственного управления. В каждом конкретном случае целесообразно ставить цель, задачи модернизации и разрабатывать программу модернизирующих действий. Нужно установить *идеалы* модернизации.

Если обратить внимание на исследование ученых, которые разрабатывают концепции развития административного³ и административно-процессуального законодательства⁴, то авторы связывают трансформацию административного права и административного законодательства с происходящими изменениями в системе организации и функционирования самого государства, с повышением значимости государственных органов и, следовательно, органов исполнительной власти в жизнедеятельности общества. Среди важнейших целей концепции развития административного законодательства специалисты называют следующие: 1) кодификация административно-правовых норм (кодексы или тематические законодательные акты); 2) установление статусов субъектов административного права (компетенция, ответственность, взаимоотношения); 3) развитие административно-процессуального и процедурного законодательства с целью противодействия коррупции и бюрократизму; 4) определение роли, значения и развитие содержания технических регламентов, стандартов, нормативов, разрешений, договоров, со-

---

¹ Чиркин В.Е. Указ. соч. С. 20.

² Тихомиров Ю.А. Государство: преемственность и новизна. М., 2011. С. 78.

³ См., напр.: Концепция развития административного законодательства // Концепция развития российского законодательства. С. 163-192.

⁴ См., напр.: Сухарева Н.В., Кузнецов В.И. Концепция развития административно-процессуального законодательства // Концепция развития российского законодательства. С. 627-646.

глашений о государственно-частном партнерстве; 5) устранение противоречий и дублирований в системе административно-правового регулирования; ликвидация пробелов в механизме правовой регламентации¹. С теоретической точки зрения, указанные цели анализируемой концепции развития административного законодательства можно объединить лишь одной – *кодификация* административного законодательства, т.е. посредством кодификационных мероприятий достигаются, как правило, и остальные цели реформаторских преобразований: и уточнение административно-правового статуса участников управленческих отношений, и развитие законодательства об административных процедурах, и разработка закона об административных договорах, и устранение противоречий и пробелов в правовом регулировании.

В систему концептуального современного развития административного права и административного законодательства, как правило, специалисты включают развитие законодательства: об органах исполнительной власти; о государственной службе; о противодействии коррупции²; о государственном контроле (надзоре)³; о государственных услугах; об управлении в области экономических отношений; о техническом регулировании⁴. Очевидно, что в системе мероприятий, входящих в модернизацию административно-правового регулирования, можно включить и некоторые другие сферы административно-правового воздействия, которые могут находиться и внутри уже указанных институтов и правовых образований. Думается, что попытки установления целей модернизации административного права и законодательства и разработка основных направлений модернизации должны предприниматься постоянно. Однако с учетом «статуса» и значимости термина «модернизация» цели такой политики должны быть более «амбициозными» и фундаментальными. В российских исследованиях данной проблематики внимание акцентируется все же на обычном и планомерном развитии административного законодательства, обусловленном изменяющимися обстоятельствами государственной деятельности, необходимостью учета международного и европейского опыта правовой регламентации отношений в сфере государственного управления, потребностью логического завершения уже начатых реформ отдельных административно-правовых институтов (например, о государственной службе, о противодействии коррупции, об административных правонарушениях, об административном процессе).

Следует отметить, что процессы модернизации административного законодательства связываются и с необходимостью реформирования системы административно-правового регулирования. И здесь, к сожалению, авторы не ставят каких-

¹ См.: Концепция развития российского законодательства. С. 165.

² См., напр.: О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции»: Указ Президента РФ от 2 апреля 2013 г. № 309; О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»: Указ Президента РФ от 2 апреля 2013 г. № 310.

Усилия Российской Федерации по созданию законодательства о противодействии коррупции и по осуществлению самой антикоррупционной деятельности впервые весьма положительно оценены: наша страна по индексу восприятия коррупции Трансперенси Интернешнл поднялась сразу на 10 позиций. См.: Егоров И. Россию признали как полноправного члена международной антикоррупционной системы // Российская газета. 2013. 10 апреля.

³ См.: Правовое регулирование государственного контроля: монография / отв. ред. А.Ф. Ноздрачев. М.: Ин-т законодат-ва и сравнит. правоведения при Правительстве РФ; Анкил, 2012.

⁴ См.: Концепция развития российского законодательства. С. 165-190.

то новых (именно *реформаторских* или *модернизирующих* управленческую жизнь) задач перед наукой административного права; как правило, повторяются уже не раз высказанные в литературе тезисы и пожелания относительно развития административного права. Речь идет, например, о предложении «четкого деления» «огромного массива административно-правовых норм по подотраслям, институтам и субинститутам», а также о том, что именно такой подход «позволит сформулировать для каждой подотрасли и института свои четкие системы специальных принципов и максим, на основе которых должно выстраиваться нормативное регулирование»¹. С этим вряд ли возможно спорить, но такие подходы являются предметом научных дискуссий на протяжении последних двадцати лет. Приведенное мнение, к примеру, соответствует рассуждениям о необходимости развития административного законодательства на основе принципов *системности, гармонизации и расширения предметов регулирования*². К сожалению, несмотря на активность ученых в постановке проблем и целей современного реформирования административного права (модернизации административного законодательства), на практике всякие нововведения «приживаются» медленно.

Модернизация государственного управления возможна не только путем проведения административных преобразований (т.е. реформ в области исполнительной власти или государственной службы), но и посредством «*модернизирующегося*» развития институтов других ветвей государственной власти. Здесь нужно отметить решающее значение некоторых институтов административного права и административного процессуального права в обеспечении демократического развития страны. Например, по каким-то причинам в течение последнего десятилетия в кризис попала идеология формирования в стране полноценной административной юстиции и создания системы административных судов. Однако именно административные суды и специализированное административное правосудие помогут реализации в России норм Конституции о создании гарантий защиты конституционно-правового развития, гарантий реализации конституционно-правовой нормы об эффективной судебной власти. Институт административного судопроизводства и судьи этих специализированных судов смогут полноценно искоренять коррупцию и «неэффективные» административные решения. Решения административных судов будут использоваться при обучении «профессиональных чиновников» - ведь именно такие решения содержат правовую информацию о том, как «нельзя» использовать лишь ради своих личных интересов административную власть, предоставленные служебные полномочия и весь арсенал административных возможностей, инструментов, способов, имеющихся в распоряжении служащих правовых средств и форм.

Если говорить о модернизации административно-процессуального законодательства, то ученые, как правило, акцентируют внимание на развитии законодательства «об административной юстиции» (о порядке разрешения дел, возникающих из публичных правоотношений), а также на развитии научных воззрений относительно главных теоретико-правовых конструкций административно-процессуальной темы³. В современных научных трудах, посвященных данной проблема-

---

¹ Фатьянов А.А. К вопросу о реформировании системы административного права // Адм. право и процесс. 2012. № 11. С. 5.

² См.: Концепция развития российского законодательства. С. 191.

³ См., напр.: Правосудие в современном мире: монография / под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. С. 594-624.

В многочисленных дискуссиях, посвященных проблеме административного судопроизводства, принимают участие и международные эксперты в данной области знаний.

тике, анализируются сложившиеся представления специалистов о понятии, содержании и структуре административного процесса. Как и ранее, констатируется наличие нескольких подходов к определению административного процесса (широкое и узкое, «судебное» и «внесудебное»). Например, под административным процессом понимается урегулированная «нормами административно-процессуального права процессуальная деятельность органов исполнительной власти и судебной власти по реализации административных норм и разрешению дел, возникающих из административных правоотношений»¹. Таким образом, ученые отстаивают идею о том, что административный процесс может быть как судебным, так и внесудебным.

Здесь нужно отметить, что страны с развитой правовой системой, в конституциях которых устанавливается термин «правовое государство», либо законодательно сформировали системы административных судов², либо приняли законы (кодексы) об административном судопроизводстве. Следовательно, административный процесс, с этой точки зрения, является всегда только *судебным*. Другие административно-правовые нормы, регламентирующие порядок и динамичные отношения в сфере государственного управления, принято называть *административными процедурами*. Для пересмотра устоявшихся во многих странах указанных концепций требуются серьезные аргументы и действительно «модернизирующие усилия».

Именно саму идею и попытки создания в России законодательства об административном правосудии и следует назвать *модернизацией* административно-процессуального законодательства, ибо с учетом всех сложностей внешнего и внутреннего характера усилия по разработке такого законодательства сравнимы с крупными реформаторскими шагами.

В конце марта 2013 г. в России опубликован проект федерального закона «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации»³. Его стремительная разработка обусловлена необходимостью исполнения одного из главных поручений Президента РФ, содержащегося в утвержденном им 22 декабря 2012 г. Перечне поручений по реализации Послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 12 декабря 2012 г. В пункте 1 (ч. 2) Перечня определено: представить до 1 марта 2013 г. для внесения в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проект Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации. Пункт 2 этого Перечня содержит указание Президента страны «сформировать в системе судов общей юрисдикции судебные коллегии по административным делам для рассмотрения жалоб граждан и организаций на решения и действия органов публичной власти и их должностных лиц» (срок – до 1 марта 2013 г.)⁴.

Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькин, выступая на VIII Всероссийском съезде судей 18 декабря 2012 г., весьма профессионально и объективно проанализировал создающуюся ситуацию с нормативным правовым обеспечением осуществления в России административного правосудия в современных условиях. Он исходил из положения о том, что «создание *админи-*

См., напр.: *Внесудебный контроль административных решений: международ. «круглый стол»* (Москва, 23 ноября 2011 г.). URL: <http://www.igpran.ru/about/subjects/snews/3048/>.

¹ Сухарева Н.В., Кузнецов В.И. Указ. соч. С. 630.

² О формировании в России административных судов см., напр.: Фоков А.П. *Современные проблемы административной юстиции в России: административные суды: «за» и «против»* // *Российский судья*. 2012. № 2. С. 2-5.

³ URL: http://static.consultant.ru/obj/file/doc/fz_270313.pdf.

⁴ URL: <http://news.kremlin.ru/assignments/17248>.

стративного судопроизводства и административно-процессуального кодекса – требование Конституции. Необходимо, наконец, принять принципиальное решение о создании в России полноценного административного судопроизводства»¹. Далее уместна достаточно объемная цитата из его выступления: «В настоящее время дела, возникающие из административных и иных публичных правоотношений, рассматриваются судами общей юрисдикции и арбитражными судами в рамках их компетенции, в основном по правилам Гражданского процессуального кодекса и Арбитражного процессуального кодекса (исключение составляют дела об административных правонарушениях, рассматриваемые судами общей юрисдикции). В дискуссиях о том, какой из существующих судов должен рассматривать административные споры, остался в стороне главный вопрос – на основе какой нормативной базы их рассматривать. Конституция выделяет в качестве самостоятельного вида судопроизводства административное судопроизводство, которое, соответственно, осуществляется на основе специального, а именно административно-процессуального законодательства (статья 118, часть 2; статья 72, часть 1, пункт «к»). Между тем такие дела рассматриваются на основе гражданско-процессуального или арбитражно-процессуального законодательства. В этом смысле административного судопроизводства в нашей стране не существует. Поэтому необходимо создание административного процессуального кодекса, т.е. полноценной нормативно-правовой базы административного судопроизводства»².

В.Д. Зорькин также отметил, что при разработке административного процессуального кодекса нужно определить «порядок осуществления административного судопроизводства, юридически точно разграничить компетенцию судов по административным и другим делам, обеспечить процессуальное взаимодействие между судами»³. Именно последние слова – «обеспечить процессуальное взаимодействие между судами» - дают основание для различных спекуляций относительно разграничения компетенции между различными судами по рассмотрению дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений. Это наиважнейший и наисложнейший вопрос будущих организационных изменений в структуре судебной системы России, которые неминуемо должны произойти после вступления в силу Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации.

Теперь наступило время профессионального обсуждения проекта Кодекса административного судопроизводства (КАС). Идет процесс ознакомления с текстом законопроекта, пишутся первые отзывы о нем, даются краткие оценки, готовятся полномасштабные рецензии. Однако уже сейчас слышатся голоса и скоропалительные суждения тех, кто, фактически еще не дочитав проект КАС до конца, начинает утверждать, что, дескать, все, что авторы законопроекта «списали» с Гражданского процессуального кодекса РФ, – это хорошо, а то, что выдумали сами в качестве специальных норм относительно института административного судопроизводства, представляет собой неясную, нечеткую, непонятную и ненужную правовую материю! Думается, эти очень быстро сформулированные оценки положений законопроекта узнаваемо «вписываются» в общую канву представлений о нецелесообразности учреждения в России специализированного административного правосудия. На протяжении последних 15 лет оппозиционные настроения в отношении реализации конституционно-правовой нормы об административном судопроизводстве реально мешали модернизирующим усилиям в сфере проведе-

¹ URL: <http://www.ssrif.ru/page/9098/detail/>.

² URL: <http://www.ssrif.ru/page/9098/detail/>.

³ Там же.

ния судебной реформы. В действительности же, данный законопроект стал сегодня нормативно-правовой основой, которая позволит, формируя порядок разрешения административных дел, улучшить качество административного судопроизводства и создать эффективную модель российской административной юстиции уже к концу 2013 г.

Вместе с тем авторы законопроекта, к сожалению, не установили принципиально важных для закона об административном судопроизводстве положений, связанных с определением соотношения административного процесса и административного судопроизводства; в проекте КАС не определены важнейшие категории, касающиеся публичного администрирования и его результатов, которые становятся предметом судебного обжалования (административный правовой акт, нормативный правовой акт, административные процедуры); не предлагаются определения основных понятий, которые используются в кодексе. Очевидно, авторы законопроекта полагали, что указанные понятия из сферы административных процедур должны устанавливаться в соответствующих законах.

На протяжении многих лет в России обсуждаются возможности разработки и принятия законодательных актов об административных процедурах (или об административных правовых актах). В начале 2013 г. автор этих строк обратился к известному швейцарскому юристу и ученому *Карлу Экштайну* – специалисту в области теории административных процедур¹, который информирован о происходящих в России попытках создания Кодекса административного судопроизводства, с просьбой подготовить статью об административном судопроизводстве. Профессор К. Экштайн одобрительно отнесся к самой идее формирования административного судопроизводства в виде отдельного законодательного акта; однако при этом посетовал, что в России и в этом случае «телегу ставят впереди лошади»². По его мнению, вначале необходимо разработать и принять закон об административных процедурах, а уже затем – закон об административном судопроизводстве.

Очевидно, может возникнуть впечатление, что дискуссия об административной юстиции и административном судопроизводстве заметно затянулась; не принимаются вполне очевидные решения по данному вопросу, а принимать их нужно. Именно в этих условиях можно «скатиться» к простому решению проблемы –

---

¹ См., напр.: Шафхаузер Р., Экштайн К., Вершинин С. Как упорядочить отношения гражданина и чиновника? Административные процедуры на примере законодательства Швейцарии. М.: ЭКОМ, 2000; Федеральный закон «Об административных процедурах»: инициативный проект с комментариями разработчиков / вступ. ст. К. Экштайна, Е. Абримовой // Фонд «Конституция». М.: Комплекс-Прогресс, 2001.

² К. Экштайн написал мне: «Нерегулируемые или плохо регулируемые процедуры могут мешать и остановить реализацию материального права и тем самым способствовать чиновничьему произволу и коррупции. Перед тем, как организовать административное судопроизводство, важно, чтобы сначала был принят закон, который регулирует принципы административных процедур. То есть дом надо начинать строить не с крыши, а с фундамента. Пока нет закона, который регулирует общие принципы административных процедур, создание административного судопроизводства даже опасно: чиновники могут формировать процесс произвольно и досадно, что при этом их действия не будут противоречить никаким законам. Что будет делать суд в такой ситуации? Конечно, суд будет оправдывать действия чиновника, поскольку он не нарушил никакой закон. Таким образом, произвольное и репрессивное проведение процедур будет оправдываться и укрепляться. Такой суд может только оправдывать произвольные и репрессивные действия администрации. Это пощечина правовому государству».

быстро дать указание¹, чтобы в течение двух месяцев был разработан проект такого сложного процессуального закона, как Кодекс административного судопроизводства, а там уж как получится. Сначала начнется обсуждение законопроекта; потом где-то летом 2013 г. закон будет принят в немного подправленной редакции; затем будет установлен срок вступления в силу (например, 1 января 2014 г.). Можно предположить, что остальные полгода (июль-декабрь 2013 г.) будут отведены для разработки многочисленных поправок в данный закон, которые значительно изменят модель административной юстиции и содержание закона. И, как это не раз бывало в законодательной деятельности Государственной Думы, Кодекс административного судопроизводства, еще не вступив в силу, будет значительно обновлен и, конечно, улучшен.

Но это лишь предположения. Может быть, все будет по-другому. В складывающихся ныне реалиях политико-практических реформирований института административной юстиции не сложно умозаключить, что применительно к работе над проектом российского Кодекса административного судопроизводства намечается, как говорили ранее, использование практики «юридизации политики» и «политизации юстиции»². То есть иллюзорность политической активности не должна компенсироваться «юридизацией политики» в немедленном решении вопроса институализации административного правосудия, а сама невероятная законотворческая активность в этом процессе не должна заменяться «политизацией юстиции».

Иными словами, довести «любой ценой» проект Кодекса административного судопроизводства до стадии вступления закона в силу вряд ли обосновано. Уже сегодня очевидны противоречия и недостатки данного законопроекта, устранение которых – важнейшая задача не только законодателей, но и ученых. Хотелось бы напомнить, что в 2000 г. невероятно небрежно подготовленный проект федерального конституционного закона «О федеральных административных судах в Российской Федерации» «отбросил» реализацию этой идеи на годы (даже на целое десятилетие). Тогда оппоненты учреждения административных судов сразу же воспользовались системными «упущениями» разработчиков проекта указанного закона и объединились вокруг мнения о нецелесообразности в России специализированной судебной юрисдикции по административным делам. Не хотелось бы такой «судьбы» опубликованному проекту Кодекса административного судопроизводства.

Нынешний проект Кодекса административного судопроизводства устанавливает сторонами в судебном процессе *административного истца* и *административного ответчика* (органы исполнительной власти, иные государственные органы, органы местного самоуправления, избирательные комиссии, комиссии референдума, иные органы и организации, наделенные федеральным законом отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностные лица, государственные и муниципальные служащие). А предметом регулирования законопроект определяет «порядок осуществления административного судопроизводства при рассмотрении и разрешении судами общей юрисдикции административных дел о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, а также порядок рассмотрения и разрешения других административных дел, возникающих из административных или иных публичных правоотношений и связанных с осуществлением судебного контроля за законностью и обоснованностью осуществления государственных или иных публичных полномочий». Таким образом, авто-

---

¹ См.: Старилов Ю.Н. «Однозначное указание» для современного развития административного судопроизводства в России // Адм. право и процесс. 2013. № 3. С. 3-11.

² Шмитт К. Указ. соч. С. 55.

ры законопроекта весьма определенно связывают с административным судопроизводством конкретный вид правовых дел (юридических споров) – административных дел, обладающих публично-правовой спецификой и требующих судебного разбирательства в специальном судебном-процессуальном порядке.

Защита нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций в сфере административных и иных публичных правоотношений – одна из основных задач административного судопроизводства. К административным делам проект Кодекса административного судопроизводства относит дела об *оспаривании* правовых актов, решений, действий (бездействия) и *защите прав*. Более конкретно это дела: об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части; об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, иных государственных органов, органов военного управления, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, комиссий референдума, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих; об оспаривании решений, действий (бездействия) организаций, наделенных федеральными законами отдельными государственными или иными публичными полномочиями, в том числе государственных корпораций и саморегулируемых организаций; об оспаривании решений, действий (бездействия) квалификационных коллегий судей; об оспаривании решений, действий (бездействия) Высшей экзаменационной комиссии по приему квалификационного экзамена на должность судьи и экзаменационных комиссий субъектов Российской Федерации по приему квалификационного экзамена на должность судьи; об оспаривании решений, действий (бездействия), касающихся государственной службы; о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации.

Для правовой доктрины и судебной практики проект КАС содержит весьма полезный вывод, который фактически отрицает распространенное в теории административного права мнение о том, что «административное судопроизводство – это только производство по делам об административных правонарушениях»¹. При этом некоторые авторы ссылаются на зарубежное представление о таком производстве, которое именуется «исками в связи с применением репрессии либо карательными исками»². А процессуальную процедуру, созданную для выявления административного правонарушения и применения к лицу административного наказания, связывают со «специальной процессуальной формой», которую и следовало бы, с их точки зрения, назвать «российской моделью административного судопроизводства»³. В качестве аргументов для рассмотрения административного судопроизводства как судебной деятельности, в предмет которой «наряду с административными публичными спорами» входят и «дела об административных правонарушениях (проступках) и проверке судьями законности постановлений по этим делам»⁴, приводятся нормы Федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации», в соответствии с которыми административное правосудие – это также и деятельность суда по рассмотрению дел об административных правонарушениях. Кроме того, такая позиция обосновывается Постановлением Конституционного Суда РФ от 12 мая 1998 г. № 14-П, содержащим положение о том, что по делам административно-правового характера судопроизводство должно считаться административным независимо от того, каким судом оно осуществляется (судом общей юрисдикции или арбитражным судом).

---

¹ Правосудие в современном мире. С. 504.

² Там же.

³ Там же. С. 505.

⁴ Там же.

Наконец, здесь уместно процитировать и ст. 7 проекта КАС, где к принципам административного судопроизводства относятся: независимость судей; равенство всех перед законом и судом; законность и справедливость при рассмотрении и разрешении административных дел; осуществление административного судопроизводства в разумный срок и исполнение судебных актов по административным делам в разумный срок; гласность, открытость, непосредственность судебного разбирательства; состязательность и равноправие сторон административного судопроизводства при активной роли суда; обязательность судебных актов.

Проявляя свою активность в процессе, суд в целях правильного разрешения административных дел вправе истребовать доказательства по своей инициативе. При этом копии документов, истребованных судом по своей инициативе, направляются им лицам, участвующим в деле, если у них эти документы отсутствуют. Авторы законопроекта предлагают закрепить положение, согласно которому обязанность доказывания законности оспариваемых по административным делам и нарушающих права, свободы и законные интересы административного истца или неопределенного круга лиц нормативных правовых актов, решений, действий (бездействия) органов и организаций, должностных лиц, наделенных государственными или иными публичными полномочиями, возлагается на соответствующие орган, организацию и должностное лицо. На этих субъектах (органы, организации и должностные лица) лежит обязанность подтверждать фактические данные, на которые они ссылаются как на основание своих возражений. Предполагается, что по таким делам административный истец, прокурор, органы, организации и граждане, которые обратились в суд в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц или неопределенного круга лиц, будут не обязаны доказывать незаконность оспариваемых ими нормативных правовых актов, решений, действий (бездействия).

Нужно отметить, что первый опыт практической *модернизации* представленный о сущности административной юстиции, а также первые весьма важные и результативные шаги в сторону создания проекта российского закона об административном судопроизводстве сделали *Н.Г. Салищева* и *Е.Б. Абросимова*, предпринявшие более 10 лет назад попытку разработки инициативного проекта федерального конституционного закона «Об административном судопроизводстве». В нем авторы предлагали регулирование только общих вопросов административного судебного процесса¹. Таким образом, в ст. 1 этого проекта закона устанавливался порядок судебной защиты прав, свобод и охраняемых законом интересов человека и гражданина, их объединений, прав и охраняемых законом интересов юридических лиц, их объединений от неправомерных решений и действий (бездействия) ответчиков. К подсудности судам общей юрисдикции авторы законопроекта относили как административные дела *о защите нарушенных прав, свобод* и охраняемых законом интересов граждан, общественных объединений решениями, действиями (бездействием) ответчиков, так и дела по *жалобам* заявителей на *постановления по делам об административных правонарушениях*; то есть к юрисдикции общих судов относились также и публично-правовые дела о применении административных наказаний. В качестве основных принципов административного судопроизводства были определены: независимость судей, осуществление правосудия только судом, равенство всех перед законом и судом, осуществление правосудия на основе состязательности и равноправия сторон, гласность судебного разбирательства. Определялось, что в случае, когда заявителю трудно предста-

---

¹ См.: Салищева Н.Г., Абросимова Е.Б. Федеральный конституционный закон «Об административном судопроизводстве». М.: Рудомино, 2001; Салищева Н.Г. Избранное. М.: РАП, 2011. С. 275-372.

вить необходимые доказательства, то суд может оказывать ему содействие в собирании и истребовании доказательств. Важным положением законопроекта являлось возложение на ответчика обязанности доказывать обоснованность и законность обжалуемого решения или действия (бездействия). В числе мер по обеспечению жалобы предлагалось приостанавливать действие обжалуемого административного решения, а также запрещение должностному лицу, государственному или муниципальному служащему совершать определенные действия, касающиеся предмета обжалования.

Учитывая сложившиеся реальности в сфере законотворчества по вопросу административного судопроизводства, теперь уже совершенно определенно можно выразить уверенность в том, что в 2013 г. конституционно-правовая норма об административном судопроизводстве не останется на периферии как правового сознания, так и правовой политики и правового реформирования в Российской Федерации. Одновременно возможна и констатация того, что учеными страны не напрасно потрачены усилия по научной аргументации необходимости осуществления специализированного административного правосудия по специальным правовым процессуальным правилам.

Как известно, в настоящее время кроме дискуссии о целесообразности учреждения в России специализированных *административных* судов и обсуждения проекта Кодекса административного судопроизводства дебатировались и проблемы более общего, судоустройственного порядка, например: объединение высших судов России – Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ – либо в единый судебный орган, либо создание высшего судебного присутствия с представителями от каждого высшего суда¹.

Модернизация законодательства, государства, государственно-правового строительства невозможна без соответствующей идеи, направленной на инициирование развития модернизационной правовой политики. Модернизация государства и всей системы государственно-правового строительства является продуктом осуществляемой в стране *правовой политики*. Существует точка зрения, что категория «правовая политика» представляет собой «единую, последовательную, системную, логически выстроенную деятельность, нацеленную на введение новаторских технологий и конструкций в юридическую сферу, на внесение в правовую жизнь большей стратегической определенности и тактической гибкости»². Многие институты административного права, административное законодательство и административно-процессуальное законодательство, развиваясь сегодня в условиях модернизации государства, находятся в числе приоритетов российской правовой политики. А.В. Малько относит к приоритетным направлениям правовой политики следующие: «1) установление системы правовых ограничений для публичной власти; 2) формирование институтов права гражданского общества; 3) создание эффективной судебной системы; 4) укрепление дисциплины, законности и правопорядка»³. Такие полезные для сферы правовой регламентации административно-правовые институты, как административно-правовые акты, административное судопроизводство, административные процедуры являются одними из важнейших современных и по-настоящему эффективных правовых ограничений для публичной власти (особенно для исполнительной, или административной); действие этих правовых институтов и юридическая реализация направлены на формирование эффективной и признаваемой обществом и населением административной и судебной системы, на усиление юридических режимов за-

---

¹ URL: <http://zakon.ru/Blogs/>

² Малько А.В. Теория правовой политики: монография. М., 2012. С. 81.

³ Там же. С. 104.

конности, дисциплины и правопорядка; гражданское общество через данные институты получает дополнительные гарантии защиты прав и свобод человека и гражданина, законных интересов организаций и юридических лиц.

Модернизация как определенный этап в развитии государства и права строится и осуществляется в различные периоды жизни страны на определенных *концепциях* развития, отражающих главные сущностные признаки, принципы и элементы проводимых преобразований во всех сферах государственной и общественной жизни.

Стало как-то «модным» среди российских и зарубежных политических деятелей и высших должностных лиц страны создание концепций развития государства, общества, экономики или конкретных сфер жизнедеятельности, называя их при этом сокращенно, базируясь лишь на начальных буквах используемых терминов. Например, на часто проводимых в настоящее время политических, экономических, инвестиционных или правовых форумах зарубежные участники, с сомнениями относясь к некоторым преобразованиям в России, сетуют на то, что, к сожалению, они не видят государственных гарантий проводимых политико-правовых изменений; они отмечают, что реформы являются половинчатыми или во многом противоречивыми и, возможно, не найдут своего правильного и логичного завершения. Зарубежные эксперты и участники различных форумов, в том числе и экономических, в один голос упрекают российскую административную действительность (или нынешние управленческие реалии) в сформировавшихся традициях **концепции трех «Н»**: *Неуверенность, Нестабильность, Непредсказуемость*. Развитые до идеалов современного административного правоведения, главные административно-правовые институты (например, административные процедуры и административное судопроизводство), по нашему мнению, обязательно бы разрушили такое представление иностранцев о сформировавшихся в административной системе России негативных характеристиках. Именно законно установленные административные процедуры направлены на преодоление и противодействие *нестабильности, непредсказуемости* административной власти и их должностных лиц и искоренению *неуверенности* в достижении целей и разработке планов. В далеком российском (дореволюционном) прошлом административные органы, полиция, должностные лица характеризовались такими чертами, как *нерадение, медленность, неосмотрительность*¹ и несли за такие качества (поведение) правовую ответственность.

На V Экономическом форуме в феврале 2008 г. Д.А. Медведевым была озвучена новая концепция развития страны на четыре года (с 2008 по 2012 г.). Это **концепция четырех «И»**: *Институты, Инфраструктура, Инновации, Инвестиции*. Реализация данной концепции должна была направлена на решение следующих важнейших задач: преодоление правового нигилизма; повышение качества законов и эффективности правоприменения; снижение административных барьеров; снижение налогового бремени и построение мощной финансовой системы; модернизация транспортной и энергетической инфраструктуры; формирование основ национальной инновационной системы; реализация программы социального развития страны². Как было отмечено, для решения поставленных задач важно сформировать новые подходы к изменению содержания самой государственной власти, порядка публичного администрирования, повышению роли судебной вла-

¹ См., напр.: Коркунов Н.М. Русское государственное право // Административная юстиция: конец XIX - начало XX века: хрестоматия. Ч. 1 / сост. Ю.Н. Стариков. Воронеж, 2004. С. 526; Карадже-Искров Н.П. Новейшая эволюция административного права // Административная юстиция: конец XIX - начало XX века. С. 369.

² См.: Российская газета. 2008. 16 февраля.

сти в обеспечении принципа законности административной власти. Выполнение задач в рамках каждого из намеченных направлений требовало усиления административно-правовых основ государственного управления и судебного контроля за государственной деятельностью.

Автор настоящей статьи, проанализировавший в начале 2008 г. указанную концепцию четырех «И», предположил: для того, чтобы государственные гарантии заработали, в эту систему осуществления четырех основных направлений реализации намеченных проектов следовало бы включить еще как минимум два «И»: *Идеалы* и *Интеллект*¹. Предполагалось, что механистичность концепции четырех «И» и ее внешняя сторона должны быть насыщены «душой» с тем, чтобы содержание стало реальным и гарантированным. Для этого и требуется *интеллект* плюс известный *идеализм* осуществляемых целей и решаемых задач. Концепция четырех «И» обуславливает необходимость формирования и развития идеальных государственно-правовых институтов, обеспечивающих *принцип достаточности* интеллектуальных возможностей и усилий для успешного проведения реформ. Все названные четыре «И» – лишь внешние факторы, структурно-организационные элементы, государственно-правовые средства. То есть государство за счет развития институтов, инфраструктуры, инновационной деятельности и инвестиций пытается *гарантировать* социально-экономическое развитие и эффективность государственной власти. Правовые преобразования и структурные изменения в системе всей государственной власти окажутся жизнеспособными и понятными обществу лишь тогда, когда будут созданы *интеллектуальные предпосылки* для реализации структурных изменений, сформируются идеальные условия для преобразований и появятся «кадровые силы» (мощный потенциал современных государственно-служебных отношений), способные проводить в жизнь установленные планы. «*Административные идеалы*», «*административные стандарты*», какой бы они ни показались, на первый взгляд, не имеющей важного значения для практики выдумкой, оказывают решающее воздействие на развитие и *правотворчества*, и *правоприменения*.

Прошли годы. Об *инновациях*, *инвестициях*, *инфраструктуре* и *институтах* стали говорить не меньше, но уже без указаний и ссылок на концепцию четырех «И». Термин «*модернизация*» стал объединять, очевидно, все указанные категории. Конечно, специалистам, политикам, законодателям знакомо содержание указанных четырех терминов. Но для большинства населения они – сложные теоретические конструкции, которые вряд ли запоминаются и тем более правильно понимаются.

Стремительно укрепился в российском политико-правовом лексиконе термин «*эффективный*»; стали говорить об «*эффективном*» государстве, «*эффективном*» правосудии; «*эффективном*» управленце, «*эффективном*» государственном управлении, даже об «*эффективном*» университете. Откуда пошли эти непонятные характеристики, лишенные ясных критериев и разумных пределов распространения и применения? В каждом случае принятия решения об «*эффективном*» или «*неэффективном*» не определяются ни критерии эффективности, ни формы выяснения и выявления «*эффективности*», ни общие подходы к пониманию и разъяснению «*эффективности*».

Вместе с этим каждодневная практика российского публичного администрирования демонстрирует наличие огромного количества коррупционных правона-

¹ См.: Старилов Ю.Н. Совершенствование судебной и административной систем (властей) – важнейший фактор усиления государственных гарантий реализации концепции четырех «И» // Старилов Ю.Н. Из публикаций последних лет: воспоминания, идеи, мнения, сомнения...: сб. избранных науч. трудов. Воронеж, 2010. С. 394-395.

рушений¹, совершаемых государственными служащими и должностными лицами, колоссальные нарушения со стороны исполнительной власти прав и свобод человека и гражданина, бездеятельность во многих сферах экономической жизни, бездействие и противоречащее законам административное нормотворчество. Получается, что ни конституционные требования, ни развитая конституционная модель демократии², ни многочисленные федеральные законы, ни сложившаяся политическая система не могут пока противопоставить существенных и значимых аргументов против совершения исполнительной властью многих административных ошибок, против сложившейся в обществе и в самом профессиональном чиновничестве *атмосферы терпимости* к произвольному и безрезультативному государственному управлению. Конституционно-правовые стандарты и конституционные гарантии не смогли, например, противопоставить заслуживающих внимания мощных обоснований против назначения несколько лет назад на должность министра обороны лица, который ни по каким разумным критериям не мог быть назначен на такую высокую должность в системе военного управления. Автор этих строк несколько лет назад³ поставил под сомнение практику проводимых в стране некоторых политико-административных преобразований и задал вопрос: почему министром обороны может становиться непрофессионал в прямом (ведомственном) смысле этого слова, когда такой подход коренным образом противоречит принципам организации не только государственной службы, но и современным стандартам политического управления в стране? При этом была ссылка на великого Салтыкова-Щедрина, который написал: «Не преданность стране, не талант, не ум делаются гарантией успеха, а пронырливость, наглость и предательство»⁴.

К сожалению, к модернизации, к реформе государственного управления, к совершенствованию законодательства и правовой системы стали подходить как к обычным «административным проектам». У этих проектов нет души; да они и разрабатываются по большей части для имитации активной политической жизни и «инновационной» административной деятельности; ну, а если появится хоть какой-то полезный результат в процессе реализации проекта, то один этот факт сразу же создаст творческую атмосферу для дальнейшей популяризации проекта. Таким образом, затерялась «чувствительность» как в разработке, так и в процессе осуществления административного проекта; все больше *реформ-проекты* становятся «партийной» инициативой и политическим делом, которым занимаются множество специалистов вне зависимости от будущих результатов и настоящих преобразований.

Литература:

1. Административная юстиция: конец XIX - начало XX века: хрестоматия. Ч. 1 /сост. Ю.Н. Стариков. Воронеж, 2004.

---

¹ См., напр.: Противодействие коррупции в федеральных органах исполнительной власти: науч.-практ. пособие / отв. ред. А.Ф. Ноздрачев. М.: Ин-т законодат-ва и сравнит. правоведения при Правительстве РФ; Анкил, 2012; Панченко П.Н. Как нам преодолеть коррупцию (особенности, причины коррупции и меры ее преодоления) // Вопросы правоведения. 2012. № 3. С. 91-117.

² О конституционной модели демократии см.: Черепанов В.А. Политическая реформа в России: проблема и поиск путей решения // Вопросы правоведения. 2012. № 3. С. 21-38.

³ См.: Стариков Ю.Н. Из публикаций последних лет. С. 277.

⁴ Салтыков-Щедрин М. Благонамеренные речи // Собр. соч.: в 10 т. М., 1988. Т. 5. С. 500.

2. Административное право зарубежных стран: учебник / под ред. В.Я. Кикотя, Г.А. Василевича, Н.В. Румянцева. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2012.
3. Административные процедуры и контроль в свете европейского опыта / под ред. Т. Я. Хабриевой, Ж. Марку. М.: Статут, 2011.
4. Бачило И.Л. Государство и право XXI в.: реальное и виртуальное. М., 2012.
5. Зорькин В.Д. Современный мир, право и Конституция. М.: Норма, 2010.
6. Концепция развития российского законодательства / под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова. М., 2010.
7. Малько А.В. Теория правовой политики: монография. М., 2012.
8. Новгородцев П. Историческая школа юристов: ее происхождение и судьба // Немечкая историческая школа права. Челябинск, 2010.
9. Панченко П.Н. Как нам преодолеть коррупцию (особенности, причины коррупции и меры ее преодоления) // Вопросы правообразования. 2012. № 3.
10. Петров М.П. Исполнительная власть на этапе модернизации Российского государства: опыт правового исследования: монография / под ред. А.В. Малько. М., 2012.
11. Правовое регулирование государственного контроля: монография / отв. ред. А.Ф. Ноздрачев. М.: Ин-т законодат-ва и сравнит. правообразования при Правительстве РФ; Анкил, 2012.
12. Правосудие в современном мире: монография / под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012.
13. Противодействие коррупции в федеральных органах исполнительной власти: науч.-практ. пособие / отв. ред. А.Ф. Ноздрачев. М.: Ин-т законодат-ва и сравнит. правообразования при Правительстве РФ; Анкил, 2012.
14. Салищева Н.Г. Избранное. М.: РАП, 2011.
15. Салищева Н.Г., Абросимова Е.Б. Федеральный конституционный закон «Об административном судопроизводстве». М.: Рудомино, 2001.
16. Салтыков-Щедрин М. Благонамеренные речи // Собр. соч.: в 10 т. М., 1988. Т. 5.
17. Стариллов Ю.Н. «Однозначное указание» для современного развития административного судопроизводства в России // Адм. право и процесс. 2013. № 3.
18. Стариллов Ю.Н. Из публикаций последних лет: воспоминания, идеи, мнения, сомнения...: сб. избранных науч. трудов. Воронеж, 2010.
19. Тихомиров Ю.А. Государство: преемственность и новизна. М., 2011.
20. Фатьянов А.А. К вопросу о реформировании системы административного права // Адм. право и процесс. 2012. № 11.
21. Федеральный закон «Об административных процедурах»: инициативный проект с комментариями разработчиков / вступ. ст. К. Экштайна, Е. Абросимовой // Фонд «Конституция». М.: Комплекс-Прогресс, 2001.
22. Фоков А.П. Современные проблемы административной юстиции в России: административные суды: «за» и «против» // Российский судья. 2012. № 2. С. 2-5.
23. Хаоцай Ло. Очерки современного административного права Китая / пер. с кит. А.В. Островского, В. В. Жигулевой, Б. Я. Надточенко; под ред. А. А. Демина. М.: Книгодел, 2010.
24. Черепанов В.А. Политическая реформа в России: проблема и поиск путей решения // Вопросы правообразования. 2012. № 3.
25. Чиркин В.Е. К вопросу о сущности правового государства // Вопросы правообразования. 2012. № 3.
26. Шафхаузер Р., Экштайн К., Вершинин С. Как упорядочить отношения гражданина и чиновника? Административные процедуры на примере законодательства Швейцарии. М.: ЭКОМ, 2000.
27. Шмитт К. Гарант конституции // Государство: право и политика / пер. с нем. и вступ. ст. О.В. Кильдюшова; сост. В.В. Анашвили, О.В. Кильдюшов. М.: ИД «Территория будущего», 2013.
28. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М.: Юрид. лит., 2005.
29. Merten D. Rechtsstaatlichkeit und Gnade. Berlin, 1978.

30. Munding C.-D. Das Grundrecht auf effektiven Rechtsschutz im Rechtssystem der Europäischen Union. Berlin, 2010.

31. Sommermann K.-P. Das Recht auf effektiven Rechtsschutz als Kristallisationspunkt eines gemeineuropäischen Rechtsstaatsverständnisses // Kirchhof F., Papier H.-J., Schdffer H. (Hrsg.) Rechtsstaat und Grundrechte. Heidelberg, 2007.

32. Sommermann K.-P. Konvergenzen im Verwaltungsverfahrens- und Verwaltungsprozessrecht europäischer Staaten // ДЦВ. 2002.

Уголовное право и криминология

УДК 343.622

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУБЪЕКТА ДЕТОУБИЙСТВА, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 106 УК РФ

*Анна Владимировна Лунева, преподаватель
Дальневосточного юридического института МВД России*

Статья посвящена уголовно-правовому анализу субъекта привилегированного состава детоубийства (убийство матерью новорожденного ребенка). Анализируются понятия «специальный субъект преступления», «биологическая мать», «суррогатная мать» и др. Исследуются различные точки зрения по рассматриваемой проблеме, предлагается квалификация убийства рождающегося или новорожденного ребенка суррогатной и биологической матерями. Вносятся предложения по изменению ст. 106 УК РФ.

Ключевые слова: детоубийство; специальный субъект; возраст субъекта; биологическая мать; суррогатная мать; роженица (родильница).

DETERMINATION PROBLEMS OF INFANTICIDE SUBJECT PROVIDED BY ARTICLE 106 OF CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Luneva Anna Vladimirovna, Far Eastern Law Institute of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation, instructor

The paper deals with criminal and legal analysis of exclusive privilege of infanticide (mother murder of newborn child). The concepts of «special subject of crime», «biological mother», «substitute mother» and some others are analyzed. Different points of view concerning the problems are considered. The qualification of the murder of the born or newborn child by substitute and biological mothers is offered. Some proposals are made concerning changing Article 106 of Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: infanticide; special subject; subject age; biological mother; substitute mother; woman in labor.

Уголовно-правовое исследование признаков специального субъекта преступления всегда привлекало ученых и практиков и находило отражение в научных трудах, посвященных проблемам установления и разграничения «вменяемости» – «ограниченной вменяемости»¹, определения возраста субъекта, квалификации со-

¹ Существует множество точек зрения по вопросу, как обобщенно называть состояние лица, совершившего преступление в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости. Одни авторы именуют его уменьшенной, другие - ограниченной, третьи – пограничной вменяемостью. В то время как различий в понимании данных

участия в преступлении со специальным субъектом и другим вопросам. Тем не менее, научные споры о квалификации преступлений со специальным субъектом, особое место среди которых занимает убийство матерью новорожденного ребенка, не прекращаются до настоящего времени. Поэтому уголовно-правовое понятие «специальный субъект детоубийства» (со всеми присущими ему признаками) требует досконального изучения в целях его правильного определения и последующей грамотной оценки совершенного деяния.

Субъект преступления – это физическое лицо, совершившее общественно опасное деяние, способное нести за него уголовную ответственность в силу вменяемости и достижения возраста, установленного Уголовным кодексом РФ.

Следовательно, субъектом преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, может быть лишь мать, убившая своего рождающегося или новорожденного¹ ребенка, достигшая 16-летнего возраста, что характеризует субъект как специальный.

Специальным субъектом преступления называется вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности и обладающее детерминированными качествами объекта преступления, признаками, при которых только данное лицо может совершить общественно опасное деяние, описанное диспозицией статьи Особенной части УК РФ².

В литературе высказывалось мнение о том, что, поскольку признаками, специально указанными в диспозиции статьи, наделен только исполнитель преступного деяния, подобные составы следует именовать составами со специальным исполнителем, а не со специальным субъектом³. На наш взгляд, данная точка зрения имеет право на существование, но она не вносит ничего нового по сути рассматриваемого понятия.

При совершении детоубийства вменяемое лицо должно осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими.

Полное осознание человеком своих действий включает в себя правильное понимание объективного содержания собственного поведения, целей совершаемых действий, предвидение их прямых и косвенных результатов, оценку своего поведения с точки зрения действующих правовых норм и общепринятой морали. Способность руководить своими действиями выражается в свободном выборе как целей действий, так и способов их достижения. Выбор целей действий всегда неразрывно связан с мотивами поведения человека, так как достижение цели – звено в цепи, ведущей к реализации мотивов и удовлетворению потребностей. Поэтому способность полностью сознавать свои действия и руководить ими приобретает человек по достижении относительно высокого уровня интеллектуальной и личной зрелости и является в то же время результатом психического развития и показателем его состояния⁴.

терминов нет, поскольку все они предполагают наличие у субъекта психического расстройства в рамках вменяемости. См.: Хайрутдинова Р.Р. Категория «ограниченной вменяемости» и проблемы ее применения в уголовном праве // Уголовное право. 2009. № 19. С. 21.

¹ В данной работе под термином «новорожденный» понимается ребенок в возрасте до 24 часов с момента рождения (судебно-медицинский критерий новорожденности).

² См.: Серегина Е.В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты охраны жизни новорожденного ребенка: дис.... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004. С. 116.

³ См.: Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. И.Я. Козаченко. 4-е изд. М., 2008. С. 267.

⁴ См.: Ситковская О.Д., Коньшева Л.П., Коченов М.М. Новые направления судебно-психологической экспертизы. М., 2000. С. 84.

В то же время нельзя утверждать, что каждый несовершеннолетний, достигший возраста уголовной ответственности, имеет необходимый и достаточный уровень развития для того, чтобы быть субъектом уголовной ответственности. Для решения вопроса о способности несовершеннолетнего в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими необходимо использование специальных познаний в области психологии возрастного развития и познавательных процессов, индивидуально-психологических особенностей личности подростка¹, исключения (в рамках судебной психолого-психиатрической экспертизы), во-первых, отставания психического развития, во-вторых, психического расстройства. В случае установления данной экспертизой факта неспособности осознавать фактический характер и общественную опасность своих деяний либо руководить ими вследствие отставания в психическом развитии, несмотря на достижение несовершеннолетним возраста уголовной ответственности, привлекаться к уголовной ответственности он не будет (ч. 3 ст. 20 УК РФ). А если экспертизой будет установлено, что такая неспособность подростка обусловлена наличием у него психического расстройства, не исключающего вменяемости, то он подлежит уголовной ответственности (ч. 1 ст. 22 УК РФ). Данное обстоятельство будет учитываться судом при назначении наказания, а также может послужить основанием для назначения принудительных мер медицинского характера (ч. 2 ст. 22 УК РФ).

Отметим, что возраст является основной социально-демографической характеристикой личности детоубийцы. При этом очень важно его установление не только как временного интервала измерения, а в большей степени как фактора, обуславливающего способность к мышлению и поведению конкретной личности.

Анализируя проблемы правоприменения состава о детоубийстве со смягчающими обстоятельствами, ряд авторов пришли к мнению, что роженица или родильница, совершившая убийство своего новорожденного ребенка до достижения 16-летнего возраста, не должна привлекаться к уголовной ответственности². Данная позиция обосновывается правилами квалификации: а) если преступление предусмотрено общей (в нашем случае ст. 105 УК РФ) и специальной нормами (ст. 106 УК РФ), то уголовная ответственность наступает по специальной норме (ч. 3 ст. 17 УК РФ); б) деяние, подпадающее одновременно под признаки двух статей (либо одной статьи), когда одной из них предусматриваются квалифицирующие (отягчающие) обстоятельства, а другой – привилегирующие (смягчающие) обстоятельства, квалифицируются только по статье, содержащей привилегирующее обстоятельство³.

Также в юридической литературе высказывалась точка зрения (Н.Г. Иванов, Е.Б. Кургузкина, С.Ф. Милюков) о решении вопроса об уголовной ответственности молодых детоубийц, не достигших 16-летнего возраста, путем привлечения последних к ответственности по ст. 105 УК РФ, где санкция гораздо выше, чем в ст. 106 УК РФ. Но при такой квалификации ухудшается положение 14-15-летних детоубийц по сравнению с теми, кому уже исполнилось 16 лет, чем, в свою очередь, также нарушается принцип справедливости (ст. 6 УК РФ), который гласит, что наказание и иные меры уголовно-правового характера должны соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятель-

¹ См.: Ситковская О.Д., Конышева Л.П., Коченов М.М. Указ. соч. С. 82.

² См.: Красиков А.Н. Преступления против права человека на жизнь: в аспектах de lege lata и de lege ferenda. Саратов, 1999. С. 130; Попов А.Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах. СПб., 2001. С. 52.

³ См.: Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003. С. 296.

вам его совершения и личности виновного. Следовательно, исходя из логического толкования вышеприведенной квалификации, степень общественной опасности детоубийства, совершенного 14-15-летней матерью-роженицей (родильницей), выше степени опасности деяний, совершенных матерями 16 лет и старше. Очевидно, что этого быть не может. Для устранения данного противоречия С.Ф. Милуков высказал предложение о понижении возраста уголовной ответственности за преступления, предусмотренные ст. 106-108 УК РФ, с шестнадцати до четырнадцати лет¹.

Солидарны с ним К.В. Дядюн, а также Е.С. Вакалюк, полагающие, что освобождение четырнадцатилетних детоубийц от уголовной ответственности, в-первых, способствует безнаказанности девиантного поведения лиц женского пола указанного возраста, при том, что в России около 1,5 тыс. детей рождаются у 15-летних матерей; во-вторых, нарушает принципы равенства, гуманизма и справедливости. Подкрепляя свою позицию, авторы ссылаются на единственный пример судебно-следственной практики, когда Следственным комитетом РФ по г. Санкт-Петербургу было возбуждено уголовное дело по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ в отношении 14-летней ученицы 8 класса, которая в марте 2011 г. в ванной комнате родила девочку, утопила ее, тело завернула в полиэтиленовый пакет и выбросила в мусоропровод². При этом в сообщении упоминается лишь о подозрении школьницы в совершении детоубийства, а о том, было ли ей предъявлено обвинение, дошло ли уголовное дело до суда, информация отсутствует.

Согласимся с А.И. Рарогом, что вышеуказанная позиция не соответствует смыслу ст. 106 УК РФ. Деяния матери, причинившей смерть своему рождающемуся или новорожденному (в первые 24 часа с момента рождения) ребенку в особом состоянии психики, вызванном беременностью или родами, но на момент совершения преступления не достигшей шестнадцатилетнего возраста, не должны квалифицироваться по ст. 105 УК РФ, поскольку эта норма устанавливает ответственность за убийство *без смягчающих обстоятельств* и не может распространяться на случаи убийства *при наличии таких обстоятельств*. В полном соответствии с буквой закона (ст. 20, 106-108 УК РФ) и с принципом гуманизма Уголовный кодекс РФ считает деяния, предусмотренные ст. 106-108 УК РФ, в случае их совершения лицами в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет, уголовно нерелевантными³.

Данные, полученные нами при изучении субъективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ (183 материала уголовных дел), подтверждают высказанное мнение. Исходя из того, что субъектом преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, может быть только мать ребенка, нами были установлены факты совершения убийства новорожденного матерью биологической – 82 % (141 случай), матерью юридической – 1 % (2 случая). Случаев убийства ребенка матерью суррогатной не зафиксировано. В 17 % (29 случаев) лицо, совершившее преступление, установлено не было. Выявлено, что наиболее часто совершают данное преступление женщины в возрасте **25 – 35 лет** (31 %), чуть ре-

¹ См.: Милуков С.Ф. Российское уголовное законодательство. Опыт критического анализа. СПб., 2000. С. 218.

² См.: Дядюн К.В. Убийство матерью новорожденного ребенка: особенности квалификации по субъективным признакам // Научный портал МВД России. 2012. № 3. С. 12; Вакалюк Е.С. Субъект преступления, предусмотренный ст. 106 УК РФ // Вестник Челябин. гос. ун-та. 2012. № 1 (255). С. 65.

³ См.: Рарог А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений: практ. пособие. М., 2006. С. 212.

же – женщины от **18 до 25 лет** (28 %), еще реже – в возрасте **16 – 18 лет** (16 %). Фактов детоубийств лицами **до 16 лет**, а также **старше 45 лет** установлено не было.

Как мы уже упоминали, квалификация деяния, предусмотренного ст. 106 УК РФ, возможна только при наличии специального субъекта детоубийства – матери рождающегося или новорожденного. Анализ действующего законодательства, юридической и энциклопедической литературы показал, что термин «мать» не имеет однозначной трактовки, а его толкования весьма расплывчаты и субъективны, причем правильная уголовно-правовая квалификация по ст. 106 УК РФ зависит от четкого законодательного определения рассматриваемого термина. Проблемность правового урегулирования понятия «мать» особо обозначилась в последние годы одновременно с появлением и развитием суррогатного материнства в нашей стране.

Благодаря современным достижениям медицины, с помощью суррогатных матерей у многих бесплодных пар появилась возможность стать родителями, причем своих собственных детей. Так, если у мужа и жены имеется биологическая возможность зачать ребенка, но по определенным физиологическим причинам жена не может его выносить и родить, то искусственно оплодотворенная сперматозоидами мужа яйцеклетка жены вводится в полость матки суррогатной матери. В данном случае последняя не имеет никакого генетического родства с вынашиваемым ею ребенком. Суррогатную мать используют только как инкубатор, но в течение 9 месяцев именно она является ответственной за жизнь и здоровье вынашиваемого ребенка.

Весь процесс суррогатного материнства от момента заключения договора между генетическими родителями и женщиной, берущей на себя обязательства по вынашиванию и рождению для них ребенка, до непосредственной регистрации новорожденного частично урегулирован Семейным и Гражданским кодексами РФ, а также Федеральным законом РФ от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ст. 55), но и в них понятие «мать» не раскрывается.

По мнению А.Н. Красикова, субъект рассматриваемого преступления должен быть матерью *de facto* и *de jure*¹. Отсюда вытекает следующий логический вопрос: а кто будет выступать матерью *de jure*? Та, которая родила, или та, чья яйцеклетка была оплодотворена? Мнения ученых по этому вопросу различны: одни считают, что мать – всегда та, которая родила, вторые – давшая яйцеклетку, третьи вообще признают за родившимся ребенком право на двух матерей. В защиту последней точки зрения весьма интересно высказалась Э.А. Иваева, полагающая, что ребенок «притягивается» к своей суррогатной матери, а вовсе не к биологической, поскольку гены, содержащиеся в клетках отца и матери, ответственны только за формирование тела ребенка, но не его души, под которой понимается его личность. Посредником между телом и личностью является кровь – недаром во все времена придавали огромное значение именно кровному родству. Поскольку в жилах ребенка течет кровь суррогатной матери, то именно она станет тем посредником, к которому «притянется» душа ребенка. Значит, возникает проблема, которую не в состоянии разрешить никакое законодательство. У ребенка в любом случае, независимо ни от каких соглашений, оказывается две матери (и три родителя), причем доля суррогатной матери, кровь которой участвует в выборе воплощающейся души, оказывается более важной, чем гены биологических родителей, участвующих только в формировании тела для этой души. Душа, притянувшаяся по подобию крови к родовой линии суррогатной матери, оказывается воплощенной в теле, которое создано на основе генной информации, передавае-

¹ См.: Красиков А.Н. Указ. соч. С. 129.

мой по родовой линии биологических родителей¹.

Мировая юридическая практика и большинство российских юристов склоняются к тому, что мать – это женщина, выносившая и родившая ребенка, а следовательно, имеющая возможность находиться в особых обстоятельствах, вызванных беременностью и родами, определяющих привилегированный характер состава преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ. При этом Семейный кодекс РФ (п. 4 ст. 51) определяет: «Лица, состоящие в браке между собой и давшие свое согласие в письменной форме на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, могут быть записаны родителями ребенка только с согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери)».

Исходя из вышесказанного, фактически женщина становится матерью с момента рождения ребенка, юридически, согласно положениям Семейного кодекса РФ, – с момента установления органами ЗАГС факта рождения ребенка от матери.

Предположим ситуацию, когда у суррогатной матери, подтвердившей свое согласие на отказ от новорожденного ребенка в пользу женщины, давшей яйцеклетку, на почве психофизических страданий после родов возникает состояние сильного эмоционального напряжения, в процессе которого она убивает находящегося еще у нее новорожденного ребенка. Каким образом квалифицировать подобные действия? Ведь на момент совершения детоубийства суррогатная мать уже не являлась юридической матерью новорожденному ребенку, хотя все остальные признаки преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, присутствуют, т.к. убивает рожденного ею ребенка сразу же после родов в состоянии психоэмоционального напряжения, вызванного самими родами и, возможно, таким психотравмирующим фактором, как предстоящая разлука с ребенком. Несправедливо будет квалифицировать подобные действия по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

В целях устранения вышеизложенной проблемы некоторые авторы (А.Н. Красиков, О.В. Лукичев, Р.Д. Шарапов) предлагали заменить в диспозиции ст. 106 термин «мать» словами «роженица» (в процессе родов) и «родильница» (после рождения ребенка). Считаем, что наличие в норме стольких специальных терминов не будет способствовать единообразному их пониманию, а следовательно, единообразному применению, более того, они будут ее просто перегружать. Поэтому, полагаем, целесообразно исключить из названия и текста статьи термин «мать», заменив его термином «женщина», что позволит быть субъектом преступления с привилегированным составом биологической матери, еще не ставшей матерью юридической².

Заметим, что до настоящего времени ни по сведениям Интернета, ни в официальной статистике не значится случаев совершения детоубийства суррогатной или генетической матерями, но это не дает оснований полагать, что их не может произойти в будущем. Поэтому грамотное правовое разрешение гипотетических проблем позволит устранить их и впредь к ним не возвращаться.

Предположим, после установления (*de jure*) факта материнства в органе ЗАГС генетическая мать (не рожавшая, а только предоставившая свою яйцеклетку) убивает уже своего новорожденного ребенка. В силу действующей редакции

¹ См.: Иваева Э.А. Суррогатное материнство: правовое и нравственное измерение проблемы // Медицинское право. 2008. № 3.

² Ранее схожая позиция уже высказывалась в следующих работах: Иванов Н.Г. Убийство суррогатной матерью новорожденного ребенка // Уголовное право. 2005. № 12. С. 20; Лысак Н.В. Некоторые спорные вопросы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка // Российский следователь. 2008. № 18. С. 17; Грубова Е.И. Проблемы ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка в российском и зарубежном уголовном законодательстве: автореф. дис.... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 23 и др.

ст. 106 УК РФ она может нести ответственность за детоубийство со смягчающими обстоятельствами, так как при убийстве в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, ответственность несет мать, которая, в случае суррогатного материнства, может и не быть родильницей, т.е. к уголовной ответственности по привилегированному составу привлекается женщина, не рожавшая ребенка, а лишь записанная в качестве матери в книге записей о рождении, при наличии, разумеется, стрессовых ситуаций, провоцирующих деяние¹.

На наш взгляд, подобное решение неприемлемо. Во-первых, субъектом преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, может быть только выносившая и родившая ребенка женщина, совершившая детоубийство во время или в течение 24 часов с момента родов *в особом психофизиологическом состоянии*², вызванном: **1) беременностью и/или родоразрешительным процессом** либо возникшими на их почве **2) психическим расстройством, не исключающим вменяемости** (психическая аномалия)³ или **3) состоянием эмоциональной напряженности, спровоцированным психотравмирующими факторами**⁴.

Причем все эти причины одновременно, взаимосвязанно и опосредованно влияют на возникновение вышеуказанного состояния у роженицы (родильницы), в свою очередь, обуславливая ограничение способности женщины к полноценному осознанно-волевому поведению в момент убийства новорожденного. Более того, в реальной судебно-экспертной практике часто при убийстве матерью своего ребенка во время или в течение 24 часов с момента рождения у нее одновременно определяется и психическое расстройство, не исключающее вменяемости, и эмоциональное напряжение, возникновение и развитие которого обусловлено психотравмирующими факторами⁵.

Во-вторых, мать *de jure* (генетическая или усыновившая (удочерившая), но не рожавшая убитого ею ребенка, должна нести уголовную ответственность на общих основаниях (по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ). При наличии смягчающих обстоятельств они могут быть учтены судом при назначении размера и вида наказания.

¹ См.: Иванов Н.Г. Указ. соч. С.19.

² Аналогичное обозначение ранее уже предлагалось. См., напр.: Аветисян С. Проблемы соучастия в преступлении со специальным субъектом (специальным составом) // Уголовное право. 2004. № 1. С. 10; Рарог А.И. Указ. соч. С. 213; Попов А.Н., Прохоров В.С. Проблемы соучастия в детоубийстве // Правоведение. 2002. № 1(240). С. 130; Тимина Л.И. Ответственность за детоубийство по советскому уголовному праву: дис.... канд. юрид. наук. М., 1980; Серегина Е.В. Указ. соч. С. 122.

³ Под психическими аномалиями понимают все расстройства психической деятельности, не достигшие психотического уровня (т.е. уровня патологии) и не исключающие вменяемости, но влекущие личностные изменения, которые могут привести к отклоняющемуся поведению. См. у Лежнева Е.В. Психические аномалии в поведении преступника // Научный портал МВД России. 2011. № 3 (15). С. 129.

⁴ Психотравмирующие факторы – факторы, фрустрирующее воздействие которых приводит к внутреннему конфликту между желанием родить ребенка и внешними препятствиями, обусловленными рядом субъективных и объективных причин (беременность в результате изнасилования или вне брака, индивидуальное представление о греховности внебрачной беременности, осуждающая позиция близких и др.). См.: Дмитриева Т.Б., Качаева М.А., Сафуанов Ф.С. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза состояния матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка: руководство для врачей и психологов. М., 2001. С. 20.

⁵ См.: Дмитриева Т.Б., Качаева М.А., Сафуанов Ф.С. Указ. соч. С. 15.

Квалификация по ст. 107 УК РФ (убийство в состоянии аффекта) также недопустима. Действия детоубийц нередко бывают обусловлены влиянием внешних, оказывающих психотравмирующий эффект, факторов, таких как капризы, крики, беспокойство ребенка и т.д., и, на первый взгляд, психологический механизм, определяющий агрессию, направленную на ребенка, схож с тем, с которым совершается убийство в состоянии аффекта. Но если в последнем возникновение психотравмирующей ситуации напрямую связано с противоправными или аморальными действиями жертвы, то возникновение таковой при детоубийстве никак нельзя связывать с поведением ребенка, а тем более расценивать его поведение как противоправное или аморальное. Поэтому психотравмирующая ситуация сама по себе, без взаимосвязи и взаимообусловленности с психофизиологическим состоянием, спровоцированным беременностью и родами, не может использоваться как самостоятельный квалифицирующий признак в конструкции ст. 106 УК РФ и, как мы говорили ранее, должна быть исключена из диспозиции данной статьи.

Подводя итог вышесказанному, сделаем вывод, что только вменяемая женщина, достигшая возраста **16 лет** и находящаяся в **особом психофизиологическом состоянии**, вызванном беременностью и родами, в котором умышленно причиняет смерть **рождаемому или рожденному ею ребенку (в течение 24 часов с момента рождения)**, может выступать в качестве субъекта преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ.

Таким образом, уголовная ответственность у субъекта детоубийства, предусмотренного ст. 106 УК РФ, должна наступать с шестнадцати лет. Оснований для понижения или повышения возраста субъекта нет.

Субъектом привилегированного состава детоубийства (ст. 106 УК РФ) может являться как биологическая мать, так и суррогатная мать, т.е. выносившая и родившая ребенка, но лишь при экспертном определении у нее особого психофизиологического состояния, вызванного беременностью и родами.

Совершение женщиной убийства рождаемого или рожденного ею ребенка в отсутствие особого психофизиологического состояния, вызванного беременностью и родами, должно квалифицироваться как убийство малолетнего по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

В соответствии с вышесказанным, а также в целях устранения проблем, возникающих в правоприменительной деятельности при квалификации детоубийств, предлагаем:

1. Исключить из диспозиции ст. 106 УК РФ термин «мать», заменив его термином «женщина», при этом уточнив ее пребывание в процессе родов.
2. Закрепить в диспозиции ст. 106 УК РФ в качестве основного признака, характеризующего специальный субъект данного преступления, наличие особого психофизиологического состояния детоубийцы, вызванного беременностью и/или родами.

Литература:

1. Аветисян С. Проблемы соучастия в преступлении со специальным субъектом (специальным составом) // Уголовное право. 2004. № 1.
2. Вакалюк Е.С. Субъект преступления, предусмотренный ст. 106 УК РФ // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 1 (255).
3. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003.
4. Грубова Е.И. Проблемы ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка в российском и зарубежном уголовном законодательстве: автореф. дис.... канд. юрид. наук. М., 2009.

5. Дмитриева Т.Б., Качаева М.А., Сафуанов Ф.С. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза состояния матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка: руководство для врачей и психологов. М., 2001.
6. Дядюн К.В. Убийство матерью новорожденного ребенка: особенности квалификации по субъективным признакам // Научный портал МВД России. 2012. № 3.
7. Иваева Э.А. Суррогатное материнство: правовое и нравственное измерение проблемы // Медицинское право. 2008. № 3.
8. Красиков А.Н. Преступления против права человека на жизнь: в аспектах de lege lata и de lege ferenda. Саратов, 1999.
9. Лежнев Е.В. Психические аномалии в поведении преступника // Научный портал МВД России. 2011. № 3 (15).
10. Лысак Н.В. Некоторые спорные вопросы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка // Российский следователь. 2008. № 18.
11. Милуков С.Ф. Российское уголовное законодательство. Опыт критического анализа. СПб., 2000.
12. Полный курс уголовного права в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2008. Т. I, III.
13. Попов А.Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах. СПб., 2001.
14. Попов А.Н., Прохоров В.С. Проблемы соучастия в детоубийстве // Правоведение. 2002. № 1(240).
15. Рарог А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений: практ. пособие. М., 2006.
16. Ситковская О.Д., Коньшева Л.П., Коченов М.М. Новые направления судебно-психологической экспертизы. М., 2000.
17. Серегина Е.В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты охраны жизни новорожденного ребенка: дис.... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004.
18. Тимина Л.И. Ответственность за детоубийство по советскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1980.
19. Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. И.Я. Козаченко. 4-е изд. М., 2008.
20. Хайрутдинова Р.Р. Категория «ограниченной вменяемости» и проблемы ее применения в уголовном праве // Уголовное право. 2009. № 19.

УДК 343.918.2

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА-МИГРАНТА

*Наталья Владимировна Самойлюк, преподаватель
Дальневосточного юридического института МВД России*

Статья посвящена особенностям криминологической характеристики личности преступника-мигранта из числа иностранных граждан и лиц без гражданства, совершающего незаконную миграцию на территорию Дальневосточного федерального округа.

Ключевые слова: иностранный гражданин; незаконная миграция; преступность мигрантов.

CRIMINOLOGICAL PERSON IDENTITY CHARACTERISTICS OF CRIMINAL-MIGRANT

Samoylyuk Natalia Vladimirovna, Far Eastern Law Institute of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation, instructor

The paper deals with the features of criminological characteristics of the person identity of the criminal - migrant from the number of foreign citizens and persons without citizenship who illegally moves (migrates) about the territory of the Far East federal district.

Keywords: foreign citizen; illegal migration; migrant criminality.

Изучение криминологических особенностей личности преступника из числа иностранных граждан и лиц без гражданства необходимо для эффективной профилактики преступлений, совершаемых данной категорией лиц, и обеспечения достаточности правовых мер воздействия на преступников-мигрантов.

Очевидно, что наибольшую криминогенную опасность среди мигрантов, прибывающих в нашу страну, представляют нелегальные мигранты, так как с момента въезда в Россию у них формируется ярко выраженная криминальная установка (стремление заработать любыми средствами, избегать контактов с органами государственной власти)¹.

Миграционная обстановка Российской Федерации характеризуется наличием существенных различий в ее процессах на региональном уровне. Вопросы противодействия незаконной миграции в Дальневосточном федеральном округе России имеют особое значение, поскольку регион является одним из самых неблагополучных субъектов Российской Федерации, с низким демографическим балансом ввиду невысокой плотности населения, неосвоенности территорий, удаленности от центральной, более населенной части страны, вместе с тем с высокой миграционной активностью населения.

Особенностью миграционных процессов в регионе является также то, что наибольшее количество иностранцев прибывают на Дальний Восток России из Китая. На территории Дальнего Востока России незаконно проживают более 100 тыс. китайских граждан. Опасность такого положения в том, что различия в географическом, демографическом, экономическом и других аспектах развития Дальнего Востока России и КНР достаточно существенны. При этом, согласно данным ГИАЦ МВД России, на территории Дальневосточного федерального округа количество преступлений, предусмотренных ст. 322 № УК РФ, постоянно растет (в 2008 г. – 35; в 2009 г. – 41; в 2010 г. – 56; в 2011 г. – 82). Кроме того, наблюдается рост количества преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за незаконное пересечение Государственной границы РФ (2008 г. – 198, 2009 г. – 227, 2010 г. – 218, 2011 г. – 296).

Многие показатели незаконной миграции формируются на основе мнений экспертов. Так, П.Н. Кобец, исследуя проблему преступности иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации, выяснил мнение экспертов о влиянии нелегальной миграции из иностранных государств в Россию на рост преступности иностранных граждан и лиц без гражданства. Опрос экспертов свидетельствует, что рост нелегальной миграции оказывает существенное влияние на развитие преступности иностранных граждан и лиц без гражданства в России. Нелегальная миграция не контролируется, направляется криминальными структурами, широко ими используется².

---

¹ См.: Магомедов Э.Б. Нелегальная миграция как фактор преступности // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 10. С. 56.

² См.: Кобец П.Н. Противодействие преступности иностранных граждан и лиц без гражданства в России: монография. М., 2007. С. 96-97.

Прежде чем перейти к криминологической характеристике личности преступника – незаконного мигранта, целесообразно указать на некоторые криминологические градиенты миграционной преступности в Дальневосточном федеральном округе (табл. 1).

Таблица 1

Состояние и динамика преступности иностранных граждан и лиц без гражданства в федеральных округах Российской Федерации в 2005-2011 гг. (по данным ГИАЦ МВД России)

<i>Кол-во преступлений, совершенных иностранцами в России</i>							
<i>Совершено преступлений</i>	<i>2005</i>	<i>2006</i>	<i>2007</i>	<i>2008</i>	<i>2009</i>	<i>2010</i>	<i>2011</i>
Всего в России	51225	53014	50139	53 875	57 955	48 992	44956
В Центральном федеральном округе	25412	26409	26091	29 067	31 968	26 779	23635
В Северо-Западном федеральном округе	2764	2585	2575	3139	3009	3162	3353
В Южном федеральном округе	2 951	3420	3025	2779	2594	1811	1980
В Приволжском федеральном округе	4 703	4 631	3 915	3 606	4 534	3 781	3 868
В Уральском федеральном округе	4472	4352	3996	4426	4720	3 747	3 845
В Сибирском федеральном округе	3573	3360	2741	2713	2937	2932	2 603
В Дальневосточном федеральном округе	1173	1319	1005	1053	1045	1032	879

Согласно данным, представленным Главным информационным аналитическим центром МВД России, следует, что в 2006 г., по сравнению с 2005 г., происходит увеличение количества преступлений, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства во всех субъектах РФ. В 2007 г. наблюдается обратная картина - зафиксировано снижение исследуемых показателей. В 2008 г.

количество преступлений, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства, увеличилось, за исключением таких субъектов, как Южный, Приволжский, Сибирский федеральные округа. В 2009 г. зафиксировано снижение исследуемых показателей в Северо-Западном федеральном округе, Южном и Дальневосточном федеральных округах. В 2010-2011 гг. зарегистрировано снижение количества преступлений, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства, почти во всех субъектах Российской Федерации. Однако, как представляется, снижение показателей данного вида преступлений не отражает реальной картины преступности в рассматриваемой сфере, большая часть преступлений переходит в латентную сферу.

Рассмотрим показатели общего числа преступлений, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства в субъектах Дальневосточного федерального округа (табл. 2).

Анализируя показатели, представленные в табл. 2, заметим, что наибольшее количество преступлений, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства, зарегистрировано на территории Приморского и Хабаровского краев. На данные субъекты Дальневосточного федерального округа в среднем приходится 66 % преступлений, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства, от общего количества рассматриваемой преступности. Такая ситуация объясняется тем, что Приморский и Хабаровский края являются наиболее крупными центрами Дальнего Востока с выгодными для иностранных граждан геополитическими, географическими, экономическими и социальными параметрами.

Уровень преступности мигрантов различен в зависимости от количественного показателя потока приезжих, который тем больше, чем крупнее населенный пункт. На указанный показатель влияет и географическая расположенность региона. На миграционную преступность Дальневосточного региона влияет его соседство с КНР. Рассмотрим принадлежность иностранных граждан, виновных в совершении незаконного пересечения Государственной границы РФ на территории Дальневосточного федерального округа.

Таблица 2

Сведения о преступлениях, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства в субъектах Дальневосточного федерального округа в 2005-2011 гг. (по данным ГИАЦ МВД России)

Наименование субъекта	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Всего в ДФО	1173	1319	1005	1053	1045	1032	879
Республика Саха (Якутия)	116	163	67	112	81	90	65
Приморский край	438	471	450	403	369	426	379
Хабаровский край	361	325	249	274	265	160	144
Камчатский край	51	75	44	42	81	43	42
Амурская область	103	146	89	100	121	144	111
Магаданская область	31	27	19	18	14	30	18
Сахалинская	40	79	60	69	84	93	100

область							
Еврейская АО	20	21	20	29	22	42	18
Чукотский АО	13	12	7	6	8	4	2

Анализ материалов 115 уголовных дел о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации (ст. 322 УК РФ) с 2005 по 2011 г., рассмотренных районными судами субъектов Дальневосточного федерального округа, таких как Республика Саха (Якутия), Приморский край, Хабаровский край, Амурская область, Камчатский край, Магаданская область, Сахалинская область, свидетельствуют о том, что основная масса исследуемого вида преступлений, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории Дальнего Востока России, приходится на жителей КНР (60,3 %).

Таблица 3

Распределение иностранных граждан и лиц без гражданства, совершивших преступление, предусмотренное ст. 322 УК РФ, в Дальневосточном федеральном округе России в 2005-2011 гг., по признаку гражданства

<i>Принадлежность к государству иностранных граждан и лиц без гражданства</i>	<i>Удельный вес, %</i>
КНР	60,3
Армения	4,1
Кыргызстан	15,1
Узбекистан	4,4
Таджикистан	14,4
Другие	1,8

Отметим, что одним из основных направлений противозаконного бизнеса китайских предпринимателей являются поставка на Дальний Восток товаров народного потребления, произведенного в КНР, вывоз пищевой и лекарственной продукции в КНР, развитие сети предприятий обслуживания. А проведение КНР политики, направленной на восстановление леса, и запрет его вырубке на территории КНР инициируют развитие предпринимательской деятельности в области закупок леса и его экспорта в регионах Сибири и Дальнего Востока¹.

Итак, несмотря на то, что в нашей стране не существует официальной статистики по учету преступлений, совершаемых незаконными мигрантами, очевидно, что рост нелегальной миграции осложняет криминальную обстановку в нашей стране.

Мигранты - это категория людей, которая в силу обстоятельств жизнедеятельности подвержена преступному воздействию. Согласно статистическим данным ГИАЦ МВД России, национальный состав преступников-мигрантов в России и в Дальневосточном федеральном округе различен. Так, если в России чаще преступления совершают иностранные граждане и лица без гражданства государств - участников СНГ, то в Дальневосточном федеральном округе картина иная. Наибольшее количество преступлений в регионе совершают граждане КНР.

¹ См.: Буряк М.Ю. Торговля людьми и борьба с ней: монография. Владивосток, 2006. С.195.

В криминологии традиционно признаки личности принято сводить к трем основным компонентам:

1) социальному статусу личности, что определяется принадлежностью лица к определенной социальной группе (или классу) и социально-демографической характеристикой (пол, возраст, образование, семейное положение и т.д.);

2) социальным функциям (ролям) личности, включающим совокупность видов деятельности лица в системе общественных отношений;

3) нравственно-психологической характеристике личности, отражающей ее отношение к социальным ценностям и выполняемым социальным функциям¹.

Криминологическую характеристику личности преступника – незаконного мигранта в Дальневосточном федеральном округе следует начать с социально-демографической характеристики.

Анализ судебной практики показывает, что преступления в исследуемой области значительно чаще совершались мужчинами, чем женщинами (см. табл. 4).

Таблица 4

Распределение иностранных граждан и лиц без гражданства, виновных в незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации, в Дальневосточном федеральном округе России в 2005-2011 гг., по признаку пола

<i>Пол иностранных граждан и лиц без гражданства, совершивших преступления в Дальневосточном федеральном округе России</i>	<i>Удельный вес, %</i>
Мужчины	88,2
Женщины	11,8

Одним из важных криминологических признаков, характеризующих личность преступника, является его возраст.

Таблица 5

Распределение иностранных граждан и лиц без гражданства, виновных в незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации, в Дальневосточном федеральном округе России в 2005-2011 гг., по признаку возраста

<i>Возраст преступников на момент совершения преступления</i>	<i>Удельный вес, %</i>
14-17	-
18-25	14,5
25-30	11,9
31-35	28,7
36-40	29,8
41-50	20,5
55-60	-
65-70	2,6
старше 70	-

¹ См.: Криминология / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М., 1995. С. 80.

Анализ представленных в табл. 5 данных показывает, что наиболее криминально активными являются мигранты в возрасте 36-50 лет, указанные преступления совершают 29,8 % лиц этой группы. Немногим отличается возрастная группа 31-35 лет, на долю которой в структуре миграционной преступности приходится 28,7 %. Заметим, что иностранные граждане и лица без гражданства и более зрелого возраста (41-50 лет) достаточно часто совершают преступления, их доля в структуре указанного вида преступности составляет 20,5 %. Факт того, что среди незаконных мигрантов преобладают лица среднего и зрелого возраста объясняется активностью данных групп в социальном плане. Наименее криминальными группами являются иностранные граждане и лица без гражданства от 18 до 25 лет, несовершеннолетние и лица пенсионного возраста.

Общеобразовательный уровень личности преступника является важным показателем при осуществлении индивидуальной профилактической работы (см. табл. 6).

Таблица 6

Образовательный уровень иностранных граждан и лиц без гражданства, виновных в незаконном пересечении Государственной границы РФ, на момент совершения преступления в Дальневосточном федеральном округе в 2005-2011 гг.

<i>Уровень образования</i>	<i>Удельный вес, %</i>
Начальное	0,5
Неполное среднее	49,2
Среднее общее	29,8
Среднее профессионально-техническое	6,2
Среднее специальное	4,5
Высшее	9,8

Данные проведенного нами исследования свидетельствуют о том, что иностранные граждане и лица без гражданства, виновные в незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации на территории Дальневосточного федерального округа, в основной своей массе имеют неполное среднее (49,2 %) и среднее общее (29,8 %) образование. Заметим, что незаконными мигрантами, имеющими высшее образование, в пределах Дальнего Востока России преступления совершаются чаще, чем имеющими среднее специальное и начальное образование. Из сказанного следует, что не всегда уровень образования влияет на отрицательную, с правовой точки зрения, установку личности.

В рамках нашего исследования изучался вопрос о влиянии семейного положения незаконных мигрантов на их преступную деятельность (табл. 7).

Таблица 7

Семейное положение иностранных граждан и лиц без гражданства, виновных в незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации на территории Дальневосточного федерального округа, совершивших преступления в 2005-2011 гг.

<i>Семейное положение на момент совершения преступления</i>	<i>Удельный вес, %</i>
Женат (замужем)	44
Холост (не замужем)	56

Наличие детей	50,2
Отсутствие детей	49,2

Особенностью исследуемой категории преступников является то, что 56 % из них на момент совершения преступления в Дальневосточном федеральном округе были холосты. У половины лиц рассматриваемой категории (50,2 %) имеются дети.

Относительно рода занятий мигрантов, совершивших преступления в Дальневосточном федеральном округе России, можно пояснить следующее (см. табл. 8). Указанные лица в основном не имеют постоянного источника дохода. Изучение рода занятий лиц, совершивших преступления, свидетельствует о том, что они не работают в большинстве своем и не учатся. Из числа работающих большая часть иностранных граждан и лиц без гражданства занята в торговле и лесной промышленности.

Таблица 8

Сведения о социальном положении иностранных граждан и лиц без гражданства, виновных в незаконном пересечении Государственной границы РФ, на момент совершения преступления в Дальневосточном федеральном округе в 2005-2011 гг.

<i>Род занятий</i>	<i>Удельный вес, %</i>
Торговля	18
Лесная промышленность	7,8
Работники с/х	3,3
Предприниматели	4,2
Кредитно-финансовая сфера	1,1
Неработающие	41,9
Неучащиеся	14,1

Как показывает проведенный нами анализ уголовных дел о преступлениях, совершаемых мигрантами, значительное количество преступлений совершается лицами, находящимися на территории Дальнего Востока нелегально (45 %).

Кроме того, было установлено, что рассматриваемой категорией лиц незаконное пересечение границы РФ на территории Дальнего Востока совершается в группе (80 %). Впервые совершают названное преступление 75 % мигрантов.

Для полноты исследования личности преступника – незаконного мигранта считаем необходимым установить наличие смягчающих и отягчающих обстоятельств при совершении преступлений указанной группой лиц. При изучении уголовных дел выяснилось, что наличие отягчающих обстоятельств зафиксировано у 38,7 % осужденных. В основном это рецидив преступления; совершение преступления в составе группы лиц по предварительному сговору, организованной группы или преступного сообщества. Наиболее часто встречающимся смягчающим обстоятельством является наличие малолетних детей у виновного.

Итак, статистические данные свидетельствуют о том, что наибольшее количество преступлений, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства, зарегистрировано в таких субъектах Дальневосточного федерального округа, как Приморский и Хабаровский края. Криминологический портрет личности преступника – мигранта, виновного в незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации на территории Дальневосточного федерального округа, характеризуется следующими признаками: мужчина в возрасте 36-40

лет, имеет неполное среднее образование, без постоянного источника дохода, холостой, имеющий на иждивении детей. Отличительными признаками личности преступника – незаконного мигранта, совершающего преступления на территории Дальневосточного федерального округа, является то, что это в основном граждане Китая (60,3 %), преступления ими совершаются в группе (80 %).

В настоящее время многие из отечественных криминологов разделяют мнение о том, что противодействие преступности будет эффективнее и целенаправленнее, если более системно и последовательно организаторы такого противодействия будут принимать во внимание многообразные формы преступной деятельности и особенности отдельных ее видов, индивидуальные характеристики различных категорий преступников.

Кроме того, субъектам деятельности по предупреждению преступлений, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства, необходимо владеть знаниями о личности преступника с точки зрения психологии преступного поведения, что позволит повысить эффективность противодействия миграционной преступности.

Говоря о противодействии преступности, совершаемой непосредственно незаконными мигрантами, необходимо отметить, что такая деятельность станет реальной, целенаправленной и продуктивной, если статистические органы будут вести учет преступлений, совершаемых лицами, имеющими нелегальный статус на территории России. Такая практика, по нашему мнению, необходима, так как незаконная миграция, как правило, является фоном для иных правонарушений. В свою очередь, незаконные мигранты относятся к категории лиц с повышенной криминальной активностью.

Литература:

1. Буряк М.Ю. Торговля людьми и борьба с ней: монография. Владивосток: Дальневост. ун-т, 2006.
2. Кобец П.Н. Противодействие преступности иностранных граждан и лиц без гражданства в России: монография. М.: ВНИИ МВД РФ, 2007.
3. Криминология / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М.: Юристъ, 1995.
4. Магомедов Э.Б. Нелегальная миграция как фактор преступности // Вестник Моск. ун-та МВД России. 2008. № 10. С. 56-58.
5. Пастушеня А.Н. Криминологическая сущность личности преступника (психологический аспект): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000.

УДК 343.139.6

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ОТСРОЧКИ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ БОЛЬНЫМ НАРКОМАНИЕЙ

*Оксана Васильевна Золотарева, преподаватель Владивостокского филиала
Дальневосточного юридического института МВД России*

В статье анализируются некоторые положения института отсрочки наказания лицам, больным наркоманией и совершившим впервые преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, рассматриваются пробелы, допущенные законодателем, проблемы реализации института отсрочки для больных наркоманией и возможные пути их решения.

Ключевые слова: отсрочка отбывания наказания; стратегия государственной антинаркотической политики до 2020 года; лицо, больное наркоманией; основание и условия предоставления отсрочки; курс лечения от наркомании; медико-социальная реабилитация; отмена отсрочки отбывания наказания.

APPLICATION PROBLEMS OF DELAYING SERVING TERM PUNISHMENT CONCERNING SICK DRUG ADDICTS (NARCOTISTS)

Zolotaryeva Oksana Vasilyevna, Far Eastern Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Vladivostok Branch, instructor

The paper deals with some institute positions of delaying punishment concerning some persons who are sick drug addicts and who have committed offences for the first time in the sphere of drug trafficking. It treats as well of some problems admitted by the legislator and some realization problems of the institute of delaying for sick drug addicts and all possible ways of their solving.

Keywords: delaying serving term punishment; strategy of state antinarcotic policy up to 2020; sick drug addict; bases and conditions of providing delaying; treatment course of narcotics; medical and social rehabilitation; cancellation of delaying serving term punishment.

Ни для кого не секрет, что среди многочисленных проблем, стоящих перед российским обществом на сегодняшний день, одну из лидирующих позиций занимает проблема наркотизации населения России как реальная угроза безопасности страны, серьезный вызов здоровью нации, которая требует внедрения эффективной антинаркотической политики. Характерной чертой наркомании в России является ее омоложение.

Как отмечено Президентом России на заседании Совета Безопасности по вопросу совершенствования государственной политики в области борьбы с распространением наркотиков, за последние 10 лет количество зарегистрированных больных с диагнозом «наркомания» выросла, без малого, на 60 %, реальное число потребителей наркотических средств составляет 2-2,5 млн человек, 2/3 из которых являются лицами, не достигшими 30 лет.

Реализуя социальный заказ на эффективное решение проблемы преодоления криминального наркотизма в стране, Указом Президента РФ от 9 июня 2010 г. № 690 была утверждена Стратегия государственной антинаркотической политики РФ до 2020 года (далее - Стратегия), которая характеризует современную наркоситуацию расширением масштабов немедицинского потребления и незаконного оборота «тяжелых» наркотических средств и психотропных веществ, а также их влиянием на распространение ВИЧ-инфекции, вирусных гепатитов.

Одной из основных направлений Стратегии было названо существенное сокращение незаконного распространения и немедицинского потребления наркотиков. Реализация поставленной цели предполагает введение норм о предоставлении подсудимым, больным наркоманией и признанным виновными в совершении преступлений небольшой или средней тяжести, связанных с незаконным оборотом наркотиков и их прекурсоров, возможности выбора между лечением и уголовным наказанием, а также об установлении механизма контроля принятых обязательств по лечению и ответственности за их невыполнение (ст. 43).

В развитие этих положений Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской

Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» введен новый вид отсрочки отбывания наказания для лиц, больных наркоманией.

Отсрочка отбывания наказания представляет собой меру уголовно-правового характера, связанную с временным отказом государства в лице правоохранительных органов от применения мер наказания ввиду различного рода обстоятельств, делающих применение наказания в данный момент нецелесообразным. В зависимости от основания отсрочки и поведения осужденного, по истечении ее периода наказание может быть обращено к реальному исполнению, либо осужденный может быть полностью или частично освобожден от наказания.

Впервые институт отсрочки появился в России в 1992 г. Законом от 12 июня 1992 г. «О внесении изменений и дополнений в Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» была введена отсрочка исполнения наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей (ст. 46.2 УК РСФСР). Данный институт был внедрен в законодательство по результатам эксперимента, проведенного в 1991 г. в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета от 19 декабря 1990 г.: 85 осужденных к лишению свободы женщин, имевших детей, воспитывавшихся в домах ребенка колоний, были условно освобождены от отбывания наказания. Решение о предоставлении отсрочки принималось судом. Отсрочка предоставлялась женщинам, не имевшим нарушений дисциплины в процессе отбывания наказания, имевшим постоянное место жительства и сохранившим семью, за исключением осужденных за тяжкие преступления и имевших более двух судимостей. Эксперимент оказался успешным: был лишь один случай отмены отсрочки¹.

В феврале 2010 г. круг лиц, к которым могла быть применена отсрочка, был расширен за счет включения в него мужчин, имеющих ребенка в возрасте до четырнадцати лет и являющихся единственным родителем.

В 2012 г. отсрочка стала предоставляться осужденным за преступления, связанные с оборотом наркотиков, если они являются больными наркоманией и согласны на прохождение курса медико-социальной реабилитации.

Законопроект об отсрочке от наказания для больных наркоманией на этапе прохождения чтений вызвал оживленные дискуссии о целесообразности и эффективности данного института. Некоторые ученые высказывали опасения, что введение отсрочки для лиц, больных наркоманией, нарушает принцип равенства, может быть расценено как своеобразная льгота, антистимул к лечению наркозависимости либо вообще способствовать сознательному злоупотреблению наркотическими средствами, чтобы избежать уголовного наказания в случае раскрытия преступления². Указывалось и на длительные сроки лечения и реабилитации, в течение которых осужденные претерпевают значительные ограничения свободы (до семи лет – не более пяти лет лечения и не менее двух лет ремиссия), по сравнению с краткосрочным лишением свободы (ч.1 ст. 228 УК РФ – до трех лет лишения свободы, ч. 1 ст. 231 УК РФ – до двух лет лишения свободы, ст. 233 УК РФ - до двух лет лишения свободы)³. Не лишена справедливости и точка зре-

---

¹ См.: Уголовное право России: практ. курс / под общ. ред. А.И. Бастрыкина. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 262.

² См.: Тихонова С.С., Бачурин Т.А. Современная концепция уголовной ответственности лиц, больных наркоманией // Вестник науки ТГУ. 2011. № 4 (7). С. 120.

³ См.: Жевлаков Э. Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией // Уголовное право. 2012. № 3. С.23.

ния о низкой эффективности данного вида отсрочки из-за слабой мотивации больных наркоманией к освобождению от зависимости¹.

Однако данный институт появился в Уголовном кодексе РФ, и, несмотря на признание Верховным Судом РФ существования пробелов в нормативном регулировании отсрочки, предусмотренной ст. 82.1 УК РФ², норма считается действующей, ограничения на ее применение отсутствуют, поэтому орган правосудия должен работать с тем, что имеется.

Правовая природа данного института является спорной. Одни авторы ставят ее в зависимость от времени назначения отсрочки: если соответствующий вопрос решается в момент вынесения приговора, она считается разновидностью условного осуждения, а если в период отбывания наказания — условно-досрочного освобождения от отбывания наказания³. Другие авторы указывают, что отсрочка имеет особую правовую природу, сочетая в себе уголовно-правовые меры различной природы: собственно отсрочку (временный отказ от исполнения наказания) и освобождение от наказания (или его замена более мягким видом) по окончании отсрочки⁴.

Сущность данной отсрочки состоит в предоставлении возможности желающему излечиться от наркотической зависимости соответствующего лечения вместо отбывания наказания в виде лишения свободы. Статья 82.1 УК РФ предусматривает факультативное основание освобождения от наказания, что явно вытекает из использования законодателем слова «может» в тексте закона, т.е. применение отсрочки остается на усмотрение суда, а не является его обязанностью.

Следует согласиться с мнением Э. Жевлакова, что «основанием применения отсрочки наказания больным наркоманией... является основанная на материалах уголовного дела убежденность суда в возможности достижения целей наказания без его реального отбытия»⁵.

Несомненно, для того, чтобы установить, является ли подсудимый наркозависимым и нуждается ли он в лечении, необходимо провести наркологическую экспертизу.

В качестве обязательных условий применения отсрочки отбывания наказания в соответствии со ст. 82.1 УК РФ можно выделить следующие:

1) совершение преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 228 УК РФ (Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества), ч. 1 ст. 231 УК РФ (Незаконное культивирование растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры) и ст. 233 УК РФ (Незаконная выдача либо подделка рецептов или

---

¹ См.: Голик Ю. Очередная модернизация Уголовного кодекса // Уголовное право. 2012. № 2. С. 29-34.

² Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению федеральных законов от 7 марта 2011 г. «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 июня 2012 г. // URL: http://www.vsrfr.ru/Show_pdf.php?Id=8036.

³ См.: Уголовное право России / под общ. ред. А.И. Бастрыкина. С. 262.

⁴ См.: Уголовное право России. Общая часть / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.В. Лунеева, А.В. Наумова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2006. С. 469.

⁵ Жевлаков Э. Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией // Уголовное право. 2012. № 3. С.23.

иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ);

- 2) совершение преступления впервые;
- 3) лицо, осуждено к наказанию в виде лишения свободы;
- 4) осужденный признан больным наркоманией;

5) осужденный изъявил желание добровольно пройти курс лечения от наркомании, а также медико-социальную реабилитацию. Желание подсудимого добровольно пройти курс лечения от наркомании может быть выражено как письменно, так и устно (в этом случае такое ходатайство отражается в протоколе судебного заседания) на любой стадии процесса до удаления суда в совещательную комнату¹.

Как указано выше, для отсрочки необходимо, чтобы преступление было совершено впервые, но какой конкретно смысл вложен законодателем в это положение? Будет ли считаться преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 82.1 УК РФ, совершенным впервые, если ему предшествовало совершение другого преступления, не указанного в ч. 1 комментируемой статьи (хищение, самоуправство)?

На практике может возникнуть ситуация, когда лицо впервые совершило несколько преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 82.1 УК РФ (несколько эпизодов подделки рецептов или культивирования растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества). Как поступать правоприменителю в этом случае? Разумно было бы предположить, что законодатель требует *de jure* и *de facto* совершение впервые не только иного преступления, но и преступления, указанного в ч. 1 ст. 82.1 УК РФ. Однако мнение, что «впервые совершившим преступление следует считать лицо, совершившее одно или несколько из указанных преступлений, ни за одно из которых оно ранее не было осуждено»², поддержал и Верховный Суд РФ в ходе научно-практической конференции «Актуальные вопросы действия закона во времени в свете гуманизации уголовного законодательства: доктрина и практика», прошедшей 16 марта 2012 г.

На наш взгляд, законодателем неоправданно ограничен круг деяний, совершенных в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ небольшой и средней тяжести тремя статьями - ст. 228, 231, 233 УК РФ.

В главе 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» существуют и другие составы, относящиеся к категориям преступлений небольшой и средней тяжести в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров - ч. 1 ст. 228.3, ч. 1 ст. 228.4, ч. 1 ст. 230, ч. 1 ст. 232 УК РФ.

Более того, не совсем понятно, почему лечение вместо наказания не может предлагаться лицам, совершившим иные преступления небольшой или средней тяжести на почве наркозависимости, не исключаяющей вменяемости. Например, при совершении корыстных преступлений, направленных на завладение денежными средствами или имуществом с целью покупки «дозы». Кроме того, суды редко назначают наказание в виде лишения свободы при совершении впервые преступлений небольшой тяжести.

Вводя данный институт, законодатель преследовал благие цели социализации категории лиц, впервые осужденных за совершение наименее опасных преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, а не изоляции их от общества. Данная норма имеет поощрительный характер, должна мотивировать, дать до-

¹ Ответы на вопросы, поступившие из судов...

² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Ю.В. Грачева, Л.Д. Ермакова, Г.А. Есаков. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2013. С. 191.

полнительный стимул к прохождению данной группой лиц добровольного лечения и последующей адаптации в обществе¹.

Так, согласно статистическим данным МВД России, в 2012 г. доля лиц, совершивших преступления в состоянии наркотического опьянения, составила 36,2 %, а 10,3 % из них являются несовершеннолетними².

Исходя из принципов гуманности, экономии мер уголовной репрессии, справедливости и духа Стратегии, целесообразнее было бы не ограничивать применение положений ст. 82.1 УК РФ для лиц, больных наркоманией и впервые совершивших иные (кроме ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 и ст. 233 УК РФ) преступления небольшой или средней тяжести.

Вызывает удивление тот факт, что законодатель установил возможность отсрочки наказания лишь при осуждении больного наркоманией к наказанию только в виде лишения свободы, осуждение к другим видам наказания не дает права суду применять анализируемую норму. Для другого вида института отсрочки – отсрочка отбывания наказания беременной женщине, женщине, имеющей ребенка в возрасте до четырнадцати лет, мужчине, имеющему ребенка в возрасте до четырнадцати лет и являющемуся единственным родителем, – такого вида ограничения не предусмотрены. Санкции ст. 228, 231, 233 УК РФ предусматривают кроме лишения свободы и другие виды наказаний – обязательные работы, исправительные работы и ограничение свободы. Представляется, что лечение от наркомании и медико-социальная реабилитация будут более полезны для лица, работающего по приговору суда и не имеющего достаточно времени для прохождения лечения от наркомании.

Следует отметить, что отсрочка в целях лечения и реабилитации возможна только в том случае, если лишение свободы назначено реально, т.е. если суд придет к выводу о возможности исправления осужденного, больного наркоманией, без изоляции от общества, то он должен руководствоваться положениями ст. 73 УК РФ, в ч. 5 которой имеется «рычаг» воздействия на данную категорию лиц – возложение обязанности пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерического заболевания.

Правовые последствия отсрочки отбывания наказания для лица, больного наркоманией, могут быть как позитивными, так и негативными. Так, после прохождения курса лечения от наркомании и медико-социальной реабилитации и при наличии объективно подтвержденной ремиссии суд освобождает осужденного от отбывания наказания или оставшейся части наказания. Как нам видится, законодатель излишне ограничил себя в возможности индивидуализации ответственности «бывшего наркомана». В некоторых случаях для достижения предупредительных целей наказания лучше не «простить» оставшегося срока лишения свободы, а заменить его на более мягкий вид наказания в соответствии с видами наказаний, указанных в ст. 44 УК РФ, как это возможно для осужденного родителя ребенка, не достигшего четырнадцатилетнего возраста. При нынешнем положении вещей «исправившийся» наркоман находится в более привилегированном положении по отношению к «исправившемуся» родителю, несущему бремя ответственности не только за собственные проступки, но и за благополучие находящегося на его иждивении ребенка.

---

¹ См.: Шевелева С. Спорные вопросы применения норм об отсрочке отбывания наказания больным наркоманией // Уголовное право. 2012. № 2. С. 78.

² Состояние преступности в России за январь-декабрь 2012 г. // URL: http://mvd.ru/upload/site1/document_file/vlXMMRlab8.pdf

Самым слабым звеном новеллы является непрописанный механизм ее реализации, а именно то, что до настоящего времени не решена проблема учреждений, где больной наркоманией должен проходить лечение и реабилитацию.

В настоящее время в России существует всего 138 наркологических диспансеров, в большинстве которых есть стационарные отделения, а также 1856 наркологических кабинетов и 25,5 тыс. коек для больных¹. Но, как уже было сказано выше, граждан, употребляющих наркотики, в нашей стране около 2-2,5 млн человек. И это только данные официальной статистики. Наркотизм - явление латентное, экспертные оценки уровня наркотизации населения России в разы выше официальных данных.

Медико-социальную реабилитацию должны осуществлять специализированные лечебные учреждения наркологического профиля. В настоящее время требуется принятие ряда нормативных правовых актов, регламентирующих порядок медико-социальной реабилитации больных наркоманией. Необходимо наличие специализированных медицинских центров наркологического профиля, в том числе для того, чтобы суд имел возможность указать в своем решении конкретное учреждение для прохождения лечения². Но в настоящее время нет ни самих центров, ни утвержденных методик реабилитации.

Важным является определение сроков медико-социальной реабилитации и ремиссии осужденного. В соответствии с положениями ст. 82.1 УК РФ отсрочка отбывания наказания предоставляется до окончания лечения и медико-социальной реабилитации, но на срок не более пяти лет, а окончательное решение об освобождении осужденного полностью или частично от наказания принимается при наличии объективно подтвержденной ремиссии, длительность которой составляет не менее двух лет.

Определенные трудности в понимании вызывает понятие ремиссии, используемой законодателем.

Ремиссия представляет собой сложный этап хронического заболевания (наркомания таким заболеванием является), и однозначной системы критериев оценки ремиссии не существует ни в отечественной, ни в зарубежной психиатрии. Если под ремиссией понимать полную абстиненцию (полный отказ от употребления наркотиков), то исследователи подчеркивают, что полное и долговременное воздержание от наркотиков как результат терапевтического воздействия встречается достаточно редко.

Трудно понять, каким образом сочетаются указание на принципиальное отсутствие возможности выздоровления с одновременной оценкой эффективности лечения, ориентированной на полный отказ от употребления психоактивных веществ³.

Поскольку ремиссия может быть как полной, так и частичной, закономерно возникает вопрос, какую же именно ремиссию имел в виду законодатель? Через пару лет, когда будут получены первые результаты от лечения и реабилитации лиц, которым наказание было отсрочено в порядке ст. 82.1 УК РФ, этот вопрос остро встанет перед судами.

Негативными правовыми последствиями отсрочки отбывания наказания могут быть:

---

¹ См.: Смеленко Э.М. Проблемы законодательной регламентации отсрочки отбывания наказания больным наркоманией (ст. 82.1 УК РФ) и пути их преодоления // Российский следователь. 2012. № 21. С. 15.

² Ответы на вопросы, поступившие из судов...

³ См.: Злобин М., Егоров А. Ремиссии при опиоидных наркоманиях (обзор) // <http://www.narcom.ru/publ/info/258>

1. Отмена отсрочки отбывания наказания в случае отказа от прохождения курса лечения от наркомании и медико-социальной реабилитации или уклонения от лечения. При этом отказ осужденного от лечения в государственной (муниципальной) наркологической клинике и выбор им частной наркологической клиники, имеющей соответствующую лицензию, отказом не является¹. Осужденный считается уклоняющимся от прохождения курса лечения и реабилитации, если он, не отказавшись от лечения и реабилитации, не посещает их либо самовольно покинул лечебное учреждение или учреждение медико-социальной реабилитации, либо, по крайней мере, два раза не выполнил предписания лечащего врача, либо продолжает употреблять наркотические средства или психотропные вещества, систематически употреблять спиртные напитки, одурманивающие вещества, занимается бродяжничеством или попрошайничеством либо скрылся от уголовно-исполнительной инспекции, осуществляющей контроль за его поведением, и его местонахождение не установлено более чем в течение 30 суток (ч. 7 ст. 178.1 УК РФ).

2. Отмена отсрочки отбывания наказания при совершении осужденным нового преступления в период отсрочки. Не имеет значения, относится ли новое преступление к категории преступлений, указанных в ч. 1 ст. 82.1 УК РФ, поскольку основная цель отсрочки – нейтрализация причин и условий преступного поведения лица, связанного с употреблением наркотических средств (психотропных веществ), и, как следствие, предупреждение совершения им новых преступлений. Отсрочка отбывания наказания отменяется, окончательное наказание назначается по правилам о совокупности приговоров (ст. 70 УК РФ), и лицо направляется для отбывания наказания в учреждение, назначенное в соответствии с приговором суда.

3. Отмена отсрочки отбывания наказания в случае установлении факта совершения осужденным, которому наказание отсрочено в связи с заболеванием наркоманией, иного преступления, не предусмотренного ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231, ст. 233 УК РФ, еще до момента его осуждения. В указанном случае суд по представлению уголовно-исполнительной инспекции отменяет отсрочку отбывания наказания, назначает наказание по правилам о совокупности преступлений (ч. 5 ст. 69 УК РФ) и направляет осужденного для отбывания наказания в учреждение, назначенное по приговору суда. Если же после применения к лицу отсрочки отбывания наказания стало известно о том, что лицо виновно и в другом преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 или ст. 233 УК РФ, совершенном им до вынесения приговора по первому делу, суд, по смыслу положения ч. 1 ст. 82.1 УК РФ, может продолжить (сохранить) примененную к лицу отсрочку.

Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией, являясь комплексным межотраслевым правовым институтом, регулируется совокупностью норм уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права.

В соответствии с ч. 2 ст. 178.1 УИК РФ исполнение определения суда об отсрочке отбывания наказания возлагается на уголовно-исполнительную инспекцию по месту жительства осужденного. Уголовно-исполнительная инспекция после постановки осужденного на учет осуществляет контроль за его поведением и прохождением им курса лечения от наркомании, а также медико-социальной реабилитации (ч. 4 ст. 178.1 УИК РФ). Порядок осуществления контроля определяется нормативными правовыми актами, утверждаемыми федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний, совместно с федеральным органом исполнительной

---

¹ Ответы на вопросы, поступившие из судов...

власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере здравоохранения, по согласованию с Генеральной прокуратурой Российской Федерации. Однако, хотя исследуемый институт действует уже больше года, нормативно-правовые акты так и не разработаны.

В качестве вывода хотелось бы отметить, что, несмотря на социальную обоснованность, важность данного института для общества, глубоко пораженного наркоманией, до тех пор, пока не будут решены выявленные проблемы, устранены пробелы в законодательной регламентации отсрочки отбывания наказания, о реализации потенциала, заложенного в норму ст. 82.1 УК РФ, говорить не приходится. Не хотелось бы, чтобы анализируемая новелла была причислена к категории «мертворожденных» норм.

Литература:

1. Голик Ю. Очередная модернизация Уголовного кодекса // Уголовное право. 2012. № 2.
2. Жевлаков Э. Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией // Уголовное право. 2012. № 3.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Ю.В. Грачева, Л.Д. Ермакова, Г.А. Есаков. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2013.
4. Смеленко Э.М. Проблемы законодательной регламентации отсрочки отбывания наказания больным наркоманией (ст. 82.1 УК РФ) и пути их преодоления // Российский следователь. 2012. № 21.
5. Тихонова С.С., Бачурин Т.А. Современная концепция уголовной ответственности лиц, больных наркоманией // Вестник науки ТГУ. 2011. № 4(7).
6. Уголовное право России. Общая часть / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.В. Лунеева, А.В. Наумова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2006.
7. Уголовное право России: практический курс / под общ. ред. А.И. Бастрыкина. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2007.
8. Шевелева С. Спорные вопросы применения норм об отсрочке отбывания наказания больным наркоманией // Уголовное право. 2012. № 2.

Уголовный процесс

УДК 343.1

РАЗЪЯСНЕНИЕ ПОДОЗРЕВАЕМОМУ ПРАВА НА ЗАЩИТУ ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ

Юрий Георгиевич Овчинников, доцент кафедры Владивостокского филиала
Дальневосточного юридического института МВД России
кандидат юридических наук, доцент

В работе автор анализирует теоретические и практические аспекты разъяснения права на защиту в момент фактического задержания (физического захвата) лица по подозрению в совершении преступления.

Ключевые слова: право на защиту; момент фактического задержания; подозреваемый; «правила Миранды».

CLARIFICATION PROBLEMS CONCERNING SUSPECT RIGHT OF DEFENSE DURING HIS DETENTION

Ovchinnikov Yury Georgievich, Far Eastern Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Vladivostok Branch, chair associate professor,
Kandidat nauk degree in Law, associate professor

The paper deals with theoretical and practical moments of the right of defense clarification at the moment of factual detention (physical catch) of a person under suspicion of committing an offence.

Keywords: the right of defense clarification; moment of factual detention; suspect; «Miranda rule».

Несмотря на обязанность суда, следователя и дознавателя разъяснять участникам уголовного судопроизводства, имеющим в деле личный интерес, их права, обязанности и ответственность и обеспечивать возможность осуществления этих прав (ч. 1 ст. 11 УПК РФ), обязанность должностных лиц охранять права личности посредством их разъяснения не могут заменить обвиняемому и подозреваемому квалифицированную помощь защитника. Разъяснение прав со стороны го-

сударственных органов и должностных лиц – это лишь *дополнительная гарантия охраны прав личности, но никак не полная замена защиты*¹.

Подозреваемый и обвиняемый должны иметь возможность пользоваться всеми своими правами, в том числе правом на помощь защитника, без всяких ограничений с момента своего появления в уголовном процессе. Но лицам, в отношении которых осуществляется уголовное преследование, в первую очередь *должно быть разъяснено право знать*, что они могут пользоваться помощью защитника, в том числе и бесплатно, с определенного законом момента, что является уголовно-процессуальной гарантией.

Основной закон Российской Федерации закрепил: «Каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения» (ч. 2 ст. 48 Конституции РФ).

УПК РФ в ч. 3 ст. 49 существенно расширил (до девяти) перечень моментов участия защитника. Не останавливаясь на каждом, отметим, что в практической деятельности органов предварительного расследования (согласно личному практическому опыту, а также устному опросу следователей, дознавателей и органов дознания УМВД по Приморскому краю) наибольшая проблема допуска защитника в уголовный процесс возникает на раннем этапе расследования преступлений, а именно на этапе фактического задержания подозреваемого, что и обусловило проведение анализа именно этого момента вступления защитника (точнее сказать, момент разъяснения права за защиту) в уголовное судопроизводство.

Задержание, являясь мерой уголовно-процессуального принуждения, достаточно активно применяется в процессе расследования преступлений органами предварительного расследования. В ходе ее применения существенно ограничивается конституционное право граждан на свободу и личную неприкосновенность (ч. 1 ст. 22 Конституции РФ). Вместе с тем, как показывает практика, именно в период задержания происходит значительное количество грубых нарушений со стороны правоохранительных органов в отношении прав и свобод граждан в уголовном судопроизводстве². Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации в ежегодных докладах неоднократно обращает внимание на грубейшие нарушения прав граждан при задержании. В органах внутренних дел практикуются недозволенные методы обращения с задержанными. Ради получения признательных показаний, показаний против других лиц в первые часы после задержания людей нередко избивают, подвергают жестокому обращению и пыткам, которые порой приводят к смерти или тяжелым последствиям для здоровья задержанных³.

По меткому замечанию О.А. Зайцева и П.А. Смирнова, «одним из факторов, способных не только самым серьезным образом повлиять на уровень представления подозреваемого о своих правах и обязанностях, позволивший бы последнему

¹ См.: Базюк М.Л. Охрана прав и свобод человека и гражданина как принцип российского уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2009. С. 115.

² См., напр.: Алимов Т., Брайловская С., Корякин О. и др. Убийный отдел // Российская газета. 2012. 14 марта; Валагин А. Начальник Воронежского отдела полиции отстранен из-за пыток // <http://www.rg.ru/2012/04/17/reg-cfo/police-anons.html>; Брайловская С. В Татарстане возбуждено еще три уголовных дела против полицейских // <http://www.rg.ru/2012/04/03/reg-pfo/dela-anons.html>; Кузин А. Полицейских из Чувашии подозревают в избивании задержанного // <http://www.rg.ru/2012/07/17/reg-pfo/police-anons.html> и др.

³ См.: Доклады Уполномоченного по правам человека в РФ за 2003-2011 гг. // Российская газета. 2004. 28 июля; 2005. 31 марта; 2006. 15, 29 июня; 2007. 13 апреля; 2008. 14 марта; 2009. 17 апреля; 2010. 28 мая; 2011. 13 мая; 2012. 6 марта.

эффективно защищаться, но и "охладить пыл" некоторых слишком рьяных сотрудников правоохранительных органов, является своевременное предоставление задержанному квалифицированной юридической помощи»¹.

«Многие случаи из практики, – отмечают С. Попов и Г. Цепляева, – со всей очевидностью демонстрируют, что участие и помощь защитника с момента фактического задержания подозреваемого абсолютно необходимы. И закон такое право задержанному предоставляет (п. 3 ч. 3 ст. 49 УПК). Вопрос только в том, как реализовать это право на практике. В настоящее время в следственных документах обычно не отражается, что подозреваемому разъяснено право иметь защитника по назначению. Вместо этого делается запись о том, что отказ от услуг адвоката не связан с материальным положением задержанного. Наблюдается скрытое противодействие реализации права на защиту с помощью адвоката. Иногда противодействие вызову адвоката доходит до применения насилия»².

В.С. Шадрин, исследуя вопрос разъяснения подозреваемому и обвиняемому права на защиту, пришел к выводу: обеспечение указанного права оставляет желать лучшего. «Из числа опрошенных утверждают: право иметь защитника не разъяснялось им при задержании – 48 %, при заключении под стражу – 68 %. Чаще других, по утверждению подозреваемых и обвиняемых, воспрепятствование следователем использованию помощи адвоката осуществлялось путем навязывания определенного защитника – 22 %, убеждения в бесполезности участия защитника – 13 %, дачи советов защищаться самостоятельно – 9 %»³.

К аналогичным данным приходит В.Ю. Мельников: право иметь защитника не разъяснялось подозреваемым и обвиняемым при задержании в 52 % случаев, при заключении под стражу - в 48 %; воспрепятствование осуществляется следователем путем навязывания определенного защитника (34 %) или напоминаний о необходимости оплаты услуг защитника (11 %). Лишь 18 % защитников ответили, что следователи должным образом выполняют обязанность по разъяснению прав подследственному⁴.

Вместе с тем следует отметить, что Конституция РФ и УПК (п. 3 ч. 3 ст. 49) гарантируют право на юридическую помощь с момента фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления. Момент фактического задержания четко обозначен в п. 15 ст. 5 УПК - «момент фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления», т.е. момент фактического захвата (поимки). Однако такая помощь именно с этого момента на сегодняшний день реально не осуществляется и не может осуществляться, поскольку на законодательном уровне право на защиту разъясняется гораздо позже, уже после возбуждения уголовного дела, во время составления протокола задержания. Именно в этот момент подозреваемому разъясняется право пригласить своего защитника.

О данном казусе в одном из первых комментариев к УПК РФ справедливо писал К.Б. Калиновский: «Согласно ч. 1 ст. 92, после доставления подозреваемого в орган дознания, к следователю, в срок не более 3 часов после доставления должен быть составлен протокол задержания, в котором делается отметка о том, что

¹ Зайцев О.А., Смирнов П.А. Подозреваемый в уголовном процессе. М.: Экзамен, 2005. С. 155.

² Попов С., Цепляева Г. Нормы нового УПК о подозреваемом не обеспечивают гарантии его конституционных прав. URL: <http://kalinovsky-k.narod.ru/b/popov2002.htm>

³ Шадрин В.С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. М.: Юрлитинформ, 2000. 136-137.

⁴ См.: Мельников В.Ю. Права личности в уголовном процессе Российской Федерации: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 188.

подозреваемому разъяснены права, включая, конечно, и право на помощь защитника. Только с этого времени задержанный обычно узнает, что обладает таким правом и, следовательно, может начать действия по его реализации»¹.

А.В. Пивень в своем диссертационном исследовании задавался вопросом, с какой целью в УПК РФ подчеркивается необходимость обеспечения свидания подозреваемого с защитником до первого допроса, когда ранее уже были указаны вполне определенные для этого моменты, причем возникающие значительно раньше первого допроса подозреваемого? Создатели УПК «как будто дают понять правоприменителю о возможности не обеспечивать допуск защитника» вплоть до первого допроса подозреваемого, что, безусловно, может сказаться на интересах последнего².

В представлении законодателя, отмечают О.А. Зайцев и П.А. Смирнов, реальная возможность получения находящимся в заключении подозреваемым консультаций защитника ассоциируется исключительно с момента первого допроса. Это ошибочный взгляд. Авторы полагают, что суждение законодателя основывалось на ч. 3 ст. 123 УПК РСФСР 1960 г., предписывающей необходимость *немедленного* допроса подозреваемого при его задержании. На основании же действующего закона, допрос подозреваемого должен быть произведен *не позднее 24 часов* с момента его фактического задержания (ч. 2 ст. 46 УПК РФ)³. Тем самым законодатель дает возможность правоприменителю допросить подозреваемого и, как правило, обеспечить защитником только через 20-22 часа с момента задержания, поскольку у подозреваемого есть право на свидание с защитником до начала допроса (ч. 4 ст. 92 УПК РФ).

Несмотря на обозначенное в законе право на встречу с защитником до первого допроса, в практической деятельности все еще встречаются случаи его нарушения. Наиболее ярко эти нарушения проявлялись в период действия УПК РСФСР 1960 г., вплоть до вступления в силу УПК РФ. Не случайно законодатель изменил часть 2 ст. 52 УПК РФ и изложил ее следующим образом: «2. Отказ от защитника не обязателен для дознавателя, следователя, прокурора»⁴, нацеливая применителя на реализацию обеспечения права на защиту, независимо от желания подозреваемого или обвиняемого.

Например, по результатам исследования В.С. Шадрина, проведенного в 2000 г., такие нарушения подтвердили 31 % опрошенных следователей, 35 % адвокатов и 11 % обвиняемых и подозреваемых. Причем, по мнению следователей и адвокатов, такое нарушение допускалось практически в отношении каждого пятого подозреваемого. Основными причинами нарушений, с точки зрения следователей, являются: упущения в организации работы коллегий адвокатов (29 %), нежелание адвокатов строго исполнять закон (20 %), отсутствие должной заинтересованности в участии защитника у подозреваемого и его близких (15 %), проявление неуважения к суду самих следователей (10 %). Адвокаты указывают несколько иные причины нарушений: нежелание следователей строго исполнять закон

¹ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ / под ред. А.В. Смирнова. СПб., 2003. С. 165.

² См.: Пивень А.В. Право подозреваемого на защиту: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 1999. С. 31.

³ См.: Зайцев О.А., Смирнов П.А. Указ. соч. С. 157.

⁴ Федеральный закон РФ от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ» // Российская газета. 2003. 10 июля.

В первой редакции УПК РФ часть 2 ст. 52 звучала следующим образом: «Отказ от защитника не обязателен для дознавателя, следователя, прокурора, суда в случаях, предусмотренных п. 2-7 ч. 1 ст. 51 и ч. 4 ст. 247 настоящего Кодекса». В действующей редакции: «Отказ от защитника не обязателен для дознавателя, следователя и суда».

(54 %), отсутствие должной заинтересованности подозреваемого и его близких (43 %), неуважительное отношение к закону самих адвокатов (11 %), упущения в организации работы коллегий адвокатов (3 %) ¹.

По результатам нашего опроса следователей и дознавателей, работавших в период действия УПК РСФСР, право иметь защитника до первого допроса разъяснялось практически всегда, перед составлением протоколов задержания или допроса подозреваемого (97 %). Однако это разъяснение осуществлялось с выгодной для них позиции. Например, лица, ведущие уголовный процесс, «договаривались» с задержанным, чтобы тот дал показания без адвоката, ссылаясь на ночное время (38 %), на отсутствие свободных защитников в данный момент (27 %), загруженность на работе (11%), обещав, что в дальнейшем, в ходе предъявления обвинения, адвокат будет обязательно предоставлен. Некоторые должностные лица «забывали» разъяснить право на помощь защитника за счет государства, уверяя задержанных, что стоимость адвоката «по договору» очень высока, вынуждая тем самым отказаться от последнего (24 %). При этом во всех случаях в протоколах разъяснения права на защиту следователи просили подозреваемого собственноручно написать: «В услугах адвоката не нуждаюсь, что не связано с моим материальным положением».

С новым УПК РФ ситуация сразу изменилась коренным образом. Следователи, дознаватели, составляя протокол задержания, всегда разъясняют право на защиту, а на допрос подозреваемого без исключения приходят с защитником, несмотря на желание задержанного. Такое положение дел, по мнению Ю.А. Ляхова, «продиктовано отнюдь не заботой о подозреваемых и обвиняемых, а желанием обойти положение п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ о недопустимых доказательствах» ². Ведь, согласно данной норме закона, к недопустимым доказательствам относятся в том числе и показания подозреваемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде.

Есть и относительно оптимистические данные по рассматриваемому вопросу. Согласно анализу А.М. Резникова, адвокаты вступают в уголовное дело при задержании: 1 % – с момента захвата лица; 3 % – с момента доставления в орган расследования; 65 % – с момента составления протокола задержания; 19 % – непосредственно перед первым допросом подозреваемого и только 12 % – с момента первого допроса подозреваемого ³. Анкетирование практических работников, проведенное С.И. Гирько и Е.С. Березиной, также показало, что 33,5 % следователей и дознавателей ОВД допускают защитника к задержанному с момента его фактического задержания; 14,9 % - с момента составления протокола задержания; 51,6 % поступают по-разному, в зависимости от ситуации. Опрошенные адвокаты указали, что только в 15 % случаев их допускают к задержанному с момента фактического лишения свободы передвижения лица ⁴.

Встречаются крайне противоположные выводы отдельных ученых уже в период действия современного уголовно-процессуального законодательства. На-

---

¹ См.: Шадрин В.С. Указ. соч. С. 135-136.

² Ляхов Ю.А. Приоритеты уголовно-процессуального законотворчества // Государство и право. 2010. № 8. С. 46.

³ См.: Резников А.Н. Деятельность защитника при применении задержания и заключения под стражу в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. С. 13.

⁴ См.: Гирько С.И., Березина Е.С. Правовой институт задержания подозреваемого: история, современное состояние, перспективы развития: монография. М.: ВНИИ МВД России, 2010. С. 96.

пример, по данным О.А. Зайцева и П.А. Смирнова, в 74 % случаев не реализуется право задержанных подозреваемых воспользоваться помощью адвоката до первого допроса. Среди таковых причин они выделяют: намеренно «недоходчивое» разъяснение некомпетентному подозреваемому его прав (80,2 %); использование в отношении подозреваемого шантажа - угрозы применения меры пресечения в виде заключения под стражу (при изъявлении желания иметь защитника) (41,9 %); некомпетентность самого следователя (17,1 %)¹.

О.И. Цоколова в своем монографическом исследовании пишет об аналогичных ситуациях в органах предварительного расследования: «Зачастую следователи (дознаватели) пытаются утаить от подозреваемого его право на помощь защитника, в том числе и по назначению. Однако в ходе расследования гражданин, несомненно, узнает о нарушении своих прав, что может привести к отказу от показаний и созданию конфликтной ситуации в расследовании»². П.А. Смирнов также констатирует, что следователи порой намеренно «недоходчиво» разъясняют права подозреваемому на защиту (80,2 %), чтобы допросить первый раз подозреваемого без адвоката³.

Многими учеными предлагается путь разъяснения права на защиту именно с момента лишения свободы передвижения (физического захвата).

Так, по мнению И.А. Веретенникова, следует урегулировать для обеспечения участия защитника все ситуации, связанные с фактическим задержанием, а не только те, что возникают на основании процессуальных актов. Для этого надлежит принять универсальную конституционную норму, предусматривающую *право пользоваться адвокатом с момента фактического лишения свободы* независимо от правовой формы и природы таких действий, а в отраслевые и комплексные нормативные акты включить соответствующие ей нормы⁴.

О.С. Гречишникова считает, что необходимо дополнить нормой об обязанности должностных лиц, осуществляющих задержание, разъяснить задержанному право на защиту в момент фактического задержания⁵. Схожей точки зрения придерживается К.Б. Калиновский, полагая, что следует разъяснять право на приглашение или назначение защитника непосредственно после лишения свободы передвижения⁶. К аналогичному выводу приходит И.А. Ретюнских. При физическом задержании сотрудник полиции обязан незамедлительно на месте задержания объявить заподозренному его право на адвоката. В случае вызова заподозренным или его родственником адвоката, получение объяснений откладывается до прибытия вызванного или дежурного адвоката, но не более чем на три часа с момента телефонного сообщения о факте задержания⁷.

¹ См.: Зайцев О.А., Смирнов П.А. Указ. соч. С. 155-156.

² Цоколова О.И. Задержание подозреваемого: монография. М.: ВНИИ МВД России, 2004. С. 47.

³ См.: Смирнов П.А. Обеспечение прав и законных интересов лиц, задержанных по подозрению в совершении преступления // Проблемы предварительного следствия и дознания: сб. науч. трудов. М., 2004. С. 11.

⁴ См.: Веретенников И.А. Задержание подозреваемого как комплексный правовой институт: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 20.

⁵ См.: Гречишникова О.С. Обеспечение прав обвиняемого и подозреваемого при применении процессуального принуждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2001. С. 16.

⁶ См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ. С. 165.

⁷ См.: Ретюнских И.А. Процессуальные проблемы задержания лица по подозрению в совершении преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 17, 21.

Представляет определенный интерес точка зрения, высказанная Ю.Б. Чупилкиным. Он предлагает не только разъяснять права лицу с момента физического захвата, но и *вручать соответствующий документ* с перечислением основных конституционных прав¹. В связи с этим заслуживает внимания зарубежный опыт. Например, в США после задержания и доставления подозреваемого в правоохранительный орган, ему вручают карточку с текстом прав, которыми последний обладает по закону².

С.И. Гирько и Е.С. Березина также считают, что сотрудник, осуществивший фактическое задержание лица, незамедлительно на месте задержания обязан сообщить ему, по подозрению в совершении какого преступления он задержан, и разъяснить ему в доступной форме основные процессуальные права подозреваемого. Затем, в возможно короткий срок, задержанного необходимо доставить в соответствующий орган. После чего, на этом авторы делают акцент, доставивший сотрудник должен составить протокол доставления, в котором уже письменно оформляется отметка о разъяснении доставленному сущности подозрения и его процессуальных прав³.

Как отмечает С.В. Дадонов, «при фактическом захвате лица, заподозренном в совершении преступления, должностное лицо органа дознания обязано разъяснить ему следующие права: 1) хранить молчание; 2) знать, что все, что он скажет, может быть использовано против него; 3) право получить юридическую помощь адвоката-защитника до производства с его участием действий по проверке повода для возбуждения уголовного дела; 4) при оплате средств на оплату услуг адвоката-защитника, в случае его желания, ему будет оказана юридическая помощь бесплатно»⁴.

Позиция указанных авторов полностью согласуется с тринадцатым принципом Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме. В нем закреплено, что любому лицу в *начале* задержания органом, ответственным за задержание, доводятся до сведения и разъясняются его права и как оно может осуществить эти права⁵.

Нельзя не отметить в этом отношении решение Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. №11-П, в котором Суд указал, что, вопреки требованиям ст. 48 Конституции, положения ч. 1 ст. 47 УПК РСФСР *препятствуют реализации права на помощь защитника*, допуская ее не с момента фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, а лишь с момента объявления ему органами дознания и следствия протокола задержания, в результате чего реализация права на защиту и права пользоваться помощью защитника *ставится в зависимость от усмотрения этих органов*. Такое усмотрение открывает возможность для недопустимых произвольных властных действий в отношении лица, чьи конституционные права и свободы ограничиваются, что не только противоречит принципам свободы и личной неприкосновенности (ч. 1 ст. 22 Конституции РФ), но и умаляет достоинство личности как основу признания и уважения прав и сво-

¹ См.: Чупилкин Ю.Б. Гарантии прав подозреваемого в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов на/Д, 2001. С. 7.

² См.: Берекашвили Л.Ш. Обеспечение прав человека и законности в деятельности правоохранительных органов: учеб. пособ. М., 1999. С. 35.

³ См.: Гирько С.И., Березина Е.С. Указ. соч. С. 95.

⁴ См.: Дадонов С.В. Реализация принципа состязательности на досудебных стадиях уголовного процесса России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 95.

⁵ Принят Резолюцией 43/173 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1988 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/detent.shtml (дата обращения: 26.08.2012).

бод. Нормы УПК (ч. 1 ст. 47) противоречат требованиям ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 5 и 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод¹ и решениям Европейского Суда по правам человека².

В итоге Конституционный Суд постановил «признать не соответствующими Конституции РФ положения ч. 1 ст. 47 УПК РСФСР, которые – по их буквальному смыслу – предоставляют лицу, подозреваемому в совершении преступления, право пользоваться помощью защитника лишь с момента объявления ему протокола задержания либо постановления о применении до предъявления обвинения меры пресечения в виде заключения под стражу и, следовательно, ограничивают право каждого на досудебных стадиях уголовного судопроизводства пользоваться помощью адвоката (защитника) во всех случаях, когда его права и свободы существенно затрагиваются или могут быть существенно затронуты действиями и мерами, связанными с уголовным преследованием»³.

Следуя точной позиции Конституционного Суда, должностные лица, осуществляющие фактический захват (поимку), обязаны *незамедлительно* предоставить право задержанному пользоваться помощью защитника. Полагаем, что такие ситуации не соответствуют действительности. Автор солидарен с мнением Е.Б. Мизулиной, что никто не обязан незамедлительно искать защитника подозреваемому с момента его фактического задержания, но если у задержанного есть адвокат, нельзя чинить препятствий против его вступления в дело⁴. «Так можно дойти до абсурда, – правильно пишет по данному поводу Б.Б. Булатов, – и рекомендовать работникам милиции нести службу по охране общественного порядка совместно с адвокатами на случай возможного задержания преступников, а оперативным сотрудникам – выезжать на задержание только с адвокатами, поскольку при захвате гражданина на месте преступления либо при других обстоятельствах, указывающих на совершение им преступления, его права и свободы начинают существенно затрагиваться»⁵. О.И. Цоколова также констатирует: «Рассуждения о допуске защитника (адвоката) с момента пресечения преступных действий или с момента силового захвата лица в связи с совершением преступления не соответствуют ре-

---

¹ Согласно которым каждому арестованному или задержанному сообщаются незамедлительно причины ареста и предъявляемое обвинение и обеспечивается право на безотлагательное решение судом вопроса о законности задержания и справедливое публичное разбирательство дела при предоставлении возможности защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника.

² Европейский Суд по правам человека сформулировал ряд положений, согласно которым отказ задержанному в доступе к адвокату в течение первых часов допросов полицией в ситуации, когда праву на защиту мог быть нанесен невосполнимый ущерб, является – каким бы ни было основание такого отказа – не совместимым с правами обвиняемого.

³ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П по делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 47 и ч. 2 ст. 51 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова (п. 1) // Российская газета. 2000. 4 июля.

⁴ См.: Мизулина Е.Б. Новый порядок ареста и задержания соответствует Конституции РФ и международным правовым стандартам // Российская юстиция. 2002. № 6. С. 14.

⁵ Булатов Б.Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: монография. Омск: ОМА МВД России, 2003. С. 72.

альности»¹. Суждения того же плана можно обнаружить в работах А.И. Сергеева, Б.А. Денежкина, И.Л. Петрухина² и других авторов.

Развивая тему разъяснения прав на защиту при задержании, небезынтересно рассмотреть практику Соединенных Штатов Америки.

Верховный Суд США 13 июня 1966 г. по итогам рассмотрения дела «Миранда против штата Аризона» определил основные процессуальные гарантии подозреваемых, *в совокупности* впоследствии получившие название «правила Миранды» (Miranda warning). Верховный Суд признал обязанность полиции перед допросом предупредить задержанное лицо или лицо, чья свобода ограничена каким-то другим образом, о том, что:

- 1) он имеет право хранить молчание;
- 2) любое сделанное им заявление может быть использовано в качестве доказательства против него;
- 3) он имеет право на присутствие и помощь своего адвоката;
- 4) если он не имеет своего адвоката, таковой будет ему предоставлен за счет государства.

Поводом для такого беспрецедентного решения в то время явилось задержание Эрнесто Артуро Миранды за ограбление женщины и изнасилование другой. Он был арестован, поскольку обе потерпевшие опознали его. Однако сотрудники полиции, начав проведение опроса и опознания, не проинформировали Миранду о его праве на защиту, т.е. не выполнили необходимых условий, обеспечивающих добровольность признания. Сначала арестованный утверждал о собственной невиновности, однако через два часа допрашивавшие его полицейские получили письменное признание. Суд штата Аризона счел этот документ процессуально пригодным, и Миранда был признан виновным в инкриминированном ему преступлении. Однако Верховный Суд США под председательством судьи Эрла Уоррена приговор в отношении Миранды отменил. Судья принял во внимание, что допрос всегда имеет принудительный характер, счел признания, полученные в ходе полицейского допроса, не соответствующими Пятой поправке к Конституции США (согласно которой «никто не должен принуждаться свидетельствовать против самого себя в уголовном деле») и недопустимыми в качестве доказательства, за исключением случая, когда подозреваемый, зная о своем праве на молчание, добровольно отказался от него. Аналогично, признания, полученные в ходе допроса без присутствия адвоката, были признаны недопустимыми доказательствами, если только подозреваемый добровольно не отказался от адвоката. Особое внимание было обращено на то, что гораздо чаще ощущение вынужденной необходимости начать давать показания возникает в местах предварительного заключения – полицейских участках и иных изолированных помещениях, нежели в зале суда. Таким образом, при рассмотрении этого исторического дела, Верховный Суд США принял решение о том, что *факты, полученные в результате признания, могут считаться законными доказательствами только в том случае, если*

¹ Цоколова О.И. Указ. соч. С. 55; она же. Меры уголовно-процессуального принуждения, состоящие в изоляции подозреваемого, обвиняемого: монография. М.: ВНИИ МВД России, 2008. С. 138-139.

² См.: Сергеев А.И. Гарантии неприкосновенности личности, связанные с задержанием и предварительным заключением под стражу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1971. С. 10; Денежкин Б.А. Подозреваемый в советском уголовном процессе. Саратов, 1982. С. 56; Петрухин И.Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. М., 1989. С. 83-84 и др.

полиция может доказать, что подозреваемый знал о своем праве на молчание и ему были разъяснены его конституционные права¹.

Мы солидарны с Н.И. Газетдиновым в том, что «правила Миранды» представляют собой *комплексный институт*, включающий наряду со свидетельским иммунитетом и право подозреваемого на защиту².

В период обсуждения проекта федерального закона РФ «О полиции» Президент РФ Д.А. Медведев предлагал непосредственно при задержании подозреваемых в совершении преступления зачитывать полицейским права, содержащиеся в «правилах Миранды»³.

Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» в ч. 3 ст. 14 закрепил, что в каждом случае задержания сотрудник полиции обязан разъяснить задержанному:

- 1) причину и основания применения задержания;
- 2) право на юридическую помощь;
- 3) право на услуги переводчика;
- 4) право на уведомление близких родственников или близких лиц о факте его задержания;
- 5) право на отказ от дачи объяснения.

Действительно, часть прав, закрепленных в законе (право на юридическую помощь, право на отказ от дачи объяснения), отражают некоторые «правила Миранды» (право сохранять молчание, право на присутствие адвоката). Однако приведенные законодательные формулировки несколько размыты, не конкретны, может, даже не совсем понятны среднестатистическому задержанному. Какой смысл заложен в «право на юридическую помощь»? Сможет ли современный полицейский (оперуполномоченный, сотрудник патрульно-постовой или дорожно-постовой службы) внятно, содержательно и, что самое главное, полно, с позиции закона, донести это право до задержанного. Думается, нет. Или, например, право отказа от дачи объяснения. Когда именно разъясняется данное право – при фактическом захвате или перед составлением сотрудником полиции объяснения? В какой форме должно быть объяснение, чтобы от него отказаться, – в письменной или устной? Непонятно. Судя по телевизионным передачам, когда транслируют документальные оперативные видеозаписи (фактического захвата задержанных), оперуполномоченные никогда не разъясняют каких-либо прав задержанным. Вместо этого сотрудники полиции, фиксируя все на видеокамеру, наоборот, предлагают в настойчивой форме самим подозреваемым рассказать, кто они и за что были задержаны.

Изучая данный вопрос, автор ради эксперимента задавал вопрос оперуполномоченным: «Какие права, согласно ФЗ "О полиции", сотрудник полиции обязан разъяснить задержанному?». Результаты были следующие: 24 % ответили (зная это, скорее всего, из американских фильмов), что задержанный имеет право хранить молчание и право на адвоката; 76 % не смогли назвать ни одного права. Вывод напрашивается сам собой: 100 % сотрудников полиции не смогли четко назвать ни одного права задержанного, закрепленного в ФЗ «О полиции», уже не

¹ Подробнее см.: Мишина Е. Миранда против штата Аризона // Российская юстиция. 1997. № 2. С. 50-53; Пешков М.А. Правила Миранды – революция в уголовном процессе США // Юрист. 1998. № 2. С. 36-39; Махов В.Н., Пешков М.А. Судьба правил Миранды в уголовном процессе США // Адвокатская практика. 1999. № 4. С. 43-52.

² См.: Газетдинов Н.И. Принципы уголовного судопроизводства и их система: вопросы теории и практики. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2004. С. 48.

³ URL: <http://www.youtube.com/watch?v=JUEt6LGZdnw> (дата обращения: 07.07.2012).

говоря о их содержании¹. Складывающаяся ситуация противоречит современным квалификационным требованиям к сотрудникам ОВД, согласно которым последние должны знать федеральные законы, необходимые для исполнения служебных обязанностей, а также выполнять должностные обязанности с учетом задач и функций, возложенных на МВД России².

Таким образом, можно констатировать, что норма ФЗ «О полиции», регламентирующая порядок разъяснения прав при задержании (ч. 3 ст. 14), фактически не работает. Причинами тому являются, во-первых, незнание закона правоприменителем, во-вторых, сама норма закона сформулирована нечетко.

Задерживая (физический захват), орган дознания не разъясняет лицу право на адвоката и право на молчание. При составлении объяснения эти права также не разъясняются и не фиксируются в нем (автор просмотрел более 260 объяснений граждан, которые впоследствии были задержаны). Согласно УПК РФ, о рассматриваемых правах задержанный узнает только во время составления протокола задержания, а от объяснения до протокола задержания проходит порой до суток. После физического захвата граждане нередко помещаются в служебный кабинет под «присмотр» сотрудника и находятся там длительное время (как правило, всю ночь до утра) или сидят возле дежурной части весь день или в коридоре, ожидая «своей очереди», когда его позовет оперуполномоченный, без какого-либо оформления, чтобы тот «созрел» для дачи признательных показаний. Таким образом, де факто лицо лишено свободы передвижения, следовательно, оно должно считаться задержанным, а де юре оно таковым не считается.

На данную проблему еще в 2010 г. обращал свое внимание Уполномоченный по правам человека в РФ: «Граждане оказываются в такой ситуации, когда процессуально не считаются задержанными, но находятся в здании правоохранительных органов помимо своей воли»³. «На таких лиц, – подчеркивает В.П. Лукин, – распространяется конституционно-правовой статус задержанного»⁴.

Резюмируя вышеизложенное, учитывая международное законодательство и решение Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. №11-П, а также придерживаясь позиции отдельных ученых (Е.С. Березина, С.И. Гирько, С.В. Дадонов, О.С. Гречишникова, К.Б. Калиновский, И.А. Ретюнских, Ю.Б. Чупилкин), автор полагает, что сотрудник, осуществляющий фактическое задержание лица по подозрению в совершении преступления, *незамедлительно на месте задержания* (физического захвата) обязан сообщить ему, за какое преступление он задержан, а также

¹ О правовом нигилизме сотрудников органов внутренних дел в части уголовно-процессуального задержания указывалось и ранее отдельными авторами. Так, Е.Г. Васильева проводила опрос среди сотрудников правоохранительных органов. На вопрос о том, как необходимо вести себя в ситуации задержания преступника, 67 % опрошенных не смогли дать ответа. Из 33 % давших ответ только 9 % ставили во главу угла правовой аспект, 4 % – тактический. Остальная же часть опрошенных использовала для ответа общие, аморфные выражения типа «жестко», «уверенно», «соблюдая личную и общественную безопасность». См.: Васильева Е.Г. Меры уголовно-процессуального принуждения: монография. Уфа: БашГУ, 2003. С. 42.

² См.: Квалификационные требования к стажу службы в ОВД РФ или стажу (опыту) работы по специальности, профессиональным знаниям и навыкам для сотрудников ОВД РФ, замещающих должности рядового состава, младшего, среднего и старшего начальствующего состава ОВД РФ (Приложение 1): приказ МВД России от 18 мая 2012 г. № 521. «О квалификационных требованиях к должностям рядового состава, младшего, среднего и старшего начальствующего состава ОВД РФ» // Российская газета. 2012. 18 июля.

³ Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ за 2010 год // Российская газета. 2011. 13 мая.

⁴ Там же.

доходчиво разъяснить право хранить молчание и право на защитника, в том числе за счет государства (по аналогии с правилами Миранды). После доставления задержанного в правоохранительный орган оперуполномоченный обязан незамедлительно составить отдельный протокол, с подписью задержанного, в котором удостоверить факт разъяснения названных прав, а не тогда, когда дело попадет следователю. Предложенный порядок, по нашему мнению, наиболее полно позволит начать процесс обеспечения конституционного права подозреваемого на участие защитника в момент задержания.

Литература:

1. Базюк М.Л. Охрана прав и свобод человека и гражданина как принцип российского уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2009.
2. Берекашвили Л.Ш. Обеспечение прав человека и законности в деятельности правоохранительных органов: учеб. пособие. М., 1999.
3. Булатов Б.Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: монография. Омск: ОМА МВД России, 2003.
4. Васильева Е.Г. Меры уголовно-процессуального принуждения: монография. Уфа: БашГУ, 2003.
5. Веретенников И.А. Задержание подозреваемого как комплексный правовой институт: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.
6. Газетдинов Н.И. Принципы уголовного судопроизводства и их система: вопросы теории и практики. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2004. С. 48.
7. Гирько С.И., Березина Е.С. Правовой институт задержания подозреваемого: история, современное состояние, перспективы развития: монография. М.: ВНИИ МВД России, 2010.
8. Гречишников О.С. Обеспечение прав обвиняемого и подозреваемого при применении процессуального принуждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2001.
9. Дадонов С.В. Реализация принципа состязательности на досудебных стадиях уголовного процесса России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 95.
10. Денежкин Б.А. Подозреваемый в советском уголовном процессе. Саратов, 1982.
11. Зайцев О.А., Смирнов П.А. Подозреваемый в уголовном процессе. М.: Экзамен, 2005.
12. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ /под ред. А.В. Смирнова. СПб., 2003.
13. Ляхов Ю.А. Приоритеты уголовно-процессуального законотворчества // Государство и право. 2010. № 8.
14. Махов В.Н., Пешков М.А. Судьба правил Миранды в уголовном процессе США // Адвокатская практика. 1999. № 4.
15. Мельников В.Ю. Права личности в уголовном процессе Российской Федерации: монография. М.: Юрлитинформ, 2012.
16. Мизулина Е.Б. Новый порядок ареста и задержания соответствует Конституции РФ и международным правовым стандартам // Российская юстиция. 2002. № 6.
17. Мишина Е. Миранда против штата Аризона // Российская юстиция. 1997. № 2.
18. Петрухин И.Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. М., 1989..
19. Пешков М.А. Правила Миранды – революция в уголовном процессе США //Юрист. 1998. № 2.
20. Пивень А.В. Право подозреваемого на защиту: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 1999.
21. Резников А.Н. Деятельность защитника при применении задержания и заключения под стражу в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003.

22. Ретюнских И.А. Процессуальные проблемы задержания лица по подозрению в совершении преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001.
23. Сергеев А.И. Гарантии неприкосновенности личности, связанные с задержанием и предварительным заключением под стражу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1971.
24. Смирнов П.А. Обеспечение прав и законных интересов лиц, задержанных по подозрению в совершении преступления // Проблемы предварительного следствия и дознания: сб. науч. трудов. М., 2004.
25. Цоколова О.И. Задержание подозреваемого: монография. М.: ВНИИ МВД России, 2004.
26. Цоколова О.И. Меры уголовно-процессуального принуждения, состоящие в изоляции подозреваемого, обвиняемого: монография. М.: ВНИИ МВД России, 2008.
27. Чупилкин Ю.Б. Гарантии прав подозреваемого в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д, 2001.
28. Шадрин В.С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. М.: Юрлитинформ, 2000.

УДК 343.131

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ УЧАСТИЯ ЗАЩИТНИКА В ХОДЕ ПРОИЗВОДСТВА ДОЗНАНИЯ

*Ильдар Гайсович Хисматуллин, преподаватель
Дальневосточного юридического института МВД России
кандидат юридических наук*

В статье рассматриваются проблемные вопросы участия защитника в ходе производства дознания. Обращается внимание на несовершенство уголовно-процессуального законодательства РФ, регламентирующего такое участие, предложены варианты решения указанных проблем.

Ключевые слова: адвокат; дознаватель; дознание; защитник; подозреваемый.

PROBLEM QUESTIONS OF DEFENDER PARTICIPATION IN THE COURSE OF INQUIRY

Hismatullin Ildar Gaysovich, Far Eastern Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, instructor, *Kandidat nauk* degree in Law

The paper deals with problem questions of defender participation in the course of inquiry. The author pays attention to the imperfection of criminal and procedural legislation of the Russian Federation regulating such participation. Some variants of solving the abovementioned problems are offered.

Keywords: lawyer; interrogator; inquirer; defender; suspect.

В настоящее время процессуальный порядок участия защитника в ходе дознания является аналогичным и общим для обеих форм предварительного расследования. Поэтому требования, которые предъявляются к защитнику при производстве предварительного следствия, распространяются и на дознание.

Вместе с тем, как показывает практика, существуют некоторые особенности участия защитника в ходе производства дознания, а также связанные с этим проблемы, возникающие в правоприменительной практике дознавателей.

Кроме того, после существенных изменений уголовно-процессуального законодательства РФ в марте 2013 г.¹, когда была введена новая сокращенная форма дознания наряду с общей, ранее существовавшей, проблем сотрудникам подразделений дознания, полагаем, значительно прибавится.

Так, например, в случае если подозреваемый заявит ходатайство о производстве дознания в сокращенной форме, участие защитника будет обязательным.

Нельзя отрицать, что участие защитника в следственных и иных процессуальных действиях, проводимых в ходе дознания, содействует соблюдению требований норм уголовно-процессуального закона, защите прав и законных интересов подозреваемого (обвиняемого)², препятствует признанию собранных доказательств недопустимыми, а также выступает в последующем гарантией отвода обвинения дознавателя в применении незаконных методов получения показаний от подозреваемого (применение насилия в отношении подозреваемого). Кроме того, участие защитника в следственных действиях повышает его объективность, позволяет более всесторонне оценить вмененные в вину эпизоды, а иногда и в целом прийти к выводу о невиновности лица, привлеченного к уголовной ответственности³. В связи с этим дознаватели, полагаем, должны стремиться обеспечить присутствие адвоката при проведении всех процессуальных действий с участием подозреваемого (обвиняемого).

Квалифицированная юридическая помощь со стороны профессионального адвоката-защитника многократно повышает эффективность осуществления обвиняемым права на защиту. Адвокату предоставлены широкие возможности использования таких средств и способов защиты, которыми не обладает или не может воспользоваться само привлекаемое к уголовной ответственности лицо. Участие в производстве по уголовному делу адвоката-защитника наполняет реальным содержанием принцип состязательности уголовного судопроизводства, способствует повышению законности уголовно-процессуальной деятельности, обеспечивает эффективное восстановление нарушенных прав. Предоставление подозреваемому (обвиняемому) квалифицированной юридической помощи правомерно рассматривать не только как гарантию права на защиту, но и как важнейшую гарантию реализации назначения уголовного судопроизводства⁴.

Конституционное право на получение квалифицированной юридической помощи обеспечивается всем нуждающимся в ней вне зависимости от формального статуса участника уголовного процесса, поэтому участие адвоката, в том числе при производстве дознания, повышает уровень правовой защищенности вовлекаемых в уголовный процесс граждан⁵.

Закон не только провозглашает право подозреваемого (обвиняемого) защищаться, но и требует от дознавателя обеспечения обвиняемому возможности вос-

---

¹ См.: Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23 «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2013. 6 марта.

² См.: Насонова И.А. Участие защитника в допросе // Вестник Воронеж. ин-та МВД России. 2009. № 1. С. 37.

³ См.: Особенности предварительного расследования преступлений, осуществляемого с участием защитника: метод. пособие / А.А. Леви, Н.А. Якубович, Л.В. Батищева и др. М., 1995. С. 4.

⁴ См.: Лазарева В.А., Иванов В.В., Утарбаев А.К. Защита прав личности в уголовном процессе России: учеб. пособие. М.: Юрайт, 2011. С. 153-154.

⁵ См.: Там же. С. 163.

пользоваться своими правами, которые, в частности, должны быть ему четко разъяснены. Таким образом, речь идет не просто о провозглашении права на защиту, но и об обязательном обеспечении его, т.е. создании условий для реального осуществления этого права. Обосновывая право на защиту, нельзя игнорировать и то, что в деятельности органов дознания не исключены ошибки и право на защиту содействует их устранению¹.

Вместе с тем, говоря об эффективности и целесообразности осуществления защиты в ходе производства дознания, нельзя не отметить и негативные моменты, которые встречаются на стадии предварительного расследования в правоприменительной практике. Например, нередко встречаются на практике так называемые «карманные» адвокаты², то есть защитники по назначению дознавателя (следователя), которые только создают видимость защиты и индифферентно участвуют в следственных действиях, при этом, возможно предположить, что даже не во всех процессуальных действиях. Нужна ли такая псевдозащита подозреваемому? Думается, что нет.

Решение указанной проблемы видится нами в увеличении размеров оплаты труда адвоката на предварительном следствии и дознании, а также в повышении ответственности и предъявляемых (моральных) требований к адвокатам. Представляется необходимым внести изменения в ст. 75 УПК РФ, нормы которой требуют от дознавателей обеспечить обязательное участие защитника при допросе подозреваемого, чтобы в последующем его показания, данные им в ходе дознания, не утратили силы доказательств в суде.

Не лишены взаимных противоречий при этом и требования других статей УПК РФ, также нуждающихся в изменениях. Так, из дефиниции ч. 2 ст. 50 УПК РФ следует, что назначение защитника обеспечивается дознавателем по просьбе подозреваемого (не вопреки его желанию), а из ч. 2 ст. 52 УПК вытекает, что отказ от защитника не обязателен для дознавателя.

Вышеуказанные несовершенства уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего деятельность защитника в уголовном процессе, негативно отражаются на дознании как ускоренной форме расследования в сравнении с предварительным следствием.

Взаимоотношения дознавателя и защитника при производстве дознания имеют в основном уголовно-процессуальный характер, вместе с тем возникают и организационные взаимоотношения.

Дознаватели в своей повседневной практике нередко сталкиваются с проблемными ситуациями, когда подозреваемые и их защитники пытаются затягивать сроки расследования (в ходе дознания или на стадии его окончания – при ознакомлении с обвинительным актом и материалами уголовного дела).

Критерий явности затягивания определить непросто, все зависит от конкретной следственной ситуации. Вместе с тем при достаточно убедительной аргументации судебный механизм ограничения срока ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела широко применяется и является

---

¹ См.: Леви А.А., Игнатъева М.В., Капица Е.И. Особенности предварительного расследования преступлений, осуществляемого с участием адвоката. М.: Юрлитинформ, 2003. С. 4, 6.

² Указанное понятие часто встречается как в юридической литературе, так и на практике. «Карманными» называют адвокатов, которые часто участвуют в качестве защитника на предварительном следствии или дознании по назначению одного и того же следователя (дознавателя).

действенным¹. Однако такая практика будет разумной для обычной формы расследования (предварительного следствия и дознания), а для сокращенной и упрощенной формы расследования – не приемлема.

На основании ч. 2 ст. 49 УПК РФ по определению или постановлению суда в качестве защитника могут быть допущены наряду с адвокатом один из близких родственников обвиняемого или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый. При производстве у мирового судьи указанное лицо допускается и вместо адвоката.

По мнению В.Н. Урукова, субсидиарный защитник может быть допущен на стадии предварительного расследования. Для этого необходимо подозреваемому (обвиняемому) обратиться в суд с соответствующим ходатайством (заявлением) в соответствии с ч. 2 ст. 49, ст. 119-122, 125 УПК РФ.

В настоящее время из анализа норм уголовно-процессуального законодательства РФ нельзя сделать однозначный вывод, что в стадии предварительного расследования в качестве защитника могут быть допущены только адвокаты, т.е. УПК РФ формально не запрещает участия в качестве защитника лица, не являющегося адвокатом².

Поскольку дознаватели расследуют уголовные дела по преступлениям небольшой тяжести, которые нередко впоследствии рассматриваются мировым судьей, вопреки сложившейся судебной практике, предлагается законодательно закрепить возможность участия по данной категории дел (подсудных мировому судье) на дознании непрофессионального защитника (один из близких родственников или иное лицо, о допуске которого ходатайствует подозреваемый / обвиняемый)³ по решению (постановлению) суда или дознавателя, при этом участие не только совместно с адвокатом, но и самостоятельно. На уголовные дела, возбужденные по преступлениям средней тяжести, этот порядок распространяться не будет. Безусловно, такая практика потребует допуск к участию в качестве защитника лиц, имеющих высшее юридическое образование.

Вместе с тем зададимся вопросом: если обвиняемый, реализуя свое конституционное право на защиту и оказание юридической помощи, настаивает на участии в качестве защитника конкретного лица, имеющего высшее юридическое образование, почему ему в этом должен отказать суд, следователь или дознаватель? Например, если такое лицо предьявляет заверенную копию соответствующего диплома об образовании, работает или работало по специальности, но не является адвокатом. Полагаем, пусть лучше осуществляет защиту лицо, не являющееся профессиональным защитником, которому доверяет подозреваемый (обвиняемый), нежели это будет делать адвокат, в силу его участия по назначению, фактически такую юридическую помощь не оказывающий, как уже ранее было отмечено, проявляя безразличие к происходящему.

Возможно, такие предложения не бесспорны, но нами представляется один из возможных вариантов решения проблем, возникающих в правоприменительной практике. Одним из аргументов в поддержку нашего предложения является тот факт, что, в отличие от адвоката, близкий родственник или иное лицо может

---

¹ См.: Кузнецова С.М., Пятков И.В. Ознакомление обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела: учеб. пособие. Барнаул: Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2009. С. 20.

² См.: Ларин Е.Г. Допуск лица, не являющегося адвокатом, в качестве защитника в стадии предварительного расследования: законодательство и практика // Законодательство и практика. 2010. № 2. С. 21-24.

³ Лицо, не являющееся адвокатом, но имеющее высшее юридическое образование, а также определенный стаж работы по специальности.

осуществлять защиту подозреваемого (обвиняемого) бесплатно. Несомненно, требования к таким защитникам должны быть предусмотрены в отдельном нормативном правовом акте.

В соответствии с ч. 1 ст. 50 УПК РФ подозреваемый (обвиняемый) вправе пригласить одного или нескольких защитников. Дознаватель может провести следственные действия и без участия защитника (ч. 3, 4 ст. 50 УПК РФ). Отказ от защитника не обязателен для дознавателя (ч. 2 ст. 52 УПК). И вновь возникают вопросы: если подозреваемый /обвиняемый отказывается от услуг адвоката по назначению дознавателя и при этом ходатайствует об участии в качестве защитника иного лица (самостоятельно или совместно с адвокатом), почему дознаватель или суд должны отказать в таком ходатайстве и «принудительно» назначить защитника-адвоката? Почему подозреваемый лишается права на свободный, осознанный выбор защитника и отказ от защитника-адвоката, которого «навязывает» суд или дознаватель? Не является ли это нарушением прав подозреваемого, обвиняемого, гарантированных нормами международного права? Соблюдается ли при этом принцип равенства сторон? Как показывает практика, суды нередко отказывают обвиняемым в ходатайстве об участии иных лиц в качестве защитника даже наряду с адвокатом.

Процессуальной деятельностью, в том числе производством неотложных следственных действий, законодатель наделяет различных субъектов, не имеющих для этого необходимого образования, компетенции и навыков («уполномоченные дознаватели» различных правоохранительных органов, командиры воинских частей, капитаны морских и речных судов, руководители геологоразведочных партий и зимовок, начальники российских антарктических станций или сезонных полевых баз и др.). Получается парадоксальная ситуация – производить неотложные следственные и иные процессуальные действия «уполномоченные дознаватели» и другие субъекты могут, а быть защитниками иные лица, кроме адвокатов, - нет.

Согласно п. «с» ч. 3 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.¹ и п. «d» ч. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 г.², каждый обвиняемый в совершении преступления имеет право защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника.

Можно предположить, что близкие родственники не могут самостоятельно участвовать в качестве защитников (без адвокатов), однако это не может, полагаем, распространяться на профессиональных юристов.

По мнению В.М. Быкова, уголовно-процессуальный закон дал защитнику право выбора – представить собранные им сведения, документы и предметы дознавателю или в суд. В последнем случае нарушается соблюдение принципа равноправия участников уголовного процесса, так как защитник собранные им документы и иные материалы дознавателю не представляет, а последний должен ознакомить защитника и обвиняемого со всеми материалами уголовного дела и обвинительным актом. Соответственно, дознаватель лишается возможности своевременно, до суда, исследовать, проверить и оценить доказательственную ценность предоставляемых защитником в суд материалов³.

¹ URL: <http://www.femida.ru/bulletin/konvencia/>.

² Пакт ратифицирован Указом Президиума Верховного Совета СССР 18 сентября 1973 г. № 4812-VIII // URL: <http://base.consultant.ru>.

³ См.: Быков В.М. Проблемы участия защитника в собирании доказательств // Российская юстиция. 2007. № 9. С. 64.

В связи с этим следует поддержать предложение профессора В.М. Быкова о закреплении в УПК РФ положения о том, что все собранные сведения, документы и предметы во время предварительного расследования защитник должен представить дознавателю до окончания расследования уголовного дела¹, чтобы последний мог проверить и оценить эти предметы и документы в порядке ст. 87, 88 УПК РФ, и если они будут признаны доказательством, составить с их учетом обвинительный акт, в том числе указать эти доказательства в перечне, на который ссылается сторона защиты.

Необходимо отметить, что в ч. 2 ст. 53 УПК РФ законодатель наделяет защитника некоторыми полномочиями. Так, например, защитник, участвующий в производстве следственного действия, в рамках оказания юридической помощи своему подзащитному вправе давать ему в присутствии следователя краткие консультации, задавать с разрешения следователя вопросы допрашиваемым лицам, давать письменные замечания по поводу правильности и полноты записей в протоколе данного следственного действия. Следователь может отвести вопросы защитника, но обязан занести отведенные вопросы в протокол.

Таким образом, по смыслу вышеуказанной нормы закона, можно прийти к выводу, что они затрагивают полномочия защитника и следователя. Перечисленные в ч. 2 ст. 53 УПК полномочия следователя на дознавателя не распространяются. Соответственно, в целях устранения несовершенства уголовно-процессуального законодательства РФ предлагается дополнить положения ч. 2 ст. 53 УПК РФ, указав в них наряду со следователем дознавателя и изложив в следующей редакции:

«2. Защитник, участвующий в производстве следственного действия в рамках оказания юридической помощи своему подзащитному, вправе давать ему в присутствии следователя или дознавателя краткие консультации, задавать с разрешения следователя (дознавателя) вопросы допрашиваемым лицам, давать письменные замечания по поводу правильности и полноты записей в протоколе данного следственного действия. Следователь, дознаватель может отвести вопросы защитника, но обязан занести отведенные вопросы в протокол».

На основании вышеизложенного следует отметить, что практика участия защитника в ходе производства дознания нуждается в совершенствовании, а проблемы, возникающие в правоприменительной практике дознавателей, могут быть разрешены путем внесения некоторых изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство РФ, регламентирующее вышеуказанный порядок участия защитника.

Литература:

1. Быков В.М. Проблемы участия защитника в собирании доказательств // Российская юстиция. 2007. № 9.
2. Кузнецова С.М., Пятков И.В. Ознакомление обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела: учеб. пособие. Барнаул: Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2009.
3. Лазарева В.А., Иванов В.В., Утарбаев А.К. Защита прав личности в уголовном процессе России: учеб. пособие. М.: Юрайт, 2011.
4. Леви А.А., Игнатъева М.В., Капица Е.И. Особенности предварительного расследования преступлений, осуществляемого с участием адвоката. М.: Юрлитинформ, 2003.
5. Ларин Е.Г. Допуск лица, не являющегося адвокатом, в качестве защитника в стадии предварительного расследования: законодательство и практика // Законодательство и практика. 2010. № 2.

---

¹ См.: Там же.

6. Насонова И.А. Участие защитника в допросе // Вестник Воронеж. ин-та МВД России. 2009. № 1.

7. Особенности предварительного расследования преступлений, осуществляемого с участием защитника: метод. пособие /А.А. Леви, Н.А. Якубович, Л.В. Батищева и др. М., 1995.

8. Уруков В.Н. Вопросы допуска субсидиарного защитника // Российская юстиция. 2007. № 10. С. 60.

УДК 343.1

**ОБ ОЗНАКОМЛЕНИИ ОБВИНЯЕМОГО
С МАТЕРИАЛАМИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА
ПО ОКОНЧАНИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ**

*Николай Николаевич Загвоздкин, начальник кафедры
Владивостокского филиала
Дальневосточного юридического института МВД России
кандидат юридических наук*

В статье автор анализирует теоретические, законодательные и практические аспекты процедуры ознакомления обвиняемого и его защитника со всеми материалами уголовного дела по окончании предварительного следствия.

Ключевые слова: окончание предварительного следствия; ознакомление с материалами уголовного дела; время ознакомления; персональные данные.

**ON DEFENDANT ACQUAINTANCE WITH CRIMINAL CASEWORK
FOLLOWING PRETRIAL INVESTIGATION**

Zagvozdkin Nikolay Nikolayevich, Far Eastern Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Vladivostok Branch, chair head,
Kandidat nauk degree in Law

The paper deals with theoretical, legislative and practical aspects of procedural acquaintance of a defendant and his defender with all the criminal casework following pretrial investigation.

Keywords: following pretrial investigation; acquaintance with criminal casework; acquaintance time; personal data.

Осуществляемая в России судебно-правовая реформа вновь демонстрирует очевидное несоответствие современного уголовно-процессуального законодательства криминальной обстановке, научным рекомендациям, затянувшимся ожиданиям тех, кого мы называем борцами с преступностью.

Отставание в разрешении многочисленных проблем применения норм Уголовно-процессуального кодекса РФ особенно заметно на фоне законотворчества государств не только дальнего, но и ближнего зарубежья. В Украине с прошлого года действует новый УПК, в Казахстане подготовлен законопроект. Судя по сообщениям СМИ, украинские и казахстанские законодатели окончательно отrekliлись от российских (в недавнем прошлом советских) процессуальных догм¹. Справедливости ради надо отметить, что Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ² внесены некоторые новации в досудебное производство: исключение понятых из большинства следственных действий, расширение возможностей доследственной проверки, дознание в сокращенной форме.

Одно из самых спорных прав обвиняемого и его защитника – право на полное ознакомление по окончании предварительного расследования со всеми материалами уголовного дела (ст. 217 УПК РФ).

Полагаем уместным краткий исторический экскурс. В главе 10 «О заключении следствия» Устава уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС) сказано, что по окончании предварительного следствия судебный следователь, предъявив обвиняемому, если он о том просить будет, следственное производство, спрашивает его: не желает ли он представить еще что-либо в свое оправдание. Если обвиняемый укажет на какие-либо новые обстоятельства, то следователь обязан проверить те из них, которые могут иметь влияние на решение дела. Затем следователь объявляет всем участвующим в деле лицам, что следствие «заклучено», и отсылает все производство к прокурору или его товарищу (ст. 476-478)³.

Отметим, что приведенные нормы УУС, регламентировавшие окончание предварительного следствия, значительно отличаются от действующих простотой, краткостью и отсутствием жестких формальных требований.

УПК РСФСР 1923 г. сохранил обсуждаемую процедуру, однако сама по себе – в отрыве от политических реалий, содержания, формы и других институтов советского уголовно-процессуального законодательства периода 20-50-х гг. – она не стала и не могла стать гарантией от незаконного и необоснованного уголовного преследования. По воспоминаниям А.И. Солженицына, в мае 1945 г. следователь вызвал его на «двести шестую» – процедуру просмотра дела самим следственным, во время которой будущий писатель впервые с удивлением узнал о праве обвиняемого заявлять ходатайства⁴. Это не спасло его, как и многих современников, от незаконных, в том числе внесудебных, репрессий.

Из опасений возможности их повторения разрабатывался и принимался УПК РСФСР 1960 г., в котором были предприняты определенные меры по преодолению декларативного характера прав обвиняемого, и, в частности, появилась статья 201.

Напомним, что до начала 90-х гг. прошлого века защитник мог вступить в дело лишь по окончании расследования. Однако задолго до разработки и введения в действие нового УПК РФ статус обвиняемого, включая его право на защиту и защитника, кардинально изменился в лучшую сторону.

¹ URL: <http://www.zakon.kz>

² Российская газета. 2013. 6 марта.

³ URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/>

⁴ См.: Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ: полное издание в одном томе / под ред. Н.Д. Солженицыной. М., 2010. С. 99.

Расширение правовых возможностей, а также включение срока ознакомления с делом в срок предварительного расследования многие обвиняемые и их защитники незамедлительно использовали в целях противодействия уголовному судопроизводству, умышленного затягивания сроков предварительного расследования и судебного разбирательства.

Красноречивым примером является уголовное дело о «финансовой пирамиде» «Чара-банк», где более шестидесяти тысяч потерпевших, а объем собранных материалов составляет 1600 томов. По подсчетам специалистов, обвиняемым для ознакомления с делом требуется 15 лет¹.

Широкую известность получило надзорное Постановление Президиума Верховного Суда РФ о признании правомерным невручения подсудимым списка лиц, подлежащих вызову в суд². Высшая судебная инстанция поддержала действия следователей и прокуроров, которые таким образом по конкретному уголовному делу о бандитизме ограничили доступ обвиняемых и их защитников к сведениям о потерпевших и свидетелях в целях обеспечения безопасности последних.

В конце 90-х гг. прошлого века, когда уголовное судопроизводство в России не только юридически, но фактически стало состязательным, озвучены первые предложения лишить обвиняемого права знакомиться со всеми материалами дела³.

Объем прав, предоставленных обвиняемому и его защитнику действующим УПК РФ, учеными и практиками оценивается не только как вполне достаточный, но даже избыточный. В части 4 ст. 47 УПК РФ открытый (т.е. неполный) перечень прав изложен в двадцати одном пункте, включая право знакомиться по окончании предварительного расследования со всеми материалами уголовного дела и выписывать из уголовного дела любые сведения в любом объеме (п. 12). Аналогичным полномочием наделен защитник (п. 7 ч. 1 ст. 53 УПК РФ). Конкретизируя эти права в ст. 217 УПК РФ, законодатель разрешил знакомиться с вещественными доказательствами, приложениями к протоколам следственных действий (фотографии, аудио- и видеозаписи и др.), снимать копии с документов (в том числе с помощью технических средств), а также запретил ограничивать время ознакомления, кроме случаев его явного затягивания (ч. 1-3). Профессор А.В. Гриненко полагает, что такое ознакомление обеспечивает активное участие обвиняемого и его защитника в исследовании и оценке доказательств, положенных в основу обвинительного заключения или обвинительного акта⁴. С этим мнением можно было бы согласиться, если игнорировать принципы уголовного судопроизводства – состязательности и равноправия сторон (ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, ст. 15 УПК РФ), разумного срока уголовного судопроизводства (ст. 6¹ УПК РФ), охраны прав и свобод человека и гражданина (ст. 11 УПК РФ), которым обсуждаемое право противоречит и в теории, и на практике.

Нарушение принципа состязательности и равноправия сторон усматривается нами в том, что потерпевший в многоэпизодном деле вправе знакомиться лишь с

¹ См.: Черкашина Е. Жертвы преступлений нуждаются в защите // Рос. юстиция. 1999. № 3. С. 30.

² Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 2. С. 9-11.

Забегая вперед, отметим, что вручение обвиняемому такого списка (с персональными данными потерпевших, свидетелей) является обязательным по действующему УПК РФ (ч. 2 ст. 222).

³ См., напр.: Чуглазов Г. Срок между окончанием следствия и направлением дела в суд // Законность. 1999. № 5. С. 30-32; Винницкий Л. Уравнивать права сторон в уголовном процессе // Рос. юстиция. 1999. № 6. С. 43-44; Туйков В., Ковалев Л. Развитие прокуратуры: взгляд из региона // Законность. 2000. № 4. С. 19-20.

⁴ См.: Гриненко А.В. Окончание предварительного расследования // Уголовное судопроизводство. 2010. № 4. С. 21.

теми материалами, которые касаются причиненного ему вреда (п. 12 ч.2 ст. 42 УПК РФ). Гражданский истец и гражданский ответчик знакомятся лишь с материалами, относящимися к гражданскому иску (п. 12 ч. 4 ст. 44; п. 9 ч. 2 ст. 54 УПК РФ). При этом все они, в отличие от обвиняемого, могут быть ограничены во времени ознакомления.

Защитник, зная о том, что все обвинительные доказательства гарантированно будут ему предоставлены следователем «на блюдечке с голубой каемочкой» (в подшитом и пронумерованном виде), слабо мотивирован на самостоятельное собирание доказательств (ч. 3 ст. 86 УПК РФ). Сторона защиты не обязана информировать сторону обвинения о доказательствах защиты. Более того, эффективная (и эффектная) тактика защиты основана на том, чтобы утаить эти доказательства от следователя и обнародовать их в суде.

Мы не против расширения прав защитника на собирание информации, например, путем обращения к частному детективу. Дело в том, что такая сыскная услуга, как сбор сведений по уголовным делам на договорной основе с участниками процесса (п. 7 ч. 2 ст. 3 Закона РФ «О частной детективной и охранной деятельности в РФ»), до сих пор не нашла отражения в УПК РФ.

Российские ученые-процессуалисты обращают внимание на то, что во многих странах континентальной (Германия, Бельгия, Дания) и англосаксонской (Великобритания, США, Австралия) правовых систем у обвиняемого и его защитника отсутствует право на ознакомление с материалами расследования либо оно ограничено определенными рамками¹.

Одна из основополагающих норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод² (далее по тексту – Европейская конвенция), ратифицированной Россией, – право обвиняемого иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты (пп. «b» п. 3 ст. 6). Аналогичная норма закреплена в ч. 3 ст. 47 УПК РФ.

Профессор Л.В. Брусницын, анализируя названную норму Европейской конвенции и связанные с ней прецеденты Европейского Суда по правам человека, приводит следующую правовую позицию: «При определенных обстоятельствах из статьи 6 (3) b) можно вывести право на разумный доступ к документации обвинения... Хотя обвинение может предоставлять защитнику в разумных пределах доступ к своим документам, оно не обязано уведомлять его обо всех доказательствах, которые оно намерено предоставить суду. ...Государство может налагать разумные ограничения на доступ к документам обвинения»³.

Мы не посягаем на право обвиняемого допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него (пп. «d» п. 3 ст. 6 Европейской конвенции). Соответствующие права подсудимого и его защитника в полном объеме реализованы в процедуре судебного следствия (гл. 37 УПК РФ).

Таким образом, по нашему мнению, исключение п. 12 из ч. 4 ст. 47 УПК РФ (жесткий вариант) либо разумные ограничения прав, конкретизированных в

¹ См.: Уголовный процесс: учебник / под ред. К.Ф. Гуценко. М., 1999. С. 271; Гуценко К.Ф., Головкин Л.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств. М., 2001.

² Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

³ Цит. по: Брусницын Л.В. Право обвиняемого на ознакомление с уголовным делом // Законность. 2011. № 1. С. 28.

ст. 217 (мягкий вариант)¹, не будут означать нарушения Россией прав обвиняемого, провозглашенных ст. 6 Европейской конвенции.

Рассматриваемая проблема, помимо статуса обвиняемого и принципа состязательности, имеет и другие значимые аспекты. Уклонение обвиняемых и их защитников от ознакомления с уголовным делом, умышленное затягивание этой процедуры и другие формы противодействия расследованию приобрели настолько масштабный и распространенный характер², что ученые и практики вынуждены готовить соответствующие методические рекомендации для следователей³.

С.А. Губин отмечает, что возникла конкуренция двух институтов «защиты» – института защиты прав обвиняемого и института защиты потерпевших и свидетелей обвинения. С одной стороны, предоставление материалов уголовного дела обвиняемому до начала судебного разбирательства обеспечивает его право на защиту. С другой стороны, предоставление всех материалов предварительного следствия руководителям и активным членам организованных преступных формирований подвергает реальной угрозе жизнь и здоровье свидетелей и потерпевших. Исполнение требований ст. 217 УПК РФ влечет за собой изменение в суде показаний обвиняемых и свидетелей стороны защиты, что в последующем приводит к нарушению принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве и значительно осложняет работу прокурора при поддержании государственного обвинения. Для преодоления этих проблем С.А. Губин предлагает делегировать вопрос об ограничении обвиняемого и его защитника в праве на ознакомление с материалами уголовного дела суду, который при наличии определенных оснований может вынести решение об их ограничении в ознакомлении с материалами предварительного следствия⁴.

В порядке комментария отметим, что практика подкупа, запугивания и физического воздействия на потерпевших и свидетелей в целях изменения показаний распространена повсеместно и характерна не только для организованной преступности.

Профессиональные защитники прекрасно осведомлены о том, что теоретически бесконечные сроки предварительного следствия (ч. 5 ст. 162 УПК РФ) фактически ограничены предельными сроками содержания под стражей в период предварительного следствия (ч. 8 ст. 109 УПК РФ). Явное затягивание времени ознакомления с делом с целью выхода на свободу – давно известный адвокатский прием. Бывший глава МВД Бурятии, обвиняемый в организации контрабанды, был освобожден из-под стражи во время ознакомления с делом в связи с истечением предельного (24 месяца) срока содержания под стражей. Объем уголовного дела составил 1412 томов, из которых 297 – обвинительное заключение⁵.

¹ См. подроб.: Сопин В. Статья 217 УПК и состязательность в уголовном процессе // Законность. 2004. № 6. С. 40-41.

² См., напр.: Юрьева Н. Усидчивые читатели // Российская газета. 2007. 27 июня; Козлова Н. Авария без срока // Российская газета. 2012. 21 ноября.

³ См., напр.: Гармаев Ю.П. Преодоление противодействия уголовному преследованию: ограничение времени ознакомления с материалами уголовного дела: метод. рекомендации. Иркутск - Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2005; он же. Противодействие затягиванию процесса ознакомления с материалами уголовного дела при выполнении требований ст. 217-218 УПК РФ // Информ. бюл. СК при МВД России. 2006. № 2(128). С. 115-125.

⁴ См.: Губин С.А. Проблемы прокурорского надзора на этапе окончания предварительного расследования преступлений, совершенных организованными преступными формированиями: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 8.

⁵ См.: Павловская Т. Генеральский выход // Российская газета. 2011. 12 октября.

Другой беспроблемный прием, изобретенный и освоенный стороной защиты, влекущий безграничное затягивание ознакомления с многотомным делом, – отказ обвиняемого от защитника по окончании процедуры. Вновь избранный защитник приступает к ознакомлению «с чистого листа».

Не нуждается в особых комментариях актуальность соблюдения принципа разумного срока уголовного судопроизводства (ст. 6¹ УПК РФ), закрепленного законодателем под влиянием п. 1 ст. 6 Европейской конвенции (право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок), а также практики рассмотрения Европейским Судом жалоб российских граждан на следственную и судебную волокиту¹. Отсутствие ограничений в объеме и времени ознакомления обвиняемого с материалами дела (ч. 1-3 ст. 217 УПК РФ), даже с учетом возможности борьбы с явным затягиванием, порождает противоречие с указанным принципом.

Особого внимания заслуживает проблема неэффективного использования дорогостоящего труда следователей, которые фактически исключены из процесса расследования других преступлений и задействованы в качестве сторожей, следящих за тем, чтобы обвиняемые и защитники не выкрали, не уничтожили документы и вещественные доказательства. Активная деятельность преступников, направленная на хищение и уничтожение уголовных дел, подвигла законодателя к появлению ст. 158¹ УПК РФ, регламентирующей их восстановление. При этом уголовная ответственность за такие деяния наступает крайне редко, а наказание смехотворно².

Взаимосвязанная с этим проблема состоит в том, что устаревшие процессуальные процедуры «гармонически» сочетаются с бумажным документооборотом, порождающим многотомные уголовные дела. При этом большинство подшитых документов (заявления, объяснения, уведомления, запросы и ответы на них, справки, расписки и т.п.) никогда не исследуются в суде, так как не имеют доказательственного значения. Критики действующего УПК РФ справедливо обращают внимание на то, что кодекс содержит бюрократические условности, влекущие за собой неоправданные затраты времени, длительные сроки предварительного расследования и содержания под стражей, снижающие эффективность уголовного судопроизводства³.

В других государствах введен либо вводится электронный документооборот, в том числе в сфере уголовного судопроизводства (так называемое электронное досье). Его преимущества очевидны, но практическая реализация в России потребует коренного пересмотра нормативной базы и технического переоснащения правоохранительных органов. Министерством юстиции разработан лишь соответствующий законопроект⁴.

Процессуалисты пока не обратили должного внимания на Федеральный закон «О персональных данных»⁵, в ч. 1 ст. 3 которого закреплены следующие основные понятия: 1) персональные данные – любая информация, относящаяся

¹ См. подроб.: О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок: Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ // Российская газета. 2010. 4 мая.

² См.: Василевский А., Баранов С. Уголовная ответственность и утрата уголовных дел // Законность. 2002. № 5. С. 30-31.

³ См., напр.: Громов Н.А., Анашкин О.А. Взаимосвязь принципов процессуальной экономии и формализма с процессуальными сроками // Следователь. 2003. № 2. С. 21; Бажанов С. Сверхнормативная формализация следственного производства // Законность. 2004. № 11. С. 53.

⁴ См.: Куликов В. Цифра закона // Российская газета. 2012. 26 июня.

⁵ Российская газета. 2006. 29 июля.

прямо или косвенно к определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных); 2) оператор – государственный орган, муниципальный орган, юридическое или физическое лицо, самостоятельно или совместно с другими лицами организующие и (или) осуществляющие обработку персональных данных, а также определяющие цели обработки персональных данных, состав персональных данных, подлежащих обработке, действия (операции), совершаемые с персональными данными; 3) обработка персональных данных – любое действие (операция) или совокупность действий (операций), совершаемых с использованием средств автоматизации или без использования таких средств с персональными данными, включая сбор, запись, систематизацию, накопление, хранение, уточнение (обновление, изменение), извлечение, использование, передачу (распространение, предоставление, доступ), обезличивание, блокирование, удаление, уничтожение персональных данных.

Если называть вещи своими именами, то любой следователь – это оператор, обрабатывающий персональные данные (фамилия, имя, отчество и т.д.) участников уголовного судопроизводства (подозреваемых, обвиняемых, свидетелей, потерпевших и др.)¹. Один из базовых принципов названного закона – конфиденциальность, означающая, что операторы обязаны не раскрывать третьим лицам и не распространять персональные данные без согласия субъекта персональных данных, если иное не предусмотрено федеральным законом (ст. 7). Даже в общедоступные источники (справочники, адресные книги) персональные данные могут включаться только с письменного согласия субъекта (ч. 1 ст. 8).

В пункте 3 ч. 4 ст. 2 Федерального закона «О персональных данных» есть оговорка, что закон не распространяется на отношения, связанные с обеспечением доступа к персональным данным, обработка которых осуществляется судами, Судебным департаментом, органами Судебного департамента, органами судейского сообщества. В части 3 ст. 15 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в РФ»² прямо предусмотрено, что «при размещении в сети "Интернет" текстов судебных актов, вынесенных судами общей юрисдикции, ... в целях обеспечения безопасности участников судебного процесса из указанных актов исключаются персональные данные, кроме фамилий и инициалов ...гражданского истца, гражданского ответчика, осужденного, оправданного, ...секретаря судебного заседания, рассматривавших (рассматривавшего) дело судей (судьи), а также прокурора, адвоката и представителя, если они участвовали в судебном разбирательстве. Вместо исключенных персональных данных используются инициалы, псевдонимы или другие обозначения, не позволяющие идентифицировать участников судебного процесса».

Таким образом, персональные данные потерпевших и свидетелей в целях обеспечения их безопасности должны быть исключены из приговоров, размещаемых на сайтах судов.

Любой протокол следственного действия содержит персональные данные – фамилию, имя, отчество, в необходимых случаях адрес и другие данные о личности каждого участника (п. 3 ч. 3 ст. 166 УПК РФ). Особенно много персональных данных содержится в анкетной части протокола допроса (ч. 2 ст. 174 УПК РФ).

В части 9 ст. 166 УПК РФ при необходимости обеспечить безопасность участника предусмотрена возможность не приводить в протоколе данные о его лично-

---

¹ См. подроб.: Автоматизированная система органов предварительного следствия как информационная система обработки персональных данных // Информ. бюл. СК при МВД России. 2009. № 4 (142). С. 132-138.

² Российская газета. 2008. 26 декабря.

сти, присваивать ему псевдоним. Однако говорить о широкой распространенности таких мер безопасности в следственной практике не приходится.

По нашему мнению, многие статьи УПК РФ (в том числе ст. 217) и нормы Федерального закона «О персональных данных» противоречат друг другу. Большинство потерпевших и свидетелей не знают о том, что их персональные данные по окончании расследования станут известны обвиняемому и его защитнику. Последние, имея копии всех документов или выписки из них, вправе распоряжаться персональными данными других участников по своему усмотрению, без каких-либо ограничений.

Пока участники изучают уголовное дело, следователь готовит обвинительное заключение. Этот итоговый процессуальный документ, к сожалению, также не претерпел существенных изменений со времен ранее действовавшего УПК РСФСР, хотя в состязательном процессе полностью утратил свое прежнее значение¹. В переоценке нуждаются взаимосвязанные с ним институты привлечения лица в качестве обвиняемого и дополнительного расследования², эта тема выходит за рамки данной статьи.

Позднее обвиняемому вручается копия обвинительного заключения с «любезным» изложением всех обвинительных доказательств (п. 5 ч. 1 ст. 220 УПК РФ), с данными о потерпевшем и гражданском истце (пп. 8 и 9 ч. 1 ст. 220 УПК РФ), с указанием места жительства и (или) места нахождения всех потерпевших и свидетелей (ч. 4 ст. 220 УПК РФ).

Таким образом, отечественным законодателем созданы не просто недостаточные, но даже избыточные с точки зрения состязательности и обеспечения безопасности потерпевших и свидетелей, беспрецедентные с точки зрения законодательства других государств возможности для подготовки к защите в предстоящем судебном разбирательстве.

В ноябре 2011 г. с инициативой отмены ст. 217 УПК РФ выступил Следственный департамент МВД России, мотивируя это так: «Со всеми материалами обвиняемые и их адвокаты знакомятся в ходе следствия. Полагаем неправильным, когда защита накануне судебного заседания обладает полной информацией о том, чем располагает следствие. Мы должны встречаться в судах и выкладывать на стол доказательства на усмотрение суда»³.

Дополнительным аргументом в пользу отказа от ст. 217 УПК РФ, на наш взгляд, является введение с 1 января 2013 г. апелляционного производства как единственной формы пересмотра приговоров, не вступивших в законную силу (гл. 45¹ УПК РФ). Подсудимый получил право на два полноценных судебных разбирательства (в первой и апелляционной инстанциях), в ходе которых в состязательном процессе он узнает обо всех без исключения обвинительных доказательствах.

Из содержания статьи может сложиться впечатление, что автор является апологетом уголовного преследования и непримиримым врагом стороны защиты в лице обвиняемых и адвокатского сообщества. Это поверхностное впечатление.

---

¹ См. подроб.: Загвоздкин Н.Н. К вопросу о содержании обвинительного заключения // Проблемы обеспечения законности и правопорядка в Дальневосточном регионе: сб. науч. трудов по мат. междунар. науч.-практ. конф. Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2004. С. 221-224; Барабанов П.К. Передача уголовного дела с судебной стадии на досудебную // Уголовный процесс. 2006. № 3 (15). С. 42-50.

² См., напр.: Бурмагин С. Возвращение уголовных дел прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ (комментарий судебной практики) // Российская юстиция. 2005. № 1-2. С. 59-73.

³ URL: <http://www.rbcdaily.ru/politics/562949982137508>

С морально-этической точки зрения сложно оценивать поведение обвиняемого, беспрецедентный статус которого (по инициативе гуманного отечественного законодателя) позволяет не только хранить молчание, но и давать заведомо ложные показания, менять их на каждом допросе в стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства, оговаривать не только себя, но и других участников (п. 3 и 6 ч. 4 ст. 47 УПК РФ), ничем при этом не рискуя.

Не подлежит сомнению, что большинство адвокатов честно выполняют свой долг и соблюдают профессиональные этические нормы. Но есть и адвокаты-нарушители, не склонные выполнять свои обязанности честно, разумно и добросовестно. Следователи далеко не всегда ведут себя безупречно, о чем свидетельствует статистика привлечения их к дисциплинарной и уголовной ответственности. Не следует забывать, что формирование следственного и адвокатского корпусов, отвечающих самым высоким профессиональным, моральным и деловым требованиям, до сих пор в силу различных причин находится на начальном этапе.

Подводя итоги, изложим их по пунктам.

1. Статья 217 УПК РФ, слепо скопированная из советского законодательства, противоречит состязательному уголовному процессу, так как в других государствах обвиняемый узнает обо всех доказательствах в суде, а сторона защиты не знает сторону обвинения со своими доказательствами.

2. Знание всей совокупности доказательств, а также персональных данных фигурантов уголовного дела ставит сторону защиты в преимущественное положение, создает благоприятные возможности для выдвижения новых версий защиты, незаконного воздействия на потерпевших и свидетелей, других форм противодействия уголовному преследованию.

3. Процедура ознакомления создает объективные предпосылки для умышленного затягивания сроков предварительного расследования (при отсутствии эффективных мер борьбы с досудебной волокитой), уничтожения документов и вещественных доказательств. Актуализируется необходимость перехода к электронному документообороту.

4. Ознакомление обвиняемого с данными о личности других участников уголовного дела противоречит Федеральному закону «О персональных данных», хотя данный аспект требует дополнительных исследований.

5. Следователи, обеспечивающие ознакомление с делом, исключены из процесса расследования других преступлений.

6. Предлагаемые изменения ст. 217 УПК РФ не противоречат нормам ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также прецедентной практике Европейского Суда по правам человека.

7. Пересмотр подходов к обсуждаемой процедуре неизбежно повлечет за собой необходимость реформирования таких устаревших советских процессуальных институтов, как привлечение лица в качестве обвиняемого, обвинительное заключение, дополнительное расследование.

Литература:

1. Автоматизированная система органов предварительного следствия как информационная система обработки персональных данных // Информ. бюл. СК при МВД России. 2009. № 4 (142).

2. Бажанов С. Сверхнормативная формализация следственного производства // Законность. 2004. № 11.

3. Барабанов П.К. Передача уголовного дела с судебной стадии на досудебную // Уголовный процесс. 2006. № 3 (15).

4. Брусницын Л.В. Право обвиняемого на ознакомление с уголовным делом // Законность. 2011. № 1.

5. Бурмагин С. Возвращение уголовных дел прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ (комментарий судебной практики) // Российская юстиция. 2005. № 1-2.
6. Василевский А., Баранов С. Уголовная ответственность и утрата уголовных дел // Законность. 2002. № 5.
7. Винницкий Л. Уравнять права сторон в уголовном процессе // Российская юстиция. 1999. № 6.
8. Гармаев Ю.П. Преодоление противодействия уголовному преследованию: ограничение времени ознакомления с материалами уголовного дела: метод. рекомендации. Иркутск - Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2005.
9. Гармаев Ю.П. Противодействие затягиванию процесса ознакомления с материалами уголовного дела при выполнении требований ст. 217-218 УПК РФ // Информ. бюл. СК при МВД России. 2006. № 2 (128).
10. Гриненко А.В. Окончание предварительного расследования // Уголовное судопроизводство. 2010. № 4.
11. Громов Н.А., Анашкин О.А. Взаимосвязь принципов процессуальной экономии и формализма с процессуальными сроками // Следователь. 2003. № 2.
12. Губин С.А. Проблемы прокурорского надзора на этапе окончания предварительного расследования преступлений, совершенных организованными преступными формированиями: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
13. Загвоздкин Н.Н. К вопросу о содержании обвинительного заключения // Проблемы обеспечения законности и правопорядка в Дальневосточном регионе: сб. науч. трудов по мат. междунаро. науч.-практ. конф. Хабаровск: Дальневост. юрид. ин-т МВД России, 2004.
14. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ: полное издание в одном томе / под ред. Н.Д. Солженицыной. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2010.
15. Сопин В. Статья 217 УПК и состязательность в уголовном процессе // Законность. 2004. № 6.
16. Туйков В., Ковалев Л. Развитие прокуратуры: взгляд из региона // Законность. 2000. № 4.
17. Чуглазов Г. Срок между окончанием следствия и направлением дела в суд // Законность. 1999. № 5.

УДК 343.132; 343.122

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ В ОТНОШЕНИИ ЖЕРТВ ПРЕСТУПНОГО НАСИЛИЯ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ

*Александра Викторовна Неустроева, доцент кафедры
кандидат юридических наук;
Михаил Сергеевич Баранов, преподаватель
(Владивостокский филиал
Дальневосточного юридического института МВД России)*

Статья посвящена проблемам выявления признаков воздействия на участников уголовного судопроизводства в целях противодействия расследованию и применения к ним мер безопасности, предусмотренных федеральным законодательством.

Ключевые слова: противодействие расследованию; насилие; потерпевший; свидетель; жертва; государственная защита.

USAGE OF SECURITY MEASURES CONCERNING CRIMINAL VIOLENCE VICTIMS AS ONE OF DIRECTIONS ON OVERCOMING

COUNTERACTION TO INVESTIGATION

Neustroyeva Aleksandra Viktorovna, chair associate professor,
Kandidat nauk degree in Law;

Baranov Mikhail Sergeevich, instructor
(Far Eastern Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation,
Vladivostok Branch)

The paper deals with counteraction to investigation, revealing influence signs on participants of criminal trial as well as with application to them security measures provided by the federal legislation for the purpose of overcoming counteraction.

Keywords: counteraction to investigation; violence; victim; witness; sacrifice; state protection.

По данным МВД России, ежегодно регистрируется свыше двадцати миллионов заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях, однако только по каждому четырнадцатому принимается решение о возбуждении уголовного дела¹.

По мнению ученых, «...нет объективных причин, в силу которых оказалось бы невозможным раскрыть преступление и установить по нему истину»². Однако судебно-следственная практика свидетельствует, что не все преступления раскрываются. Привлечение виновных к уголовной ответственности - это трудоемкий и продолжительный процесс, на который влияет множество факторов - от материально-технической обеспеченности до профессионального уровня и опыта раскрытия и расследования преступлений.

Так, по данным МВД России, в 2010 г. было возбуждено 2183,2 тыс. уголовных дел, раскрыто 1431 тыс. преступлений, выявлено 1111,1 тыс. лиц, их совершивших³; в 2011 г. возбуждено 1982,4 тыс. уголовных дел, раскрыто 1311,8 тыс. преступлений, выявлено 1041,3 тыс. лиц, их совершивших⁴; в 2012 г. возбуждено 1861,4 тыс. уголовных дел, раскрыто 1252,8 тыс. преступлений, выявлено 1010,9 тыс. лиц, их совершивших⁵.

Как видно из приведенных статистических данных, ежегодно правоохранительные органы не раскрывают в среднем треть преступлений, что создает предпосылки совершения лицами новых преступлений.

Одной из причин такого положения вещей правоприменительная практика последних лет называет незаконное воздействие на участников уголовного судопроизводства, которое происходит на всех его стадиях. Жертвами такого воздействия, как правило, становятся судьи, следователи, прокуроры, свидетели, потерпевшие, обвиняемые, адвокаты и другие участники уголовного процесса. В МВД России отмечают, что в 2006-2008 гг. по программе защиты свидетелей прошли

¹ Состояние преступности. Январь-декабрь 2012 г. URL: <http://mvd.ru/presscenter/statistics/reports/item/804701/> (дата обращения 20.03.2013).

² Якубович Н.А. Предварительное расследование. Методологические, уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1977.

³ Состояние преступности. Январь-декабрь 2010 г. URL: <http://mvd.ru/presscenter/statistics/reports/item/209732/> (дата обращения 20.03.2013).

⁴ Состояние преступности. Январь-декабрь 2011 г. URL: <http://mvd.ru/presscenter/statistics/reports/item/209743/> (дата обращения 20.03.2013).

⁵ Состояние преступности. Январь-декабрь 2012 г. URL: <http://mvd.ru/presscenter/statistics/reports/item/804701/> (дата обращения 20.03.2013).

3,6 тыс. человек. В 2013 г., по прогнозам правительства, защитой государства должны были воспользоваться более 10 тыс. человек¹.

Исследования, проведенные во ВНИИ МВД России, говорят о том, что каждый год в роли свидетелей выступают примерно 10 млн человек, из них около 2,5 млн в ходе судебных заседаний меняют свои показания на противоположные². Такое положение, на наш взгляд, обусловлено оказанием различного рода воздействия со стороны подозреваемых, обвиняемых и связанных с ними лиц на участников уголовного судопроизводства. Этот вывод подтверждается начальником управления Генеральной прокуратуры по надзору за производством дознания и оперативно-розыскной деятельностью С. Ивановым, который в интервью газете «Известия» отметил, что «физическому или психологическому давлению со стороны криминального мира подвергается каждый четвертый свидетель»³.

Сегодня противодействие расследованию в форме воздействия на участника уголовного судопроизводства представляет собой очень сложное и многогранное явление, имеющее в своем арсенале большой набор разнообразных и весьма изощренных способов, а потому представляет особую общественную опасность. Оно характеризуется высокой степенью организации и согласованности действий, которые реализуются довольно широким кругом лиц, различных по своему социальному, должностному, процессуальному положению.

Для более полного понимания причин противодействия расследованию в форме воздействия на участников уголовного судопроизводства необходимо рассмотреть само понятие противодействия и его элементы. Так, А.Ю. Головин под противодействием расследованию понимает умышленную деятельность преступников и связанных с ними лиц, препятствующую работе правоохранительных органов по раскрытию и расследованию конкретных преступлений⁴. В данном случае автор делает акцент на таких обязательных элементах противодействия, как умышленная деятельность; преступник и лица, связанные с ним; воспрепятствование правоохранительным органам в раскрытии и расследовании преступлений. Однако, на наш взгляд, это определение и его составляющие не точно отражают содержание понятия, так как не рассмотрена возможность оказания противодействия на стадии судебного разбирательства уголовного дела. Кроме того, круг лиц, обозначенных автором (преступники и связанные с ними лица), которые оказывают противодействие по конкретным преступлениям, может дополняться с учетом того, что правоохранительная деятельность связана не только с раскрытием и расследованием уже известных преступлений, но и выявлением новых (латентных) преступлений. В таких случаях преступники в крайней степени не заинтересованы, чтобы правоохранительным органам стало известно об их причастности к совершению преступления.

Наряду с вышеизложенным определением учеными предлагались и иные определения. Так, В.В. Трухачев противодействием считал способ (форму) вос-

---

¹ См.: Ефремова Ю. Программа защиты свидетелей обрела конкретику // Деловой квартал: сетевой журнал. 2010. URL: <http://www.dkvertal.ru/news> (дата обращения 18.05.2012).

² См.: Попова Н. Почему в РФ не работает Закон о защите свидетелей? // Newsland: информационно-дискуссионный портал. 2009. URL: <http://www.newsland.ru/news/detail/id/367096/> (дата обращения 18.05.2012).

³ Перекрест В. Игра в прятки со свидетелем // Известия: электрон. версия. 2010. URL: <http://www.izvestia.ru/news/358865> (дата обращения 18.05.2012).

⁴ См.: Головин А.Ю. Теория и практика классификационных исследований в криминалистической науке. Тула, 2000. С. 158.

препятствования реальному или потенциальному расследованию, заключающийся в разработке и реализации деяний, направленных на упреждение и нейтрализацию расследования на основе моделирования и (или) анализа действий лиц, его осуществляющих¹. О.Л. Стулин сформулировал противодействие как систему умышленных действий или бездействия виновных и содействующих им лиц, которые совершаются в целях уклонения от уголовной ответственности или необоснованного ее смягчения². По определению В.П. Сальникова, противодействие – противоправная деятельность лиц, заинтересованных в определенном исходе дела, которая выражается в инсценировке преступления, уклонении от явки, сокрытии и уничтожении доказательств, незаконном воздействии на свидетелей, потерпевших, следователя³. По мнению А.Ф. Волобуева, противодействие расследованию преступления – это выбор заинтересованными лицами соответствующей линии поведения, принятие мер, направленных на создание препятствий в собирании и использовании доказательств с целью уклонения от ответственности, которые совершаются после выявления преступления и начала его расследования⁴.

Удачным, на наш взгляд, представляется определение, предложенное В.Н. Карагодиным, в котором к противодействию отнесены умышленные действия (или система действий), направленные на воспрепятствование выполнению задач предварительного расследования и установлению объективной истины по уголовному делу⁵.

Тем не менее, как показывает практика уголовного судопроизводства, данное понятие также не может быть использовано в качестве единственно верного. Примером может выступать расследование уголовного дела по факту бандитизма, когда сотрудники правоохранительных органов столкнулись с наиболее активным противодействием в рамках судебного разбирательства уголовного дела судом присяжных⁶. Оставшиеся на свободе участники организованной преступной группы сконцентрировали все свои ресурсы на психологическом давлении и запугивании присяжных заседателей, в результате чего решение по уголовному делу было вынесено только после смены двух составов присяжных заседателей, при условии их личной охраны и исключения возможностей оказания на них давления со стороны заинтересованных лиц. В данном случае стоит отметить, что оправдательный вердикт присяжных заседателей позволил бы преступникам избежать уголовной ответственности и продолжить заниматься организованной преступной деятельностью, сопряженной с совершением вымогательств, заказных убийств и других преступлений.

С учетом изложенного, на наш взгляд, под противодействием расследованию следует понимать умышленные действия (или систему действий), направленные на воспрепятствование уголовному судопроизводству на всех его стадиях (от негласной деятельности оперативных подразделений, направленной на выяв-

¹ См.: Трухачев В.В. Криминалистический анализ сокрытия преступной деятельности. Воронеж, 2000. С. 35.

² См.: Стулин О.Л. Тактические основы преодоления умышленного противодействия расследованию преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1999.

³ См.: Криминалистика: нагляд. пособие. Изд. 2-е, перераб. и доп. / под общ. ред. В.П. Сальникова. М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2004. С.155.

⁴ См.: Волобуев А.Ф. Противодействие расследованию экономических преступлений и его преодоление // Государство и право. 2002. № 4. С. 42.

⁵ См.: Карагодин В.Н. Основы криминалистического учения о преодолении противодействия предварительному расследованию: дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1992. С. 18.

⁶ См.: Бесконечный суд над бандой Молдаванина // Владивосток. 2005. 12 июля. URL: <http://old.vladnews.ru> (дата обращения 21.03.2013).

ление, пресечение и раскрытие преступлений, выявление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших до момента рассмотрения уголовного дела в суде кассационной и надзорной инстанции), а также установлению объективной истины по уголовному делу и привлечению виновных к уголовной ответственности.

Выделяя субъекты противодействия, следует исходить из того, что все противодействие применительно к конкретным делам можно разделить на «внутреннее» (оказываемое лицами, причастными в любой форме к расследованию) и «внешнее» (оказываемое лицами, вообще не связанными с расследованием либо связанными со следователем (дознавателем) процессуальными, служебными или иными властными отношениями, зависимостями)¹.

Направленность «внешнего» противодействия расследованию может быть различной. Она зависит от субъектов, их возможностей и целей противодействия.

Как справедливо отмечал Р.С. Белкин, субъектов такого противодействия, исходя из мотивов действий и преследуемых целей, можно разделить на две группы:

- 1) преследующие личные корыстные и иные цели, сознающие противоправность своих действий;
- 2) действующие под влиянием добросовестного заблуждения в отношении обстоятельств преступления, личности виновного, действий органа расследования и не преследующие личных целей².

В условиях отсутствия достоверной информации о намерениях оказания противодействия расследованию со стороны указанных лиц следователь (дознаватель) должен учитывать, что оно может возникнуть в любой момент расследования и одним из источников информации о его возникновении может стать потерпевший, свидетель.

Практика показывает, что именно к добросовестным участникам уголовного судопроизводства все чаще применяются изоэтранные, тщательно спланированные и умело реализуемые приемы воздействия, одним из которых выступает насилие.

В современной теории и законодательстве нет единого подхода к определению понятия насилия. А.В. Иващенко предлагал насилием считать осознанное целенаправленное вредоносное воздействие на человека без необходимого согласия³. Такое определение подходит к рассматриваемым нами участникам уголовного судопроизводства, которые потенциально находятся в сфере криминального влияния, несмотря на законодательные гарантии защиты их законных прав и интересов, особенно когда такая деятельность завуалирована.

Как справедливо отмечает Л.В. Брусницын, помимо прямо запрещенных УК РФ способов противоправного воздействия применяются и такие, ответственность за которые не предусмотрена уголовным законом, но они также могут достигать своей цели: молчаливое преследование потерпевших, свидетелей на улице; фразы по телефону «нам известно, где ты живешь», «подумай о детях»; послание преследуемым фотографий трупов и т.д.⁴.

¹ Изложенная классификация основана на делении противодействия, предложенного Р.С. Белкиным. См.: Белкин Р.С. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования. М., 1997. С. 131.

² См.: Белкин Р.С. Указ. соч. С. 141.

³ См.: Иващенко А.В. Преступления, сопряженные с насилием, как социально-правовой феномен // Науч. труды Дальневост. филиала Всерос. академии внеш. торговли. Вып.14. Петропавловск-Камчатский, 2005. С. 24.

⁴ См.: Брусницын Л.В. Применение норм УПК РФ, обеспечивающих безопасность участников уголовного судопроизводства: науч.-практ. пособие. М., 2004. С. 11.

В связи с этим на первое место в противодействии расследованию вышло воздействие на участников уголовного судопроизводства, а именно потерпевших и свидетелей, показания которых могут кардинальным образом изменить ход и результаты расследования.

К некоторым признакам, указывающим на оказание воздействия, следует отнести:

- нежелание лица сотрудничать с правоохранительными органами в ходе расследования конкретного преступления;
- уклонение от явки к сотруднику оперативного подразделения, следователю (дознавателю), в суд;
- конфликтная ситуация при производстве следственных действий и иных мероприятий;
- существенные расхождения с показаниями других лиц, с другими сведениями, которыми располагает следователь (дознаватель), сотрудник оперативного подразделения;
- перемена мест жительства, работы, учебы, номеров телефонов и т.п. без уведомления следователя (дознавателя);
- наличие достаточных оснований, указывающих на «неформальные» встречи защитника подозреваемого, обвиняемого с участниками уголовного судопроизводства и т.п.

При наличии хоть одного из указанных признаков следователь (дознаватель) незамедлительно должен принять меры по их устранению, в противном случае может сложиться ситуация, в которой заинтересованные лица могут активизировать свою деятельность по противодействию расследованию и перейти от словесных угроз к действиям.

Таким образом, при наличии достаточных данных полагать, что оказывается воздействие на потерпевшего, свидетеля, следователь (дознаватель) должен принять следующие меры:

1. Дать поручение органу дознания, уполномоченному на осуществление оперативно-розыскной деятельности, на установление наличия реальной угрозы убийства лица, насилия над ним, уничтожения или повреждения его имущества.
2. Разъяснить лицу, в отношении которого осуществляется воздействие, положение норм УПК РФ и иных нормативно-правовых актов, регламентирующих применение мер безопасности.
3. Допросить повторно добросовестного участника уголовного судопроизводства с использованием материалов, подтверждающих оказание на него воздействия, в целях установления лиц, которые его оказывают.
4. В соответствии с ведомственными нормативно-правовыми актами принять меры по обеспечению безопасности:
  - получить согласие от лица, претендующего на защиту;
  - вынести мотивированное постановление о применении мер безопасности;
  - направить материалы, подтверждающие наличие угрозы жизни, здоровью и (или) имуществу лица, претендующего на защиту, в подразделение государственной защиты ОВД;
5. В случае устранения угрозы жизни, здоровью и (или) имуществу защищаемого лица, следователь (дознаватель) ходатайствует об отмене мер безопасности.

Литература:

1. Белкин Р.С. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования. М., 1997.

2. Брусницын Л.В. Применение норм УПК РФ, обеспечивающих безопасность участников уголовного судопроизводства: науч.-практ. пособие. М., 2004.
  3. Волобуев А.Ф. Противодействие расследованию экономических преступлений и его преодоление // Государство и право. 2002. № 4.
  4. Головин А.Ю. Теория и практика классификационных исследований в криминалистической науке. Тула, 2000.
  5. Иващенко А.В. Преступления, сопряженные с насилием, как социально-правовой феномен // Науч. труды Дальневост. филиала Всерос. академии внеш. торговли. Вып.14. Петропавловск-Камчатский, 2005.
  6. Карагодин В.Н. Основы криминалистического учения о преодолении противодействия предварительному расследованию: дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1992.
  7. Криминалистика: нагляд. пособие. Изд. 2-е, перераб. и доп. / под общ. ред. В.П. Сальникова. М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2004.
  8. Стулин О.Л. Тактические основы преодоления умышленного противодействия расследованию преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1999.
  9. Трухачев В.В. Криминалистический анализ сокрытия преступной деятельности. Воронеж, 2000.
  10. Якубович Н.А. Предварительное расследование. Методологические, уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1977.
- УДК 343.163*

ПРОКУРОРСКО-НАДЗОРНЫЕ СРЕДСТВА ЗАЩИТЫ ПРАВ ЛИЧНОСТИ В ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

*Максим Анатольевич Макаренко, заместитель начальника кафедры
Дальневосточного юридического института МВД России
кандидат юридических наук*

В статье рассматривается система правовых средств прокурорского надзора, направленных на защиту прав личности в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Дается их классификация и характеристика на основе анализа уголовно-процессуального законодательства и научных источников. Автор определяет проблемы и пути совершенствования деятельности прокуроров по защите прав участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: правовые средства; прокурорский надзор; акт прокурорского реагирования; требование об устранении нарушений закона; постановление прокурора.

PROSECUTORIAL AND SUPERVISORY MEANS OF RIGHT DEFENSE OF INDIVIDUAL AT PRETRIAL STAGES OF CRIMINAL PROCESS: CURRENT STATE AND DEVELOPMENT TENDENCIES

Makarenko Maxim Anatolyevich, Far Eastern Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, deputy chair head, *Kandidat nauk* degree in Law

The paper deals with the system of legal means of prosecutorial supervision directed to right defense of an individual at pretrial stages of criminal trial. The classification and the characteristics on the analysis basis of criminal and procedural legislation and scientific sources are presented. The author defines problems and ways of enhancement of public prosecutor activity concerning right defense of participants of criminal trial.

Keywords: legal means; prosecutorial supervision; act of prosecutorial reaction;

requirement of elimination of law infringements; public prosecutor resolution.

Институт российской прокуратуры имеет надзорную природу, поскольку он создавался в целях обеспечения законности в государстве. Во второй половине XIX в. он был подвергнут кардинальному реформированию, в основу которого были положены сформировавшиеся к тому времени в европейских государствах правовые воззрения. Прокуратура советского периода может быть отнесена к смешанному типу, будучи органом полифункционального характера¹. Однако в постсоветский период наметилась тенденция ее возвращения к своему историческому предназначению. Реформирование осуществлялось путем принятия ряда законодательных правовых актов, которые повлекли расширение общенадзорной деятельности, усиление правозащитной функции, устранили некоторые не свойственные для прокуратуры функции. В настоящее время юридическая сущность института прокуратуры состоит в реализации специальной правосубъектности, состоящей в выполнении конституционной обязанности государства обеспечивать законность и защищать права человека и гражданина, которая выполняется посредством особых (прокурорско-надзорных) правовых средств.

Вместе с тем часть 1 ст. 37 УПК РФ, которой определены функции прокурора в уголовном процессе, сначала называет уголовное преследование, а затем – прокурорский надзор. Но если произвести анализ полномочий прокурора по надзору за исполнением законов органами предварительного следствия, то можно заметить, что прокурор практически не обладает какими-либо полномочиями по осуществлению уголовного преследования. Данная функция выполняется им в судебных стадиях, в которых он является государственным обвинителем. На досудебном производстве уголовное преследование возлагается на следственные органы, которые являются поднадзорными прокуратуре объектами.

Так или иначе, надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия не может рассматриваться в отрыве от общего назначения прокуратуры. В частности, следует понимать, что прокурорский надзор нацелен на защиту прав человека и гражданина, в том числе от преступных посягательств. Данная задача неотделима от надзора, поскольку любое преступление является серьезнейшим нарушением законности, а именно запрета, предусмотренного нормами уголовного права. Об этом достаточно обстоятельно говорится, например, в приказе Генеральной прокуратуры РФ от 16 января 2012 г. № 7 «Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности»². Но указанное обстоятельство не означает, что прокуратура является органом уголовного преследования. Обеспечение законности и защита прав и свобод граждан осуществляется ею исключительно посредством использования надзорных правовых средств.

Следует обратить внимание на то, что в досудебных стадиях уголовного процесса нормативно установлена система правовых гарантий соблюдения прав личности, среди которых особое значение имеют гарантии их защиты. Обязанность государства защищать права и свободы человека и гражданина провозглашена в ст. 2 Конституции России. Статьей 6 УПК РФ она возведена в ранг назначения уголовного судопроизводства, определяя, по сути, то, для чего оно необходимо. Предусмотренные ею обязанности возлагаются на суд, прокурора и органы предварительного расследования. В совокупности возможности всех названных

---

¹ См.: Настольная книга прокурора / под общ. ред. С.Г. Кехлерова и О.С. Капи-нуса. М.: Юрайт, 2012.

² Законность. 2012. № 3.

субъектов образуют единый механизм, функционирующий посредством реализации предусмотренных законом правовых средств.

Прокурорский надзор на досудебных стадиях уголовного процесса облечен в процессуальную форму, и соответственно его правовые средства предусмотрены уголовно-процессуальным законодательством. Они представляют собой формы реализации полномочий прокурора и предназначены для обеспечения законности процессуальной деятельности органов предварительного расследования, т.е. обеспечения соблюдения и исполнения законов и решений Конституционного Суда Российской Федерации (п. 1.15 приказа Генеральной прокуратуры РФ от 2 июня 2011 г. № 162 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия»¹). Но подавляющее их большинство используется для решения главной его задачи, которая состоит в защите прав личности.

В основе предмета прокурорского надзора рассматриваемого направления прокурорского надзора находится вся система принципов уголовного судопроизводства. Непосредственно вопросам законности посвящена статья 7 УПК РФ, согласно которой следователь, орган дознания и дознаватель не вправе применять федеральный закон, противоречащий УПК РФ. Значительная часть остальных принципов посвящена гарантиям соблюдения прав человека (ст. 9 «Уважение чести и достоинства личности», ст. 10 «Неприкосновенность личности», ст. 11 «Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве» и др.). Разделение правовых средств прокурорского надзора на те, которые направлены на обеспечение законности процессуальной деятельности органов следствия, и те, назначением которых является защита прав личности, не вполне оправдано. Вместе с тем оценка данных средств с позиции их правозащитного потенциала может быть полезной как в теоретическом, так и в практическом аспектах.

Назначение уголовного судопроизводства не только определяет его юридическую сущность, но и устанавливает основные задачи прокурора при осуществлении надзора на его досудебных стадиях. Если исходить из ст. 6 УПК РФ, то прокурор обязан обеспечить: а) защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; б) защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения и ограничения ее прав и свобод. При этом защита прав личности от незаконного осуждения осуществляется прокурором в процессе участия в рассмотрении уголовного дела в суде посредством полного или частичного отказа от поддержания государственного обвинения. Принципиальное значение в надзорной деятельности прокурора имеют положения ч. 2 ст. 6 УПК РФ, предусматривающие, что уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию.

Важно обратить внимание и на то обстоятельство, что прокурор при осуществлении надзора вправе требовать выполнения назначения уголовного судопроизводства поднадзорными объектами. Его невыполнение должно рассматриваться как неисполнение либо ненадлежащее исполнение возложенных законом на органы предварительного следствия функциональных обязанностей. Они должны исполнять уголовно-процессуальный закон, а правые установления, предусмотрен-

---

¹ Законность. 2011. № 7.

ные ст. 6 УПК РФ, – в первую очередь. Понимание этого имеет принципиальное значение для правильного определения пределов использования прокурорско-надзорных полномочий, приоритетов в надзорной деятельности прокуратуры.

Наиболее подробная классификация правовых средств прокурорского надзора может быть представлена в следующем виде: 1) средства, направленные на выявление нарушений законности; 2) средства, предназначенные для восстановления нарушенной законности. Последние включают в себя формы реализации тех полномочий, которые позволяют устранять выявляемые нарушения и предупреждать (пресекать) их совершение. При этом применение прокурором мер, предусмотренных законодательством о юридической ответственности (кроме уголовной), находится за рамками уголовно-процессуального регулирования.

Прокурорско-надзорные средства защиты прав личности в досудебных стадиях уголовного судопроизводства должны быть нацелены на их восстановление в случаях нарушения или наличия угрозы нарушения. Соответственно они предполагают принятие мер как по устранению уже допущенных нарушений, так и по пресечению совершаемых. Что же касается тех средств, которые направлены на их выявление и профилактику, то они непосредственного защитного воздействия оказать не способны и поэтому имеют лишь охранительное значение.

Как уже отмечалось, состав и характер правовых средств прокурорского надзора различны на каждом этапе досудебного производства, т.е. на стадии возбуждения уголовного дела, на стадии предварительного расследования, а также при его окончании с составлением обвинительного заключения. По нашему мнению, именно в такой последовательности и следует рассматривать данную систему с учетом классификации по схеме «выявление – устранение – предупреждение». На основе предлагаемого деления рассмотрим (насколько позволяет объем настоящей статьи) систему прокурорско-надзорных средств защиты прав личности в досудебных стадиях уголовного процесса, их современное состояние, тенденции развития, проблематику их правового регулирования и практической реализации.

1. *Правовые средства прокурорской защиты на стадии возбуждения уголовного дела.* Наряду с УПК РФ порядок их реализации предусмотрен приказом Генеральной прокуратуры РФ от 5 сентября 2011 г. № 277 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и предварительного следствия»¹, а также названным выше приказом Генеральной прокуратуры РФ от 2 июня 2011 г. № 162. На данной стадии уголовного процесса прокуроры проводят проверочные мероприятия, в том числе и по жалобам его участников, руководствуясь ст. 123 и 124 УПК РФ, а также приказом Генеральной прокуратуры РФ от 1 ноября 2011 г. № 373 «О порядке рассмотрения жалоб на действия (бездействие) и решения органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора»². Правовыми средствами защиты прав личности здесь выступают следующие:

- требование об устранении нарушений федерального законодательства, предусмотренное п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ. Данный акт прокурорского реагирования является универсальным правовым средством и может использоваться не только на стадии возбуждения уголовного дела, но и на стадии предварительного расследования. В него могут быть включены требования об устранении любых допущенных следователем или руководителем следственного органа нарушений уголовно-процессуального законодательства, в том числе в результате которых

¹ Законность. 2011. № 12.

² Законность. 2012. № 1.

произошло нарушение прав личности. Основной проблемой его применения является сложная процедура, предусмотренная ч. 6 ст. 37 УПК РФ, которая никак не способствует действенной прокурорско-надзорной защите прав личности. Практика показывает, что только в особых случаях прокурор использует данную процедуру. В противном случае ему приходится отказываться от защиты нарушенных прав личности, поскольку правом на обращение в суд он не обладает¹. Именно в этом и состоит отличие требования об устранении нарушений федерального законодательства от представления, предусмотренного Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации». При осуществлении общего надзора, в случае несогласия поднадзорного объекта с требованиями, изложенными в представлении, прокурор вправе обратиться в суд.

Участник уголовного судопроизводства имеет право на судебное обжалование действий и решений следователя в порядке, предусмотренном ст. 123 и 125 УПК РФ. Известны случаи, когда прокуроры в связи с недостаточностью надзорных полномочий вызывали граждан и обсуждали вопрос о подаче таких жалоб. Думается, что такой подход недопустим. Поэтому процедура обращения с повторными требованиями к вышестоящему руководителю следственного органа должна быть упразднена. По нашему мнению, следователь в случае несогласия с требованиями прокурора должен обращаться к вышестоящему прокурору;

- постановление об отмене постановлений следователя о возбуждении и об отказе в возбуждении уголовного дела (ч. 4 ст. 146, ч. 6 ст. 148 УПК РФ). Данные решения прокурора имеют властно-распорядительный характер, но могут быть обжалованы следователем в установленном УПК РФ порядке.

Если прокурором признан незаконным или необоснованным отказ руководителя следственного органа, следователя в возбуждении уголовного дела, он в срок не позднее 5 суток с момента получения материалов проверки сообщения о преступлении отменяет постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, о чем выносит мотивированное постановление с изложением конкретных обстоятельств, подлежащих дополнительной проверке, которое вместе с указанными материалами незамедлительно направляет руководителю следственного органа. В случае несогласия с решением нижестоящего прокурора о признании законным постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в полном объеме, вышестоящий прокурор использует полномочия, предусмотренные п. 5.1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, и не позднее 5 суток с момента поступления проверочных материалов при наличии оснований отменяет решение об отказе в возбуждении уголовного дела.

Отмена прокурором постановления об отказе в возбуждении уголовного дела не является актом уголовного преследования. Данное решение принимается им с целью защиты прав лица (лиц), потерпевшего от преступления, как того требует назначение уголовного судопроизводства. Следует заметить, что с 7 сентября 2007 г. по 1 января 2011 г. прокуратура была лишена данного полномочия и, соответственно, возможности защищать данных лиц у прокурора были небольшие.

Немалое правозащитное значение имеют положения, согласно которым именно прокурор дает согласие на возбуждение уголовных дел в случаях, предусмотренных ч. 4 ст. 147 УПК РФ «Возбуждение уголовного дела частного и частно-публичного обвинения».

Что касается постановления о возбуждении уголовного дела, прокурор вправе отменить его в случае признания незаконным или необоснованным в срок не

---

¹ См., напр.: Винокуров А.Ю. Требование прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания или предварительного следствия // Адвокат. 2008. № 4.

позднее 24 часов с момента получения материалов, послуживших основанием для возбуждения уголовного дела. Им выносится мотивированное постановление, копия которого незамедлительно направляется должностному лицу, возбудившему уголовное дело. О принятом решении руководитель следственного органа (следователь) незамедлительно уведомляет заявителя, а также лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело. Посредством отмены постановления о возбуждении уголовного дела прокурор защищает личность от незаконного и необоснованного уголовного преследования, выполняя обязанность, возложенную на него ст. 6 УПК РФ, т.е. нормами о назначении уголовного судопроизводства. При его отмене в связи с неполнотой проверки прокурор указывает конкретные обстоятельства, подлежащие выяснению в ходе проведения дополнительных проверочных мероприятий. В прокуратурах ведутся отдельно по ведомствам книги учета поступивших копий постановлений о возбуждении уголовного дела и материалов к ним, осуществляется постоянный контроль за выполнением требований прокуроров;

- постановление об удовлетворении жалобы участника уголовного судопроизводства. Общее право на обжалование действий и решений следователя предусмотрено ст. 123, порядок их обжалования прокурору предусмотрен ст. 124 УПК РФ. Анализ соответствующих норм уголовно-процессуального законодательства и приказа Генеральной прокуратуры РФ от 1 ноября 2011 г. № 373 позволяет прийти к мнению о том, что рассматриваемое постановление является не более чем средством фиксации позиции прокурора по существу рассмотренной жалобы. Он может ее удовлетворить или отказать в ее удовлетворении. Однако в случае удовлетворения само по себе исполнение решения прокурора невозможно без вынесения им предусмотренных УПК РФ актов прокурорского реагирования, например, требований или постановлений. В связи с этим видится неверным предусмотренное законом наименование решения прокурора, принятое по жалобе. Постановление представляется нам в качестве акта властно-распорядительного характера, подлежащего исполнению. Прокурор должен давать ответ, как он это делает по другим жалобам в соответствии с Федеральным законом от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» и приказом Генерального прокурора РФ от 30 января 2013 г. № 45¹, которым утверждена Инструкция о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации;

- принятие мер по устранению нарушений законов о регистрации преступлений. Они охватываются функцией прокуратуры, введенной с 1 января 2012 г. Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 4-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О полиции»². Прокуратура ведет Государственный единый статистический учет заявлений и сообщений о преступлениях, состоянии преступности, раскрываемости преступлений, состояния и результатов следственной работы и прокурорского надзора, устанавливает единый порядок формирования и представления отчетности в органах прокуратуры. Данное направление перспективно и нацелено на наведение порядка в статистической отчетности правоохранительных органов. Проблема «палочной системы» появилась не сегодня, и уже многие годы пытаются ее решить и ученые, и практики. Несмотря на то, что назначение уголовного судопроизводства достаточно четко закреплено в ст. 6 УПК РФ и предполагает прежде всего защиту прав личности, «гонка за показателями» порой сводит его на нет. Она влечет за собой искажение приоритетов в деятель-

¹ Законность. 2013. № 2.

² СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 901.

ности органов предварительного расследования, является первопричиной манипуляций со статистикой и применения незаконных методов расследования.

Вместе с тем обеспечивающих осуществление рассматриваемой функции правовых средств законом не установлено, и поэтому используются имеющиеся в арсенале прокурора надзорные полномочия, и причем как те, что предусмотрены УПК РФ, так и те, что предусмотрены Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации». Но они не позволяют выполнять ее эффективно. Видимо поэтому и появляются прецеденты вынесения прокурорами постановлений об отмене регистрации сообщений о преступлениях и признании всех последующих действий по их проверке незаконными. При этом делается ссылка как раз на пункт 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, предусматривающий право прокурора требовать устранения нарушений федерального законодательства, а также на пункт 25 ст. 5 УПК РФ, в котором формулируется понятие «постановление». Но данное полномочие не может и не должно «выводиться» из норм права, а должно быть прямо предусмотрено законом. Вместе с тем его применение видится перспективным для защиты прав личности от незаконного и необоснованного уголовного преследования. Но следует внести соответствующие дополнения в ч. 2 ст. 37 УПК РФ.

Конечно же, прокурор обязан принимать меры к защите прав потерпевших от преступлений. Однако он не вправе разрешать сообщения о преступлениях. Поэтому при их поступлении средством прокурорской защиты выступает их направление для рассмотрения в соответствующие органы предварительного расследования либо разъяснение заявителю порядка обращения в данные органы. Так предусмотрено нормами УПК РФ и регламентировано приказом Генеральной прокуратуры РФ от 27 декабря 2007 г. № 212 «О порядке учета и рассмотрения в органах прокуратуры Российской Федерации сообщений о преступлениях»¹. В случае выявления нарушений уголовного законодательства в ходе проверочных мероприятий прокурор выносит мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании (п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ)². В случае обнаружения сообщений о преступлениях, распространенных в средствах массовой информации, он вправе давать поручения дознавателю о проведении их проверки.

Однако нас не вполне устраивает предусмотренный уголовно-процессуальным законодательством порядок действий прокурора по поступающим сообщениям о преступлениях. Прокуратура не является органом уголовного преследования, но это не означает, что ее роль при обращении заявителя сообщения о преступлении должна сводиться к разъяснению ему прав и перенаправлению в другие органы. Практике известны случаи возбуждения уголовных дел в отношении прокурорских работников за проявление халатности в таких ситуациях. Хотя они и были отменены, сам факт принятия решения следователями Следственного комитета РФ о начале уголовного преследования является сигналом тому, что предусмотренный законом порядок действий прокурора несовершенен. Прокурор должен принимать оперативные меры, нацеленные на разрешение сообщения о преступлении, всемерно способствовать защите прав заявителя сообщения о преступлении.

В приказе Генеральной прокуратуры РФ № 277 отмечено, что по каждой поданной в суд и подлежащей рассмотрению в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ, жалобе на действие (бездействие) органа дознания, дознавателя, руко-

¹ Законность. 2008. № 3.

² См.: Григорьев В. Постановление прокурора – новый повод для возбуждения уголовного дела? // Законность. 2011. № 8.

водителя следственного органа, следователя, связанное с приемом, регистрацией и разрешением сообщения о преступлении, надзирающие за органами предварительного расследования прокуроры должны принимать обязательное участие в судебном заседании. И причем при удовлетворении судом жалобы на решение или действие (бездействие) указанных органов, с которыми ранее согласился прокурор, а также в случае принятия судом решения вопреки позиции прокурора, участвовавшего в судебном заседании, прокуроры должны решать вопрос о наличии оснований для персональной ответственности должностных лиц, не обеспечивших надлежащий прокурорский надзор за законностью принятых процессуальных решений. Следует иметь в виду, что прокуроры принимают участие в судебном рассмотрении жалоб не только на стадии возбуждения уголовного дела, но и в ходе предварительного расследования. Посредством реализации принадлежащих им процессуальных прав (задавать вопросы, представлять доказательства, давать заключение, приносить апелляционные и кассационные представления и т.д.) они имеют возможность не допустить принятия судом незаконного или необоснованного решения, способствуют судебной защите прав личности.

2. Правовые средства защиты прав личности на стадии предварительного расследования. На данном этапе прокурор, как и на стадии возбуждения уголовного дела, использует универсальное правовое средство – требование, рассматривает жалобы граждан, участвует при их рассмотрении в суде. При этом он вправе отменять постановления следователя о приостановлении предварительного следствия и прекращении уголовного дела. Но опять же данные решения прокурора не являются актами уголовного преследования, они направлены на защиту прав личности и прежде всего, конечно, потерпевшего. Следует заметить, что с 7 сентября 2007 г. по 1 января 2011 г. прокурор не обладал правом на их принятие, соответственно и возможностей защиты прав личности в случаях незаконных приостановлений следствия и прекращения уголовных дел у него не было.

В случае признания постановления следователя о приостановлении предварительного следствия незаконным или необоснованным, прокурор вправе в срок не позднее 14 суток с момента получения материалов уголовного дела отменить его. С этой целью выносится мотивированное постановление с изложением конкретных обстоятельств, подлежащих дополнительному расследованию, которое вместе с материалами уголовного дела незамедлительно направляется руководителю следственного органа (ч. 1.1 ст. 211 УПК РФ). Отмена прокурором постановления о приостановлении предварительного следствия является основанием для его возобновления. Приостановленное предварительное следствие может быть возобновлено также на основании постановления руководителя следственного органа в связи с отменой соответствующего постановления следователя (ч. 2 ст. 211 УПК РФ). Как видим, прокурор не имеет право сам возобновлять предварительное следствие ввиду отмены постановления о его приостановлении, что вполне логично.

В соответствии с ч. 1 ст. 214 УПК РФ признав постановление следователя о прекращении уголовного дела или уголовного преследования (за исключением дел частного обвинения) незаконным или необоснованным, прокурор в срок не позднее 14 суток с момента получения материалов уголовного дела отменяет его. Об этом выносится мотивированное постановление с изложением конкретных обстоятельств, подлежащих дополнительному расследованию, которое вместе с материалами уголовного дела незамедлительно направляется руководителю следственного органа. По делам же частного обвинения постановление о прекращении уголовного дела прокурор может отменить только при наличии жалобы заинтересованного лица.

При поступлении к прокурору копий постановлений о прекращении уголовного дела (уголовного преследования), копий постановлений о приостановлении производства по делу, а также соответствующих статистических карточек осуществляется сверка содержащихся в них сведений с данными, фиксируемыми в книгах учета. При этом особое внимание обращается на невнесение в статистический учет информации о возобновлении производства по уголовным делам после отмены указанных процессуальных решений. Приказ Генеральной прокуратуры РФ № 162 требует от прокуроров проверки в течение 1 месяца со дня вынесения соответствующего постановления проверять все приостановленные и прекращенные производством уголовные дела, но не позднее 14 суток с момента получения материалов уголовного дела. При этом прокуроры должны обращать внимание на факты неоднократного вынесения следственными органами постановлений о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) либо постановлений о приостановлении предварительного следствия после возобновления производства по делу, оценивая при этом объем проведенных по делу следственных, а также иных процессуальных действий в период его возобновления. Производство дополнительного расследования по таким делам ставится на контроль, и прокуроры должны добиваться принятия законного и обоснованного процессуального решения. В необходимых случаях они обращаются к вышестоящему прокурору с проектами актов прокурорского реагирования, адресованных руководителю вышестоящего следственного органа.

Кроме того, часть 6 ст. 162 УПК РФ предусматривает, что в случае возвращения прокурором уголовного дела следователю, срок исполнения указаний прокурора устанавливается руководителем следственного органа, в производстве которого находится уголовное дело, и не может превышать 1 месяца со дня поступления данного уголовного дела к следователю. При возобновлении приостановленного (прекращенного) уголовного дела срок дополнительного следствия устанавливается руководителем следственного органа, в производстве которого находится уголовное дело, и не может превышать 1 месяца со дня поступления уголовного дела следователю. Дальнейшее продление срока предварительного следствия производится на общих основаниях в порядке, установленном ч. 4, 5, 7 ст. 162 УПК РФ. Однако видится, что более действенная защита прав личности может быть обеспечена правом прокурора устанавливать указанные сроки в тех случаях, когда необходимые для выполнения следователем действия вытекают из данных прокурором указаний.

3. Правовые средства защиты прав личности на этапе окончания предварительного расследования с составлением обвинительного заключения. Данный этап является заключительным как для стадии предварительного расследования, так и для всего досудебного производства по уголовному делу. На нем формируется окончательное обвинение, решается вопрос о передаче уголовного дела в суд. Согласно ч. 6 ст. 220 УПК РФ, после подписания следователем обвинительного заключения уголовное дело с согласия руководителя следственного органа немедленно направляется прокурору. Правовым средством выявления нарушений законности, применяемым на стадии окончания предварительного расследования с составлением обвинительного заключения, следует считать действия прокурора по ознакомлению с материалами уголовного дела. По результатам такого ознакомления прокурор принимает одно из решений, предусмотренных ст. 221 УПК РФ. Данные решения следует рассматривать как прокурорско-надзорные средства защиты прав личности. Они должны способствовать реализации положений о назначении уголовного судопроизводства.

Прокурор перед направлением уголовного дела в суд должен принять все необходимые меры для обеспечения законности и обоснованности государствен-

ного обвинения. В приказе Генеральной прокуратуры РФ от 2 июня 2011 г. № 162 отмечается, что при утверждении обвинительного заключения он проверяет: а) соответствие выводов следователя установленным в ходе расследования обстоятельствам дела; б) правильность квалификации содеянного; в) соблюдение уголовно-процессуальных норм при производстве следственных и иных процессуальных действий и подготовке процессуальных документов.

Часть 2 ст. 221 УПК РФ предусматривает, что если прокурор установит нарушение следователем требований ч. 5 ст. 109 УПК РФ (материалы оконченого расследованием уголовного дела должны быть предъявлены обвиняемому, содержащемуся под стражей, и его защитнику не позднее чем за 30 суток до окончания предельного срока содержания под стражей), а предельный срок содержания обвиняемого под стражей истек, он **отменяет данную меру пресечения**. Прокуроры должны заблаговременно принимать исчерпывающие меры, обеспечивающие изучение уголовного дела и утверждение обвинительного заключения, до истечения срока содержания лица под стражей, принимая во внимание выводы Конституционного Суда РФ, изложенные в постановлении от 22 марта 2005 г. № 4-П¹.

Федеральным законом от 5 июня 2012 г. № 53 в ст. 221 УПК РФ была введена часть 2.1, в которой предусматривается следующее. Установив, что к моменту направления уголовного дела в суд срок домашнего ареста или срок содержания под стражей оказывается недостаточным для выполнения судом требований, предусмотренных ч. 3 ст. 227 УПК РФ, прокурор при наличии оснований возбуждает перед судом ходатайство о продлении срока домашнего ареста или срока содержания под стражей. В части 2 ст. 37 УПК РФ было прописано право прокурора «при наличии оснований возбуждать перед судом ходатайство о продлении срока домашнего ареста или срока содержания под стражей по уголовному делу, направляемому в суд с обвинительным заключением или обвинительным актом». Указанные изменения вполне закономерны, поскольку в период от направления уголовного дела прокурору до направления в суд оно находится в производстве прокурора, который изучает его для принятия одного из предусмотренных законом решений. Ранее данное обстоятельство законодателем учтено не было, и это приводило к правовому вакууму, влекущему за собой нарушение конституционных прав обвиняемого лица.

Мощным средством защиты прав личности является право прокурора, предусмотренное ч. 3 ст. 88 УПК РФ, признать доказательство недопустимым по ходатайству подозреваемого, обвиняемого или по собственной инициативе. Такое доказательство не подлежит включению в обвинительное заключение. Несмотря на то, что уголовно-процессуальным законодательством не предусмотрено, на каком этапе предварительного расследования прокурор вправе исключать недопустимые доказательства, прокурорская практика сложилась таким образом, что прокурор использует данное право при изучении поступившего к нему дела с обвинительным заключением. Вместе с тем следует заметить, что прокуратура сама себя ограничила в возможностях защиты прав личности, поскольку УПК РФ не запрещает прокурору исключать недопустимые доказательства на более ранних этапах предварительного расследования.

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2005 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения "заключение" под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 3.

В случае обнаружения нарушений уголовно-процессуального законодательства, прокурор не утверждает поступившее обвинительное заключение и не направляет уголовное дело в суд. На основании ст. 221 УПК РФ в результате рассмотрения уголовного дела, поступившего от следователя с обвинительным заключением, он вправе вынести постановление о возвращении ему уголовного дела: а) для производства дополнительного следствия; б) изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых; в) пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков со своими письменными указаниями. В приказе Генеральной прокуратуры РФ № 162 уточняется, что прокуроры возвращают уголовное дело следователю в случае установления обстоятельств, препятствующих рассмотрению уголовного дела судом, отсутствия достаточных доказательств виновности обвиняемого, неправильной квалификации содеянного, неполноты проведенного расследования. При этом постановление прокурора должно быть аргументированным, содержащим сведения о допущенных нарушениях, подлежащих устранению. Заметим, что в ст. 221 УПК РФ прямо предусмотрен единственный случай, когда прокурор может давать следователю указания. Это исключение из общих правил, оно не является ограничением самостоятельности следствия, ведь решается вопрос о направлении прокурором уголовного дела в суд. Такой подход законодателя имеет большое значение и в аспекте обеспечения реальной прокурорской защиты прав личности в досудебных стадиях уголовного процесса.

Рассмотренная система средств прокурорского надзора включает в себя наиболее действенные из них, позволяющие защищать права личности в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Она может включать и иные полномочия прокурора, используемые для этой цели (дача согласия на совершение определенных действий и принятие решений, передача материалов от одного органа к другому и др.). Из изложенного выше видно, что прокурор обладает широкими правозащитными возможностями, однако недостатки действующего законодательства и (или) практика его реализации далеко не всегда позволяют использовать заложенный в институте прокуратуры потенциал. В связи с этим перспективным является их дальнейшее развитие и совершенствование.

Литература:

1. Винокуров А.Ю. Требование прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания или предварительного следствия // Адвокат. 2008. № 4.
2. Григорьев В. Постановление прокурора – новый повод для возбуждения уголовного дела? // Законность. 2011. № 8.
3. Настольная книга прокурора / под общ. ред. С.Г. Кехлерова и О.С. Капинус. М.: Изд-во Юрайт, 2012.

УДК 343.12

ПРАВОВАЯ СУЩНОСТЬ УЧАСТИЯ СПЕЦИАЛИСТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

*Максим Анатольевич Мамошин, преподаватель
Дальневосточного юридического института МВД России*

В данной статье автор рассматривает правовые особенности участия специалиста в уголовном судопроизводстве, а также уделяет внимание спорным положениям дейст-

вующего законодательства, регламентирующего институт использования специальных познаний в расследовании преступлений.

Ключевые слова: специалист; эксперт; специальные познания; следователь; досудебное производство.

LEGAL ESSENCE OF SPECIALIST PARTICIPATION IN CRIMINAL TRIAL

Mamoshin Maxim Anatolyevich, Far Eastern Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, instructor

The paper deals with legal particulars of specialist participation in criminal trial as well as contentious clauses of the current legislation regulating the institute of special knowledge in investigating crimes.

Keywords: specialist; expert; special knowledge; investigator; pretrial production.

Деятельность специалиста в уголовном процессе представляет широкий научный интерес для исследования. Использование специальных познаний в расследовании преступлений и привлечение к этому процессу сведущих лиц были известны еще в дореволюционной России. Об этом свидетельствуют правовые акты, существовавшие в виде отдельных предписаний, относящихся к деятельности сведущих лиц, преимущественно врачей, «призывавшихся» для вскрытия трупов. Судебная реформа 1864 г., изменившая коренным образом судостроительство и судопроизводство в России, существенно изменила и процессуальное положение института использования сведущих лиц, открыв для него более широкие перспективы развития. Специалист как самостоятельный участник уголовного процесса только после вступления в законную силу УПК РФ 2002 г. получил достаточно широкую регламентацию своей деятельности в уголовном судопроизводстве.

Согласно ч. 1 ст. 58 УПК РФ, специалист - это лицо, обладающие специальными знаниями, привлекаемое в процессуальных действиях для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств, в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию.

Уже достаточно давно в отечественной науке обсуждается вопрос о формах использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве. Многие советские и российские ученые в разное время высказывались на страницах печати по данному поводу, предлагая различные теоретические концепции их систематизации.

Так, например В.И. Шиканов предлагает следующую систему форм использования специальных знаний:

- 1) непосредственное применение специальных знаний следователем, прокурором, судом;
- 2) использование специальных знаний сведущих лиц без привлечения их к участию в следственных действиях (консультации, получение различного рода справок по специальным вопросам);
- 3) использование результатов несудебных (ведомственных, административных) расследований, а также результатов исследования отдельных объектов, производившихся в процессе указанных расследований или при иных условиях;
- 4) использование специальных знаний сведущих лиц, призванных к выполнению процессуальных функций специалиста;

5) использование специальных знаний сведущих лиц, призванных к выполнению функций судебного эксперта;

6) использование специальных знаний переводчика и лиц, понимающих знаки немого или глухого;

7) назначение ревизии;

8) производство технических и иных обследований¹.

По нашему мнению, данная классификация могла бы быть дополнена включением в нее специальных знаний педагога и психолога, которые наряду с переводчиком активно привлекаются к производству следственных действий с участием несовершеннолетних лиц.

Более лаконичная классификация форм использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве приводится И.Н. Сорокотягиним, который выделяет процессуальную форму – производство экспертизы, участие специалиста, врача, педагога, производство ревизии по требованию следователя на стадии предварительного расследования и непроцессуальную – консультационно-справочная деятельность, производство ревизии до возбуждения уголовного дела².

Трудно предположить, чем руководствовался автор, полагая, что производство ревизии до возбуждения уголовного дела не имеет процессуального характера, а также что таковой не является и консультационно-справочная деятельность специалиста. Необходимо заметить, что характер консультационно-справочной деятельности специалиста может быть как процессуальным, так и непроцессуальным, в зависимости от конкретной ситуации. Так, если следователь получает устную консультацию от специалиста в стадии возбуждения уголовного дела по существу, например, проводимой им ревизии, то в данном случае речь не может идти о процессуальной помощи, но если специалист оформляет по просьбе следователя справку или заключение, которое приобщается к материалам уголовного дела, а также высказывает свое суждение на допросе в процессе расследования, то в данном случае речь идет именно о процессуальных отношениях, складывающихся между специалистом и субъектом расследования.

Также, по нашему мнению, будет серьезной ошибкой отдельных авторов полагать, что формы использования специальных знаний могут быть только процессуальными, а непроцессуальных форм применения специальных знаний в уголовном процессе не существует и что это равнозначно их незаконности³.

В настоящее время мы имеем несколько уже сложившихся форм использования специальных познаний в уголовном судопроизводстве, к которым относятся назначение и производство судебной экспертизы, а также участие специалиста в уголовном деле. Следует заметить, что в первой половине XX в. не было еще проведено четкого различия между процессуальным положением специалиста и эксперта, что затрудняло возможность отграничивать их процессуальные полномочия в уголовном судопроизводстве. Но по мере развития и совершенствования института сведущих лиц произошло и четкое осмысление статуса специалиста и эксперта, а также выявились конкретные направления в их деятельности.

¹ См.: Шиканов В.И. Актуальные вопросы уголовного судопроизводства и криминалистики в условиях современного научно-технического прогресса. Иркутск, 1978. С. 28.

² См.: Сорокотягин И.Н. Специальные познания в расследовании преступлений. Ростов на/Д, 1984. С. 28.

³ См., напр.: Лисиченко В.К., Циркаль В.В. Использование специальных знаний в следственной и судебной практике. Киев, 1987. С.50-60.

Необходимо отметить, что функции специалиста очень схожи с функциями эксперта. В части 1 ст. 57 УПК РФ говорится, что эксперт - это лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном УПК РФ, для производства судебной экспертизы и дачи заключения.

Несмотря на явную схожесть деятельности эксперта и специалиста, следует указать на основное их различие. Специалист, в отличие от эксперта, не проводит исследований, сопряженных с использованием сложного лабораторного оборудования и разработанных научных методик. Деятельность специалиста имеет более упрощенную форму, чем деятельность эксперта, но от этого она не становится менее значимой в уголовном судопроизводстве.

Следует заметить, что не всегда на практике требуется обязательное получение заключения эксперта после того, как в деле участвовал специалист. Например, если фактические обстоятельства дела не требуют обязательного лабораторного исследования, которое проводит эксперт, то достаточно будет письменного заключения специалиста или дачи им устной консультации следователю (дознавателю). Так, специалист может проконсультить следователя о виде редких реликтовых растений, о том, кисти какого художника принадлежит художественное полотно, как используется то или иное оборудование и т.д. Существует множество разнообразных отраслей знаний, в которых участникам уголовного процесса для правильного понимания существа вопроса и разрешения уголовного дела требуется помощь специалиста.

Многолетняя процессуальная практика привлечения к участию в деле специалиста, ставшая уже традиционной, свидетельствует о его важной роли в раскрытии преступлений и изобличении виновных в их совершении. Становление института специалистов шло поступательно, по мере накопления теоретических и практических знаний происходило его совершенствование, но, тем не менее, еще нельзя с уверенностью констатировать, что он достиг высшей ступени своего развития и устранены все пробелы в законодательной практике.

В соответствии с ранее действовавшим УПК РСФСР (1960 г.) специалист рассматривался как лицо, обладавшее в определенной области специальными знаниями, благодаря которым оно вовлекалось органами предварительного расследования, прокуратуры и суда в уголовное судопроизводство в целях оказания им помощи в обнаружении, закреплении и проверке доказательств. В соответствии со ст. 133.1 и другими статьями УПК РСФСР специалист, участвуя в производстве следственных действий, самостоятельного исследования объектов не производил и не давал заключения о результатах своей деятельности. Эти результаты отражались в протоколе того следственного действия, в котором участвовал специалист, и не могли быть причислены к самостоятельным источникам доказательств. Только лишь Федеральным законом от 21 июля 2003 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ» в ст. 74 УПК РФ была внесена поправка, признающая в качестве доказательств заключение и показания специалиста. Данное положение, на наш взгляд, является позитивным движением в сторону укрепления и повышения процессуальной значимости института специалистов, призванных оказывать содействие правоохранительным органам в борьбе с преступностью.

Несмотря на ряд положительных законодательных изменений в деятельности специалиста, нам не совсем понятно, почему в Уголовно-процессуальном кодексе России отсутствует норма о привлечении его к уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения, как это сделано в отношении эксперта, деятельность которого имеет много общего с деятельностью специалиста. Данный пробел может быть решен только путем внесения соответствующих поправок в УПК РФ, на что уже не раз обращалось внимание различных авторов, исследо-

вавших правовое положение специалиста. Ведь не освобожден же специалист от уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний, а с чем тогда связано неустановление в отношении его такой же ответственности в случае дачи им заведомо ложного заключения?

Необходимо отметить, что существующие общие сходства у специалиста с экспертом ни в коем случае не свидетельствуют о полном дублировании первым деятельности последнего. Так, например, Ю.К. Якимович полагает, что отнесение заключения специалиста к числу источников доказательств (ч. 2 ст. 74 УПК РФ) стирает грань, отделяющую специалиста от эксперта¹. Для более точного понимания сути вопроса мы предлагаем несколько критериев отличия деятельности специалиста от деятельности эксперта:

1. Отличается процессуальный порядок вовлечения в уголовный процесс эксперта и специалиста. Производству экспертизы посвящена целая отдельная глава Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (гл. 27). Следователь о назначении экспертизы выносит постановление, содержание которого регламентируется ст. 195 УПК РФ. Что касается специалиста, то четкая законодательная регламентация о порядке вовлечения его в орбиту уголовно-процессуальных отношений в законе отсутствует. Поэтому на практике следователю (дознавателю) часто приходится принимать решение, руководствуясь собственными убеждениями. На наш взгляд, в интересах обеспечения более полного и эффективного расследования преступлений необходимо установить единый порядок привлечения специалиста к участию в уголовном деле, а процессуальным документом, обеспечивающим такое участие, должно стать постановление следователя (дознавателя), которое к тому же позволит ознакомить с ним всех заинтересованных участников уголовного процесса.

2. В понятии экспертизы обращают на себя внимание следующие три момента: производство исследования, дача заключения и процессуальные последствия, которые связывает с этим действием закон. Заключение эксперта включает в себя как выводы, так и описание самого исследования. Закон (ст. 204 УПК РФ) подробно регламентирует содержание и форму заключения эксперта. Здесь находят свое отражение основания производства экспертизы, сведения об экспертном учреждении, об образовании, специальности и стаже работы, ученой степени эксперта и другие данные. В заключении описываются объекты исследования и их результаты с указанием примененных методик, выводы на поставленные перед экспертом вопросы и их обоснование.

Ничего подобного мы не видим применительно к заключению специалиста, речь о котором идет лишь в п. 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ, где оно указано в качестве источника доказательств, и в ч. 3 ст. 80 УПК РФ, в которой заключение специалиста – это «представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами». В части 1 ст. 80 УПК РФ заключение эксперта определяется как «представленные в письменном виде содержание исследования и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим производство по уголовному делу, или сторонами». В статье 58 УПК РФ вообще ничего не сказано о праве или обязанности специалиста давать заключение по результатам своего участия в следственных и иных процессуальных действиях. Следовательно, заключение специалиста не является обязательным процессуальным документом, в отличие от заключения эксперта, и может быть дано специа-

¹ См.: Якимович Ю.К. Использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве: формы и критерии допустимости // Проблемы уголовно-процессуальной науки XXI века: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. Ижевск, 2013. С. 137.

листом в тех случаях, когда это потребует следователь или другие заинтересованные участники уголовного судопроизводства.

3. Отличается объем полномочий специалиста и эксперта на разных этапах досудебного производства. Судебная экспертиза назначается только по возбужденному уголовному делу, поэтому эксперт как субъект уголовного судопроизводства появляется на стадии предварительного расследования и не может в качестве такового участвовать на стадии возбуждения уголовного дела. Специалист же может участвовать и давать свое заключение уже в стадии возбуждения уголовного дела, хотя отдельные авторы ошибочно полагают, что лицо приобретает статус специалиста со стадии предварительного расследования¹

В настоящее время на законодательном уровне решается вопрос о предоставлении функциональной возможности эксперту проводить судебную экспертизу на стадии проверки сообщения о преступлении, но в любом случае это не повлияет на значимость участия специалиста в принятии решения о возбуждении уголовного дела. Вряд ли потеряет актуальность предоставленное специалисту право давать устные или письменные консультации следователю (дознавателю) на стадии возбуждения уголовного дела, способствовать постановке вопросов эксперту для производства им экспертизы, содействовать в обнаружении и фиксации вещественных доказательств, оказывать техническую помощь, а также участвовать в ряде других мероприятий, требующих его специальных познаний.

4. В качестве отличительного признака специалиста от эксперта можно использовать объект, на который направлено их исследование. Мы разделяем применительно к этому признаку позицию профессора А.И. Винберга и других авторов, считающих, что критерием отнесения объектов к компетенции специалиста будет отсутствие необходимости в их лабораторном (экспертном) исследовании². Хотя специалистом и могут быть проведены определенные исследования, но они ни по своему объему, ни по временным затратам, ни по своим задачам не могут идти ни в какое сравнение с исследованием, которое проводит эксперт.

На наш взгляд, очевидным пробелом уголовно-процессуального законодательства является отсутствие в нем регламентации процессуального положения педагогов и психологов, которые на практике активно используются в работе с несовершеннолетними подозреваемыми (обвиняемыми). Обладающие определенными знаниями в области психологии и педагогики, эти лица являются специалистами, речь о которых идет в ст. 58 УПК РФ. То же самое касается и переводчика, правовая регламентация которого определена в ст. 59 УПК РФ. По нашему мнению, деятельность переводчика, направленная на оказание помощи лицам, не владеющим языком российского судопроизводства, следует считать специальной.

Мы предлагаем внести коррективы в ст. 58 для устранения в ней имеющихся пробелов, затрудняющих эффективное использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве.

Во-первых, сформулированное законодателем в ч.1 ст. 58 УПК РФ понятие «специалист» вызывает определенные вопросы. Например, указывая на то, что специалист – это лицо, обладающее специальными знаниями, законодатель в то же время не уточняет, о каких специальных знаниях идет речь. Формулировка «применение технических средств в исследовании материалов уголовного дела» остается непонятной. С учетом вышеназванных обстоятельств мы предлагаем изложить часть 1 ст. 58 УПК РФ в следующей редакции: «Специалист – это не за-

¹ См.: Иванов Е. Использование заключения специалиста в доказывании по уголовным делам // Законность. 2010. № 9. С. 58.

² См.: Винберг А.И. Специалист в процессе предварительного расследования // Проблемы судебной экспертизы. 1961. №1. С.42.

интересованное в исходе дела лицо, обладающее специальными знаниями в науке, технике, искусстве, ремесле и иных сферах деятельности, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном УПК РФ, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, в исследовании материалов уголовного дела путем применения технических средств, для постановки вопросов эксперту, а также для дачи консультаций сторонам по вопросам, входящих в его профессиональную компетенцию».

Следующим важным моментом является необходимость установления единого процессуального порядка привлечения специалиста к участию в деле. Для этого необходимо в ч. 2 ст. 58 УПК РФ указать: «При вызове специалиста и его участии в уголовном деле следователь, дознаватель или судья выносит постановление, а суд – определение».

Часть 3 ст. 58 УПК РФ, регламентирующая права специалиста, также требует уточнения. Весьма полезным мог бы оказаться в ней пункт, позволяющий специалисту обращать внимание следователя на обстоятельства, способствующие раскрытию преступления. Такая инициатива вряд ли повредит интересам следствия и не будет умалять процессуальную роль следователя, несущего персональную ответственность за ход и результаты расследования.

Также обращает на себя внимание тот факт, что в ч. 4 ст. 58 УПК РФ кроме неуклонения специалиста от явки по вызовам дознавателя, следователя, в суд, а также неразглашения им данных предварительного расследования законодателем не установлено больше никаких обязанностей для данного участника. Отдельные нормативные требования, обязывающие специалиста руководствоваться их предписаниями, содержатся в различных статьях УПК РФ, создавая тем самым хаос и неопределенность в его процессуальном положении. Целесообразнее было бы дополнить часть 4 ст. 58 УПК РФ, прописав в ней все основные обязанности специалиста, как это сделано, например, в отношении правового положения эксперта.

Подводя итог вышеизложенному, необходимо констатировать, что специалист как участник уголовного судопроизводства может и должен активно привлекаться к участию в расследовании преступлений. Эффективное использование специальных познаний подтверждается длительной советской и российской процессуальной практикой, наметившей дальнейшие пути развития данного института. В условиях роста высоких технологий и их первостепенной роли в современном мире законодателю необходимо уделить институту специалистов особое внимание, а также разработать более четкие и конкретные формы, регулирующие его практическое применение.

Литература:

1. Винберг А.И. Специалист в процессе предварительного расследования // Проблемы судебной экспертизы. 1961. № 1.
2. Иванов Е. использование заключения специалиста в доказывании по уголовным делам // Законность. 2010. № 9.
3. Лисиченко В.К., Циркаль В.В. Использование специальных знаний в следственной и судебной практике. Киев, 1987.
4. Сорокотягин И.Н. Специальные познания в расследовании преступлений. Ростов на/Д, 1984.
5. Шиканов В.И. Актуальные вопросы уголовного судопроизводства и криминалистики в условиях современного научно-технического прогресса. Иркутск, 1978.
6. Якимович Ю.К. Использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве: формы и критерии допустимости // Проблемы уголовно-процессуальной науки XXI века: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. Ижевск, 2013.

УДК 343.573

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЛЕДСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ
В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ
НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ**

*Андрей Олегович Откидач, заместитель начальника отдела
Следственного департамента ФСКН России,
кандидат юридических наук*

Статья посвящена актуальным проблемам расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, а также судебной практике, складывающейся в этом направлении в условиях современного законодательства. На обозначенные проблемы автор предлагает возможные пути их решения в целях совершенствования процесса предварительного следствия преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков.

Ключевые слова: расследование преступлений; проблемы предварительного следствия; досудебное производство по уголовным делам; незаконный оборот наркотиков; наркотические средства и психотропные вещества.

**ACTUAL PROBLEMS OF CRIME INVESTIGATION IN THE SPHERE
OF COUNTERACTION TO ILLEGAL CIRCULATION OF NARCOTICS
AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES**

Otkidach Andrey Olegovich, Investigatory department FSKN of Russia, deputy department head, *Kandidat nauk* degree in Law (Moscow)

The paper deals with actual problems of crime investigation in the sphere of illegal circulation of narcotics. The author has analyzed court practice in this direction under the conditions of current legislation and offers some possible ways of solving the above mentioned problems directed to the perfection of pretrial investigation process concerning crimes in the sphere of illegal circulation of narcotics.

Keywords: crime investigation; pretrial investigation problems; pre-judicial production on criminal cases; illegal circulation of narcotics; narcotics and psychotropic substances.

При раскрытии и расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ следователи сталкиваются с раз-

личными проблемами организационного, правового и иного характера, которые оказывают негативное влияние на эффективность процесса расследования.

Целью настоящей статьи является краткий обзор наиболее актуальных проблем указанного порядка и рассмотрение возможных путей их решения.

Особенности возбуждения, расследования и судебного рассмотрения уголовных дел по материалам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 6.8, 6.9, 20.20 КоАП РФ.

Категория уголовных дел, возбужденных по материалам об административных правонарушениях (немедицинское потребление наркотических средств и хранение наркотических средств менее крупного размера), по нашему мнению, изначально не имеет судебной перспективы, так как отсутствует наркотическое средство - предмет экспертного исследования.

При этом в используемом для применения норм КоАП РФ протоколе медицинского освидетельствования указывается только вид наркотического средства (опиаты, каннабиноиды, синтетический наркотик), что недостаточно для уголовно-правовой квалификации.

Вместе с тем распространено мнение о том, что содержащийся в постановлении судьи по делу об административном правонарушении вывод о незаконном потреблении наркотических средств свидетельствует об их возможном сбыте.

Однако общеизвестен факт, что судебная практика по таким делам исходит из обратного: если отсутствует наркотическое средство, обладающее определенными характеристиками (медицинский критерий, вид, размер), следовательно, отсутствует и состав преступления.

Таким образом, полагаем, что при решении вопроса о возбуждении уголовных дел по фактам сбыта наркотиков следует учитывать не только сложившуюся судебную практику, но и положения п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами», предусматривающего обязательное наличие экспертного заключения о размере и виде наркотических средств.

Следует отметить, что в большинстве случаев в актах медицинского освидетельствования имеется указание, что у лица выявлено наркотическое опьянение наркотиком, отнесенным к определенной группе (опиаты, каннабиноиды и т.д.), а количество употребленного наркотика и его конкретный вид фактически устанавливаются только из показаний лица, его употребившего, и никакими другими объективными данными не подтверждается. В таких случаях, по нашему мнению, во внимание должно приниматься то обстоятельство, что на стадии рассмотрения дела об административном правонарушении (2-10 дней с момента выявления) преждевременно принимать процессуальное решение о возбуждении уголовного дела, поскольку объективными данными о сбыте наркотика лицу, его употребившего, следователь не располагает.

Одновременно с этим при расследовании уголовных дел о содержании наркопритонов нередки случаи, когда лица, потреблявшие наркотические средства в этих притонах, задержанные после этого в состоянии наркотического опьянения и привлеченные к административной ответственности по ст. 6.9 КоАП РФ, указывают на держателя притона как на лицо, сбывшее им наркотик. Тем не менее, полагаем, что в этом случае данных, достаточных для квалификации действий держателя наркопритона по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 232 и ст. 228.1 УК РФ, недостаточно, поскольку сбытое им вещество было употреблено, и возможность экспертным путем установить его принадлежность к наркотическим средствам (психотропным, сильнодействующим веществам), а также количество отсутствует.

Так, с января 2011 г. по март 2013 г. территориальными органами ФСКН России возбуждено 24 409 уголовных дел по ч.1 ст. 228.1 УК РФ. Из них 2472, или 10 %, возбуждены по материалам, выделенным из дел об административных правонарушениях, по которым судами вынесено только пять обвинительных приговоров, по двум другим уголовным делам эпизоды преступной деятельности суд счел недоказанными и уголовное преследование прекратил. Остальные уголовные дела приостановлены по п.1 ч.1 ст. 208 УК РФ либо прекращены по ст. 24 УПК РФ.

На основании изложенного предлагаем рассмотреть возможность обсуждения Пленумом Верховного Суда РФ и внесения в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» дополнительных разъяснений по указанному вопросу.

Трудоемкость процедуры, связанной с изготовлением следователем при продлении сроков содержания под стражей обвиняемых, копий процессуальных документов.

Каждый раз при продлении таких сроков следователь должен представлять в суд копии материалов дела, необходимые для рассмотрения данного вопроса. При повторном продлении сроков, следователь снова представляет копии в основном одних и тех же документов. И так при каждом продлении. Учитывая длительность предварительного расследования по уголовным делам о преступлениях, совершенных членами организованных преступных групп или преступных сообществ, большое количество обвиняемых лиц по ним, к продлению сроков следователь должен каждый раз представлять в суд 10-15 томов таких материалов. На это уходят не только значительные средства, но и не менее недели тех самых сроков, за продлением которых необходимо обращаться.

Так, например, за последние пять лет практически 90 % уголовных дел, находившихся в производстве следователей Следственного департамента ФСКН России, принадлежат именно к рассматриваемой категории.

В целях решения данной проблемы предлагается рассмотреть вопрос о создании в судах «наблюдательных дел», подобных наблюдательным делам прокуратуры. Это позволит прежде всего обеспечить преемственность решений суда, когда при принятии каждого последующего решения у судьи будут иметься материалы предыдущих решений по делу со всеми вопросами и проблемами, разрешенными в ходе ранее состоявшихся судебных заседаний, а также избежать излишних затрат на осуществление уголовного судопроизводства и многократного копирования одних и тех же материалов уголовных дел.

Совершенствование структуры и содержания обвинительного заключения, а также способов изложения в нем доказательств.

Пунктом 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» предписано включение в текст обвинительного заключения перечня доказательств, подтверждающих обвинение, и перечня доказательств, на которые ссылается сторона защиты по каждому обвиняемому и по каждому эпизоду обвинения. Разъяснение понятное и, очевидно, продиктованное стремлением внести ясность в итоговый документ предварительного следствия.

Вместе с тем при расследовании уголовных дел по преступлениям, особенно совершенным членами организованных преступных групп и преступных сообществ, объем обвинительного заключения многократно возрастает, при этом основное содержание данного документа составляют повторяющиеся блоки текста, поскольку доказательства совершенных в составе организованной группы престу-

плений для всех соучастников идентичны. Такой подход приводит к тому, что объем обвинительного заключения становится намного больше объема самого уголовного дела. Наиболее яркий тому пример – уголовное дело по обвинению 39 членов преступного сообщества Судакова-Старостина, расследуемое следователями Следственного департамента ФСКН России. Принимая во внимание, что копия обвинительного заключения подлежит вручению каждому обвиняемому, потребовалось изготовить более 700 томов копий¹. Все это приводит к возрастающим в геометрической прогрессии неэффективным расходам на изготовление и печать оригинала документа и его копий, а также к гигантским расходам на оплату услуг переводчиков.

В связи с этим предлагаем рассмотреть вопрос о внесении изменений в п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», чтобы имеющиеся положения указанного толкования не препятствовали разумной компоновке доказательств в обвинительном заключении, не в ущерб, разумеется, его содержанию.

Проблема практики привлечения понятых к производству отдельных следственных действий.

В соответствии с ч. 1 ст. 170 УПК РФ следователь обязан производить определенные следственные действия с привлечением не менее двух понятых без учета объективной необходимости их участия в следственном действии, что, с одной стороны, ограничивает процессуальную самостоятельность следователя, а с другой – необоснованно увеличивает процессуальные издержки.

Понятой в уголовном судопроизводстве выполняет удостоверительную функцию для обеспечения гарантий достоверности результатов следственных действий и является лицом не заинтересованным в исходе уголовного дела. В то же время производство следственных действий нередко требует от понятых определенных специальных познаний, которые зачастую у них отсутствуют.

В современных условиях от момента проведения следственного действия с участием понятых до судебного заседания проходит, как правило, несколько месяцев, а иногда и годы, особенно если речь идет о расследовании уголовных дел о преступлениях, совершенных преступными сообществами (преступными организациями). Это приводит к тому, что в суде понятые не в состоянии вспомнить порядок проведения следственного действия, а лишь могут только удостоверить свою подпись в процессуальном документе.

Кроме того, условия, в которых производится расследование, не всегда позволяют обеспечивать возможность незамедлительного обеспечения участия понятых в следственном действии, требующем неотложного выполнения.

Представляется, что институт понятых в российском уголовном судопроизводстве может стать факультативным. В настоящее время уже осуществляются первые шаги в этом направлении. Так, 18 мая 2012 г. Государственной Думой в первом чтении принят проект соответствующего федерального закона². Законопроектом, в числе прочего, предлагается заменить институт понятых при проведении отдельных следственных действий на процессуальную фиксацию этих дей-

---

¹ Уголовное дело № 200698277-2009 // Управление ФСКН России по Самарской области.

² См.: Законопроект № 33012-6 «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» об уточнении порядка проверки сообщения о преступлении и привлечения понятых к участию в отдельных следственных действиях, а также о сокращенной форме дознания. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(SpravkaNew\)?OpenAgent&RN=33012-6&02](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(SpravkaNew)?OpenAgent&RN=33012-6&02)

ствий с использованием технических средств, предоставив следователю право самостоятельно выбирать способ удостоверения хода и результатов следственного действия, за исключением лишь трех следственных действий – обыска, личного обыска и опознания, при которых присутствие понятых является обязательным.

На наш взгляд, введение такого порядка обосновано и будет способствовать быстрому и эффективному расследованию уголовных дел.

Проблема неточности отдельных формулировок Обзора судебной практики Верховного Суда РФ по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ.

Президиумом Верховного Суда РФ 27 июня 2012 г. утвержден Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ.

Как показали отзывы представителей территориальных следственных органов ФСКН России, в связи с изданием указанного обзора многие проблемы удалось снять. Вместе с тем не все актуальные вопросы нашли свое отражение в обзоре. Как указано в преамбуле, обзор подготовлен в целях обеспечения правильного и единообразного применения судами законодательства при рассмотрении уголовных дел указанной категории.

При решении вопроса о размере наркотических средств (крупный или особо крупный) из Списка I, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 7 февраля 2006 г. № 76 «Об утверждении крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ для целей статей 228, 228.1 и 229 Уголовного кодекса Российской Федерации», суды должны исходить из общего количества смеси (в граммах), содержащихся в ней наркотического средства и нейтральных компонентов (мука, крахмал, табак, тальк и т.п.), а не из количества содержащегося в смеси наркотического средства (в граммах) в чистом виде¹.

В то же время некоторые суды расширительно трактуют указанные положения, применяя их к наркотическому средству маковая соломка, содержащемуся в качестве примесей в семенах растения мак.

В 2012 г. зафиксировано 709 фактов изъятия наркотических средств, замаскированных под пищевую мак, в ходе которых изъято более 985 кг маковой соломки, более 80 кг опия. Общее количество изъятых семян мака составило более 277 т. Всего выявлено 2047 преступлений, связанных с распространением наркотиков под видом пищевого мака (2,6 % от общего количества выявленных органами наркоконтроля преступлений).

Так, региональным Управлением ФСКН России по Хабаровскому краю, где преступления, связанные с распространением наркотических средств, замаскированных под пищевую мак, ранее не выявлялись, в течение 2012 г. выявлено и расследовано пять таких преступлений, четыре из которых предусмотрены ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 228.1 УК РФ, одно – ч. 2 ст. 232 УК РФ.

Однако, как показывает следственная практика, семена растения мак не употребляются наркозависимыми лицами, а после вываривания наркотика просто выбрасываются. Следовательно, семена мака не могут учитываться при определении количества смеси наркотического вещества.

---

¹ См.: пункт 1 Обзора судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ // СПС «КонсультантПлюс».

Принимая во внимание, что для многих правоприменителей рекомендации Верховного Суда РФ являются своего рода ориентиром в практической деятельности, предлагаем рассматриваемый пункт обзора дополнить соответствующими уточнениями.

Изменение законодательства в связи с началом функционирования Таможенного союза в рамках Евразийского экономического сообщества (Белоруссии, Казахстана и России) и формирование новой судебной практики.

В связи с принятием федеральных законов от 2 июня 2010 г. № 114-ФЗ «О ратификации Договора о Таможенном кодексе Таможенного союза» и от 7 ноября 2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» утратило силу Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 2008 г. № 6 «О судебной практике по делам о контрабанде» (согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 14 июля 2011 г.).

Кроме того, Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» кардинально изменена уголовно-правовая оценка действий, квалифицируемых как контрабанда (введены статьи 226.1 и 229.1 УК РФ).

Так, по итогам 2012 г. только органами наркоконтроля в суд направлено 206 уголовных дел о контрабанде сильнодействующих веществ (ст. 226.1 УК РФ) и 348 дел о контрабанде наркотиков (ст. 229.1 УК РФ), что свидетельствует о достаточно активной работе на данном направлении деятельности. В связи с этим представляется целесообразным вынесение на рассмотрение Пленума Верховного Суда РФ вопроса о практике применения судами законодательства о контрабанде.

Судами не всегда используется возможность рассмотрения уголовного дела в отношении одного обвиняемого с предельным сроком содержания под стражей, и возврат таких уголовных дел, при наличии формальных оснований, на дополнительное расследование для соединения с другими делами нередко приводит к освобождению этого обвиняемого из-под стражи.

Например, при расследовании дел о преступлениях, совершенных преступными сообществами (преступными организациями), практически никогда не удастся задержать и привлечь к ответственности всех членов такого сообщества одновременно. В конце расследования, перед направлением уголовного дела в суд, из него обычно выделяются в отдельное производство дела в отношении оставшихся на свободе участников. Однако нередки случаи, когда к моменту направления дела в суд удастся установить и задержать еще ряд членов преступного сообщества. Тогда суд использует свое право, предусмотренное п. 4 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, – возвращать уголовное дело прокурору для соединения в одно производство. Однако к этому времени установленные ст. 109 УПК РФ предельный – 18-месячный срок содержания под стражей ранее задержанных обвиняемых истекает. И если суд, подойдя к вопросу формально, поступает таким образом, у следствия не останется никакой законной альтернативы немедленному освобождению обвиняемых, предельный срок содержания которых под стражей истек. Продление судом до максимально возможных сроков содержания обвиняемых под стражей перед возвращением дела для дополнительного расследования также не всегда может спасти ситуацию.

В связи с этим целесообразно поставить перед законодателем вопрос о предоставлении суду права по своему усмотрению, при наличии оснований, предусмотренных ст. 153 УПК РФ, соединять либо рассматривать совместно, в одном судебном заседании, такие дела, при условии их поступления в суд до окончания судебного следствия по одному из дел.

Проблема отсутствия единообразной практики рассмотрения судами ходатайств о наложении ареста на имущество.

При расследовании уголовных дел о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков, органами предварительного следствия изымаются автомашины, которые использовались для перевозки наркотиков. Поскольку такие автомашины являются в большинстве случаев средством совершения преступлений, органы предварительного следствия признают их вещественными доказательствами.

В целях сохранения самого вещественного доказательства, а также следов совершения преступления (например, скрытые конструктивные полости автомашин, используемые в качестве тайников для перевозки наркотиков) следователь, руководствуясь ч. 3 ст. 115 УПК РФ, выходит в суд с ходатайством о наложении ареста на имущество.

Однако нередко суды отказывают в удовлетворении таких ходатайств, мотивируя это тем, что признание их вещественным доказательством является достаточной мерой обеспечения сохранности имущества.

Вместе с тем, отсутствие запретительных мер распоряжения таким имуществом в ряде случаев приводит к утрате следов преступления. Например, в случае, когда обвиняемый в наркопреступлении перевозит наркотики в автомашине, управляемой по доверенности, то по решению суда она возвращается непосредственному владельцу, который может распорядиться ею по своему усмотрению (например, продать, передать другому владельцу либо уничтожить).

Представляется целесообразным в целях обеспечения сохранности следов и орудий преступления предложить Верховному Суду РФ обсудить на соответствующем пленарном заседании вопрос о рассмотрении судами ходатайств органов предварительного расследования о наложении ареста на автомобили, используемые для перевозки наркотических средств.

Проблема прекращения права собственности на жилое помещение в случае его использования при совершении преступлений не по целевому назначению (для содержания наркопритона).

Анализ наркоситуации, связанный с притоносодержанием, показывает, что добиться стабильности, и тем более достичь снижения количества этого криминогенного явления либо его рецидива, одними мерами уголовной и административной ответственности невозможно. В связи с этим необходимо более активно использовать меры гражданского и жилищного законодательства, которые позволяют прекратить права собственности на бесхозяйственное содержание жилого помещения и использование его не по целевому назначению.

В январе 2012 г. кассационная инстанция Белгородского областного суда оставила без удовлетворения жалобу организатора наркопритона, которого районный суд признал утратившим право пользования жилым помещением без предоставления иного жилья, такое решение было основано на установленном факте нецелевого использования квартиры. Решение о его выселении вступило в законную силу¹.

Считаем необходимым консолидировать потенциал всех правоохранительных органов, органов местного самоуправления, прокуратуры и суда для активизации работы по пресечению и профилактике деятельности, связанной с организацией и содержанием наркопритонов, а также обеспечить указанную правоприменительную практику на территории Российской Федерации.

---

¹ Уголовное дело 2010 г. // Управление ФСКН России по Белгородской области.

О введении в уголовный процесс сокращенной формы досудебного производства и применении отсрочки отбывания наказания для лиц, больных наркоманией.

Существующая процедура расследования уголовных дел, в частности по очевидным преступлениям небольшой и средней тяжести (в том числе подследственных ФСКН России), излишне формализована и часто приводит к необоснованному затягиванию процессуальных сроков. В связи с этим целесообразность введения в уголовный процесс сокращенной формы досудебного производства не вызывает сомнений, что отмечено пп. «в» п. 1 Перечня Президента РФ от 6 ноября 2011 г. № Пр-3318. Соответствующий законопроект (№ 33012-6 «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации») внесен Президентом Российской Федерации в Государственную Думу и принят в первом чтении¹. Введение в действие такого механизма, на наш взгляд, будет способствовать эффективному судопроизводству и устранению фактов волокиты.

По нашему мнению, заслуживает внимания вопрос об одновременном законодательном закреплении возможности применения положений ст. 82¹ УК РФ к осужденным, страдающим наркоманией, при расследовании уголовных дел, в отношении которых может использоваться сокращенная форма досудебного производства. Полагаем, что введение соответствующих изменений будет дополнительно мотивировать наркозависимое лицо, совершившее преступление, пройти курс лечения и медико-социальной реабилитации, а также послужит дополнительным условием для сокращения сроков расследования уголовных дел определенной категории.

В заключение следует отметить, что обозначенный список вопросов не охватывает всех проблем, с которыми сталкивается следователь при расследовании уголовного дела. Вместе с тем с уверенностью можно сказать, что практическая реализация предлагаемых нами мер позволит сделать процесс расследования более целенаправленным и эффективным.

УДК 343.615.8

ИСТОРИЯ ПРИМЕНЕНИЯ МЕДИЦИНСКИХ ЗНАНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ. ТОЛКОВАНИЕ ТЕРМИНА «ВРЕД ЗДОРОВЬЮ»

*Владимир Вениаминович Прутовых, профессор кафедры
Дальневосточного юридического института МВД России
кандидат медицинских наук, доцент, заслуженный работник высшей школы РФ*

Исследование истории применения медицинских знаний в уголовном судопроизводстве показало, что судебная медицина и уголовное право взаимно обуславливают друг друга. Изменение законодательной базы России в 1990-е гг. повлекло трансформацию термина «телесное повреждение» во «вред здоровью». Предложено современное его толкование, показана необходимость изменения названия и содержания Правил определения степени тяжести вреда здоровью.

¹ Дневное пленарное заседание Госдумы 18 мая 2012 г. URL: http://www.duma.gov.ru/news/273/155200/?sphrase_id=536221

Ключевые слова: преступления против здоровья; уголовное право; телесные повреждения; судебно-медицинская экспертиза; вред здоровью; правила определения степени тяжести вреда здоровью.

HISTORY OF APPLICATION OF MEDICAL KNOWLEDGE IN CRIMINAL TRIAL. INTERPRETATION OF THE TERM «HARM TO HEALTH»

Prutovikh Vladimir Veniaminovich, Far Eastern Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation chair professor, *Kandidat nauk* degree in Medicine, associate professor

History research of application of medical knowledge in criminal trial testifies that forensic medicine and criminal law mutually lead to each other. The change of the legislation of Russia in 90th years resulted in the transformation of the term "body harm" to «health harm». The author offers its current interpretation and the necessity to change the name and meaning, as well as the rules of determination of severity level of health harm.

Keywords: crimes against health; criminal law; body harm; forensic medical examination; health harm; rules of determination of severity level of health harm.

В современное законодательство с 1993 г. введен новый термин «вред здоровью». Однако, как отмечается в научной литературе, для теории уголовного права, судебной медицины и, что наиболее важно, для правоприменительной практики вопрос о содержании этого понятия остается дискуссионным¹.

Одним из методов, позволяющих приблизиться к решению данной проблемы, является исследование истории происхождения (этимологии) понятия «вред здоровью». Под историческим способом толкования, как следует из работы А.Ф. Черданцева, «понимается объяснение смысла норм права, связанное с историей возникновения толкуемых норм. Наибольшее значение имеют источники, относящиеся непосредственно к законодательному процессу. Установленные обстоятельства служат аргументами для подтверждения или опровержения выдвигаемых тезисов»².

В законодательных актах Древней Руси (Договоры Олега с греками 911 г. и князя Игоря 945 г.) содержатся положения, предусматривающие ответственность за причинение повреждений человеку, и упоминается об использовании медицинских знаний для решения правовых вопросов³. В указанных и последующих законодательных актах (Русская Правда, Двинская Правда, Уложение Алексея Михайловича 1649 г. и др.) перечень преступных последствий для здоровья имел формализованный (казуистический) характер: «повредят руку, отпадет рука или

¹ См.: Бедрин Л.М. О содержании и трактовке понятий «здоровье», «вред здоровью» и критериев степени их тяжести // Суд. мед. эксперт. 1996. № 3. С 19-22; Галюкова М.И. Уголовно-правовые признаки причинения вреда здоровью. Челябинск, 2007; Зубкова В.И. Ответственность за преступления против личности по законодательству России. М., 2005. С. 84; Прутовых В.В. К вопросу о медико-юридическом толковании термина «вред здоровью» // Актуальные проблемы уголовного права и криминалистики: сб. науч. ст. Вып.19. М.: Юрид. ин-т МИИТА, 2012. С. 37-42; Шарапов Р.Д. Преступное насилие. М., 2009; Филатова О.Н. Уголовно-правовое и криминологическое противодействие преступлениям, причиняющим вред здоровью человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2010.

² Черданцев А.Ф. Вопросы толкования советского права: учеб. пособие. Свердловск, 1972. С. 157.

³ См.: Кодан С.В. Формирование и развитие системы законодательства в России: основные этапы (IX - начало XX века) // Рос. юрид. журнал. 2012. № 1. С. 171-178.

усохнет; причинит кровавые раны (язвы, снаружи тела нанесенные) или синяки от побоев; отсечет палец, руку, или ногу, или нос, или ухо, или губы обрежет, или глаз выколет и т.д.»¹.

В Московском государстве, начиная с XI в., проводились медицинские освидетельствования потерпевших. В качестве примера М.И. Авдеев приводит заключение одного из них: «...И лекарь Елизарий осматриван был, а по осмотру бит по спине, на правом боку вспухло и синево знать...»².

Дальнейшее развитие права повлекло увеличение количества повреждений, за причинение которых предусматривалась уголовная ответственность. Законоуложение 1845 г. подразделяло преступные последствия еще и на «увечья, раны, побои, истязания, мучения, причинение расстройства здоровью и расстройство умственных способностей»³, что делало законодательную базу громоздкой, бессистемной и сложной для правоприменителя.

Судебная реформа 1864 г. сыграла прогрессивную роль в совершенствовании судебно-медицинской научной и практической деятельности. Судебные процессы стали состязательными, гласными, и для решения вопросов медицинского характера, возникающих у правосудия, в процесс судопроизводства стали привлекаться сведущие лица – врачи.

К моменту принятия Законоуложения 1903 г. в результате совместной деятельности юристов и судебных медиков основные, юридически значимые преступные последствия для здоровья потерпевших были систематизированы. Содержание статей нового закона конструировалось уже по оценочному принципу, где преступления, сопровождающиеся причинением повреждений человеку, были выделены в отдельную главу «**О телесном повреждении и насилии над личностью**». Следует заметить, что ввиду наличия других преступлений, также характеризующихся причинением повреждений иным объектам, охраняемым законом, в целях их разграничения, преступления, сопровождающиеся причинением повреждений человеку, были названы «**телесные повреждения**». Характеризуя название данного вида преступлений, А.С. Пиголкин указывает, что «термины "тяжкое телесное повреждение", "легкое телесное повреждение" и им подобные возникли на основе медицинской терминологии. Но в уголовном законодательстве им было придано определенное, очень четкое юридическое содержание – они были использованы для обозначения вполне определенных составов преступлений, влекущих те или иные юридические последствия»⁴.

Таким образом, Уголовное уложение 1903 г. обозначило в законодательном пространстве новый вид преступлений – **телесные повреждения**. Они квалифицировались как «**весьма тяжкие**» – повлекшие расстройство здоровья, опасное для жизни, душевную болезнь, потерю зрения, слуха, языка, руки или ноги, производительной способности; «**тяжкие**» – повлекшие расстройство здоровья, не опасное для жизни, но нарушившие функции органа, и «**легкие**» – охватывающие всякое иное расстройство здоровья»⁵.

Установление признаков названных преступлений невозможно было без использования медицинских знаний. Привлекаемые в судопроизводство врачи выполняли свои обязанности как эксперты, руководствуясь специально разработан-

¹ Галюкова М.И. Развитие отечественного законодательства об уголовной ответственности за причинение вреда здоровью // Социальное и пенсионное право. 2006. № 2.

² Авдеев М.И. Курс судебной медицины. М.: Юриздат, 1959. С. 13.

³ Кодан С.В. Указ. соч.

⁴ Язык закона / под ред. А.С. Пиголкина. М.: Юрид. лит., 1990. С. 89.

⁵ См.: Филатова О.Н. Категория «вред здоровью»: вопросы теории и практики // Вестник Тамб. ун-та. Сер. «Гуманитарные науки». Вып. 2 (58). 2008. С.472-479.

ными правилами для судебно-медицинской оценки повреждений применительно к действующему на тот момент законодательству¹.

В правилах соблюдалось лексическое значение терминов, предусматривающее толкование понятия «телесное повреждение» как вида преступления. Правила обязывали эксперта установить лишь факт наличия повреждения, причинную его связь с наступившим последствием для здоровья потерпевшего в соответствии с перечнем, приведенным в диспозиции статей закона. Юристы, с учетом заключения эксперта, квалифицировали деяние как «весьма тяжкое, тяжкое или легкое телесное повреждение»².

После революции 1917 г. и гражданской войны правовые проблемы решались ревтрибуналами и чрезвычайными комиссиями, где главным аргументом в борьбе за торжество истины, как писал В. Маяковский, было «ваше слово, товарищ маузер!». Все государственные институты подверглись революционному преобразованию. В «Руководящих началах по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р.» было указано, что «пролетариат сломал буржуазный государственный аппарат, со всеми его органами, армией, полицией, судом и церковью. **Без особых правил, без кодексов** вооруженный народ справляется со своими угнетателями»³. Декрет о суде 1917 г. указал: «Упразднить донныне существовавшие институты судебных следователей, прокурорского надзора и адвокатуры. В роли же обвинителей и защитников допускаются все неопороченные граждане обоего пола, пользующиеся гражданскими правами». Кроме того, «в начале 1919 г. все юридические факультеты в стране были закрыты, а вместо них организованы юрико-политические отделения на факультетах общественных наук. Правовые дисциплины преподавались там под названиями «Психология правовых переживаний», «Техника юридического мышления», «Учение о правосознании» и т.п.⁴.

Можно допустить, что из-за отстранения от следственной деятельности представителей «буржуазной школы правосудия» и слабой профессиональной подготовки юристов-выпускников шестимесячных политико-юридических курсов единственным образованным специалистом, имеющим опыт работы по расследованию насильственных преступлений против жизни и здоровья, на кого не распространялось «упразднение», оказался судебно-медицинский эксперт. Как отмечается в литературе, освещающей тот исторический период, «на практике, старые судебные врачи, имевшие знания и опыт, не только легко справлялись с делом медицинской экспертизы в новых условиях работы, но и являлись руководителями в этой области милиции и следователей, только что призванных к деятельности»⁵.

В 1921 г. было принято Постановление «О судебно-медицинских экспертах», в котором указывалось, что эксперт «...является научным судьей фактов, ...заключения его получают обязательную силу и значение для лиц, органов и учреждений»⁶. Как видно из постановления, эксперт на тот момент фактически наделялся правами по юридической оценке полученной информации.

¹ См.: Ипполитов С.Н. Сборник законоположений с судебно-медицинским исследованием: справ. книга для судеб. врачей. СПб., 1910.

² Зубкова В.И. Ответственность за преступления против личности по законодательству России. М., 2005. С.92.

³ Цит. по: Уголовно-правовое воздействие: монография / под ред. А.И. Рапога. М.: Проспект, 2012. С.288.

⁴ См.: Пиголкин А.С. Теория государства и права: учебник. М.: Городец, 2003. С. 25.

⁵ Гаврилов Л.Г., Петров В.В. Судебно-экспертные учреждения России и СССР в период 1917-1941 гг. // Эксперт-криминалист. 2006. № 3.

⁶ Постановление Наркомздрава и Наркомюста от 24 октября 1921 г. // СУ. 1921. № 75. Ст. 616.

В 1922 г. были приняты Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РСФСР. Статьи Уголовного кодекса об ответственности за причинение повреждений были объединены в главе «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности». Указанные преступления подразделялись на **тяжкие, менее тяжкие и легкие**.

Параллельно с УК были введены в действие Правила для составления заключений о тяжести повреждений¹. В силу недостатка профессиональных юристов, в Правилах было указано, что «в целях правосудия эксперт **обязан** определить тяжесть повреждения согласно принятой в Уголовном кодексе классификации – тяжкое оно, менее тяжкое или легкое». Таким образом, утвердивший Правила Наркомюст, обязав судмедэкспертов давать юридическую оценку фактам, легализовал их право квалифицировать преступления против жизни и здоровья.

По мере развития социалистических общественных отношений, при которых человек в обществе стал его частью, собственностью, «винтиком» и был обязан, из сознания необходимости, трудиться на общую пользу, была введена уголовная ответственность за «паразитический образ жизни». В этот исторический период причинение вреда здоровью трудящегося расценивалось как вредительское деяние по отношению к обществу. Общественная его опасность заключалась еще и в том, что потерпевший приобретал законное основание не быть использованным в общественном производстве. Этот период характеризуется появлением большого количества работ, посвященных экспертизе случаев самоповреждений, членовредительства, симуляций, искусственных и притворных болезней². С учетом этого в УК РСФСР 1926 г., который подразделял преступления против здоровья на тяжкие и легкие, был введен новый квалифицирующий признак тяжкого телесного повреждения – «расстройство здоровья, соединенное со значительной потерей трудоспособности». Наказание за основной состав такого преступления по ст. 142 предусматривалось уже не до трех, как в УК РСФСР 1922 г., а до восьми лет лишения свободы.

В связи с принятием нового УК, в 1928 г. вступили в действие и новые Правила для составления заключения о тяжести повреждения³. Содержание новых Правил существенно отличалось от предыдущих тем, что они давали толкование и вносили положения, существенно изменяющие содержание некоторых статей УК. На правах законодателя Правила определяли понятие «значительная потеря трудоспособности» как расстройство здоровья, соединенное с потерей трудоспособности более 1/3 при тяжких и менее 1/3 при легких телесных повреждениях. При определении утраты трудоспособности Правила рекомендовали пользование группами инвалидности и таблицей процентов утраты трудоспособности, принятыми в медицине.

Этот ведомственный документ хотя и назывался «Правила для составления заключения о тяжести повреждения», так же, как и ранее, обязывал экспертов квалифицировать телесные повреждения как преступления в соответствии с УК РСФСР.

Пятидесятые годы XX столетия характеризовались появлением симптомов демократизации социалистического общества; сменилось руководство страны, освобождались узники ГУЛАГа, сельским жителям начали выдавать паспорта,

---

¹ Утверждены Наркомюстом и Наркомздравом РСФСР, циркуляр НКЮ от 16 ноября 1922 г. № 146.

² См.: Авдеев М.И. Судебно-медицинская экспертиза живых лиц. М., 1968. С 175-218.

³ Утверждены Наркомздравом и Наркомюстом РСФСР 27 января 1928 г. См.: Организационно-методические материалы по судебно-медицинской экспертизе. М.: Медгиз, 1960. С. 219.

заметно снизилась «продуктивность» 58-й статьи УК. Назрела необходимость юридического закрепления демократических преобразований.

В 1960 г. вступил в действие новый Уголовный кодекс РСФСР, который вновь стал делить преступления против здоровья на тяжкие, менее тяжкие и легкие телесные повреждения или побои. В УК был введен новый квалифицирующий признак тяжкого телесного повреждения – прерывание беременности. Кроме того, в диспозицию статей из Правил 1928 г. был привнесён квалифицирующий признак «стойкая утрата трудоспособности». К менее тяжким телесным повреждениям закон относил деяния, повлекшие длительное расстройство здоровья или стойкую утрату трудоспособности менее чем на 1/3. Легкие телесные повреждения или побои подразделялась на две части. Часть первая предусматривала ответственность за причинение повреждений, повлекших кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату трудоспособности, и часть вторая – не повлекших указанных последствий.

Законодатель не давал толкования декларируемым в названных статьях квалифицирующим признакам. Разъяснения, а правильное будет сказать дополнения к УК, давали вышедшие в 1961 г. «Правила определения степени тяжести телесных повреждений»¹.

В отличие от предыдущих Правил, в которых определялась тяжесть **повреждений** (в медицинском понимании), Правила 1961 г. обязывали при экспертизе определять степень тяжести **телесных повреждений** как вида преступления. Если раньше квалификация деяния осуществлялась судмедэкспертами имплицитно, то теперь название ведомственного документа, вопреки юридической науке о пределах компетенции специалиста, это провозглашало открыто.

Правила, как и прежде, на правах законодателя давали толкование таких понятий, как значительная (от 15 до 35%) и незначительная (до 15%) утрата общей трудоспособности. Длительное (более 28 дней) и кратковременное (от 7 до 28 дней) расстройство здоровья, что существенно, но противоправно влияло на санкцию соответствующих статей УК.

После принятия Конституции СССР 1977 г. в целях унификации юридической терминологии законодательных актов союзных республик были разработаны и введены в практику общесоюзные Правила определения степени тяжести телесных повреждений². Нововведенные правила, как и предыдущие, самостоятельно изменили критерии менее тяжких телесных повреждений. И вместо «более 28 дней» к ним стали относить случаи расстройства здоровья «более 21 дня», а к легким телесным повреждениям - повреждения, которые повлекли расстройство здоровья до 6 дней вместо 7, чем, помимо законодателя, ужесточили санкцию названных статей УК. В таком состоянии нормативная база, определяющая порядок уголовно-правовой оценки повреждений, просуществовала до 1996 г.

Начало 90-х гг. XX столетия характеризовалось радикальными социально-политическими преобразованиями в России. Подтверждением того явилось принятие 22 ноября 1991 г. Декларации прав и свобод человека и гражданина (1948 г.)³. Отвечая требованиям принятой декларации, Конституция РФ провозгласила, что **человек, его права и свободы являются высшей ценностью**. Таким образом, в законодательном пространстве России появился новый объект правовой охраны – **человек** с неотчуждаемыми, данными ему природой правами

¹ Утверждены Минздравом РСФСР 4 апреля 1961 г.

² Утверждены приказом Минздрава СССР от 11 декабря 1978 г. № 1208 // Бюл. М-ва юстиции СССР. 1979. № 1.

³ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1991. № 52. Ст. 1865.

на жизнь и здоровье. Поэтому в диспозицию многих статей УК РФ и было введено новое название преступлений против человека – причинение вреда здоровью.

В связи с новой парадигмой иерархии юридических ценностей в вышедших вслед за Конституцией РФ законодательных актах (Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в РФ», УК РФ, УПК РФ и др.) произошли существенные преобразования, связанные с введением в законодательное пространство нового термина «вред здоровью». Значительные изменения претерпела структура УК РФ, Особенная часть которого, в отличие от предыдущих, начинается именно с перечня преступлений против жизни и здоровья.

В 1996 г. были приняты новые Правила определения степени тяжести вреда здоровью¹. Однако 14 сентября 2001 г. они были отменены, и судебно-медицинским экспертам было рекомендовано «руководствоваться Правилами 1978 г., используя при формировании ответов на поставленные перед ними вопросы терминологию, содержащуюся в УК РФ 1996 г.»².

Только к 2007 г. были разработаны и утверждены Правила определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, а в 2008 г. – Медицинские критерии к ним. В 2010 г. вступил в силу основополагающий документ, утвердивший порядок производства судебно-медицинских экспертиз, в том числе и в отношении живых лиц³.

Утвержденные теперь уже не Правила, а Медицинские критерии, продолжая традицию 1922 г., увеличили, по сравнению с Правилами 1978 г., количество тяжелых повреждений с 18 до 30. Например, теперь в таблице процентов утраты трудоспособности потеря носа приравнена к полной обездвиженности позвоночника или потере ноги на уровне тазобедренного сустава и оценена в 70 % утраты трудоспособности (ранее 40 %). Вряд ли названные и другие противоречащие нормам права положения принятых Правил и Критериев будут молчаливо приняты представителями науки и практики.

Как отмечается в научной литературе, введение в процессуальную деятельность указанных нормативных документов не решило проблем судопроизводства, и вызвано это в первую очередь тем, что они не нашли понимания не только на практике, но и в научных кругах⁴.

Названная проблема связана еще и с тем, что в УК РФ введена абсолютно новая статья 15 «Категории преступлений», согласно которой в зависимости от характера и степени общественной опасности все деяния подразделяются на преступления небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие.

По теории уголовного права, установление **степени тяжести** последствий преступного деяния относится к компетенции следствия и суда и зависит исключительно от характера и степени вредных изменений в объекте⁵. Объектом в рас-

¹ Приказ Минздрава России от 10 декабря 1996 г. № 407 «О введении в практику Правил производства судебно-медицинских экспертиз».

² Шарапов Р., Коновалов А. Понятие вреда здоровью в условиях правовой дезориентации судебно-медицинской экспертизы живых лиц // Уголовное право. 2007. № 1. С. 127-131.

³ Приказ Минздрава России от 12 мая 2010 г. № 346н «Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации».

⁴ См.: Сахарова Е.Г. Расследование причинения вреда здоровью. М.: Юрлитинформ, 2007. С.121; Галюкова М. Правила определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека // Уголовное право. 2008. № 1.

⁵ См.: Семернева Н.К. Квалификация преступлений (части Общая и Особенная): науч.-практ. пособие. М.: Проспект; Екатеринбург: Уральская гос. юрид. академия, 2010; Галюкова М.И. Уголовно-правовые признаки причинения вреда здоровью. С. 130.

смаатриваемом случае является здоровье человека, и установление характера, причины и степени ухудшения его состояния (степени вреда) входит в задачу судебной медицины. Поэтому, в унисон с теорией права, в ч. 2 ст. 196 УПК РФ «Об обязательном назначении судебных экспертиз» определено, что судебная экспертиза обязательно назначается для установления характера и **степени вреда**, причиненного здоровью. Однако утвержденные Правительством РФ в 2007 г. Правила, вопреки юридической науке и предписаниям УК и УПК РФ, имеющим большую юридическую силу, чем ведомственный документ, именуется как «Правила определения **степени тяжести вреда**, причиненного здоровью человека»¹. Такое название документа провоцирует работников правоохранительных органов на постановку вопроса о **степени тяжести** вреда, причиненного здоровью, решение которого не входит в пределы компетенции судебно-медицинских экспертов.

Исследование архивных материалов отдела экспертизы потерпевших, обвиняемых и других лиц Хабаровского краевого бюро судебно-медицинской экспертизы показало, что за 2012 г. в крае было назначено и проведено 16 933 экспертизы и освидетельствования. Из данного массива было изучено 37 материалов, и во всех случаях в постановлениях и направлениях на экспертизу и освидетельствование по поводу причиненных повреждений, в нарушение требований ст. 196 УПК РФ, следователи, дознаватели и судьи ставили вопрос: «Какова **степень тяжести** вреда, причиненного здоровью потерпевшего?». Эксперты, отвечая на вопрос, в заключениях указывают, например: «Обнаруженное у гр-на Д. повреждение повлекло за собой длительное (более 21 дня) расстройство здоровья и по данному признаку квалифицируется как вред здоровью средней тяжести». В заключении эксперта указана квалификация деяния, которую вправе осуществлять только следователь или суд. Таким образом, приговоры, вынесенные на основании подобных заключений, являются противозаконными.

Анализ судебной практики показал, что по делам о причинении повреждений наиболее часто отменяются решения судов первой инстанции из-за того, что при вынесении приговоров судьи бесспорно соглашались с заключением эксперта о **степени тяжести** вреда, причиненного здоровью потерпевших, и не исследуют всех предусмотренных ст. 73 УПК РФ обстоятельств, подлежащих доказыванию².

Таким образом, чтобы избежать подобных коллизий, в первую очередь необходимо изъять из названия Правил юридический термин «**степень тяжести вреда**», так как решение этого вопроса не входит в пределы компетенции судебно-медицинской экспертизы.

Следующей проблемой, затрудняющей процесс правоприменения нововведенного термина, является отсутствие современного аутентичного толкования понятия «вред здоровью». В научных публикациях по этому поводу высказывается единодушное мнение, что законодатель в соответствующих статьях УК РФ **заменял** «телесное повреждение» на более широкое и емкое понятие «вред здоровью». Оно легло в основу формулировки понятия и зафиксировано в Правилах и Медицинских критериях, где указано, что «**под вредом здоровью понимается нарушение анатомической целостности и физиологической функции органов и тканей человека в результате воздействия физических, химических, биологических и психических факторов внешней среды**».

¹ Постановление Правительства РФ от 17 августа 2007 г. № 522 // Российская газета. 2007. 24 августа.

² См.: Галюкова М.И. Уголовно-правовые признаки причинения вреда здоровью. С. 130; Филатова О.Н. Ошибки, допускаемые судами при назначении наказания за причинение вреда здоровью человека // Вестник Тамб. ун-та. 2009. Вып. 2(70). С.208-212.

Вряд ли можно согласиться с данным определением, так как оно идентично столетиями существующему в судебной медицине определению термина «телесное повреждение», которое в научной литературе и на практике стало просто механически заменяться термином «вред здоровью». В постановлениях о назначении экспертизы стали задавать алогично звучащие вопросы: «Имеется ли на трупе вред здоровью, и если да, то каково его количество и где он расположен?». Даже в Правилах 1996 г., которые были отменены как не прошедшие регистрации в Минюсте, пункт 25 предписывал экспертам определять степень тяжести вреда, причиненного здоровью от несмертельных повреждений, обнаруженных на трупе.

Подобное состояние, когда два различных термина имеют одну и ту же дефиницию, является нарушением принятого в международном праве так называемого «золотого правила толкования»: один термин – одно понятие¹.

Возникшее обстоятельство можно объяснить тем, что на период разработки Правил отсутствовало легитимное толкование понятия «здоровье», без которого невозможно определить и его антоним.

Вышедшие за последнее время законодательные акты дают возможность дать толкование термину «вред здоровью», исходя из современного определения понятия «здоровье». В Законе «Об охране здоровья граждан в РФ» указано, что **«здоровье – это состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма»**.

Исходя из данного определения, с медицинской точки зрения, под вредом здоровью должно пониматься какое-либо нежелательное патологическое изменение организма для компонентов, его составляющих. Следовательно, вред здоровью – это последствие какого-либо повреждения, вызванного действием внешних факторов (физических, химических, биологических и психогенных). Причиненный вред может быть смертельным, опасным для жизни, а также повлекшим иные необратимые или временные патологические изменения организма. Они выражаются чаще всего в утрате трудоспособности – основной составляющей понятия «социальное благополучие человека».

Вместе с тем в медицинском тезаурусе любое патологическое изменение, ввиду их большого количества и разнообразия (в Международной классификации болезней и травм их более 5 тыс.), вред здоровью обозначается термином «неблагоприятное последствие»².

Таким образом, для судебной медицины определение обсуждаемого термина как качественного ухудшения состояния здоровья (*de facto*) может быть представлено в следующей трактовке: **вред здоровью – это необратимое или временное неблагоприятное последствие для здоровья, наступившее в результате повреждения, заболевания или экстремального состояния, переживаемого человеком**.

Под экстремальным состоянием в юридической практике понимаются случаи психического насилия, запрещенного законом, когда потерпевший, против его воли, испытывает стрессовое состояние. Это характерно для таких преступлений, как угроза убийством или причинением вреда здоровью, насильственные дейст-

¹ См.: Савицкий В.М. Язык процессуального закона (вопросы терминологии). М.: Наука, 1987. С.191.

² См.: Зильбер А.П. Этюды медицинского права и этики. М.: МЕДпресс-информ, 2008. С.141; Деонтология в медицине / под ред. Б.В. Петровского. М.: Медицина, 1988. Т. 1. С. 294; Сергеев Ю.Д., Козлов С.В. Судебно-медицинская экспертиза неблагоприятных последствий лечения // Медицинское право. 2011. № 1. С. 27-30.

вия сексуального характера, пытки, и других преступлений, при которых нарушается состояние психического благополучия человека¹.

В уголовном праве понятие «вред» равнозначно понятию «общественно опасное последствие»². В юридическом понимании термин «вред здоровью» рассматривается как последствие деяния, запрещенного законом, то есть как преступление против человека (ст. 111, 112, 115 УК РФ). Следовательно, при юридической характеристике данного понятия необходимо исходить из того, что преступления, связанные с причинением вреда здоровью (*de facto*), сконструированы по типу материальных. Для них в соответствии теорией уголовного права присуще обязательное наличие трех компонентов: 1) противоправного деяния; 2) наступления общественно опасного последствия (юридически значимого неблагоприятного последствия для здоровья) и 3) наличие причинной связи между ними³.

В силу изложенного, для уголовного права можно предложить определение в отношении группы преступлений против здоровья (чего пока нет в УК): **причинение вреда здоровью – это противоправное деяние, повлекшее за собой наступление неблагоприятного последствия для здоровья другого человека.**

При подобном размежевании компетенций в задачу судебных медиков будет входить установление факта какого-либо воздействия на организм человека, повлекшего неблагоприятное последствие для его здоровья, в соответствии с перечнем, указанным в ст. 111, 112 и 115 УК РФ, и наличия между ними причинной связи. Решение же вопроса о противоправности, правомерности, степени общественной опасности (**степени тяжести** вреда), наказуемости и квалификации преступления входит в задачу правосудия.

Таким образом, в связи с принятием Конституции РФ в законодательное пространство России введен новый объект правовой защиты – человек. Завершилась более чем вековая юридическая эпоха «телесных повреждений», когда закон защищал не человека, а его анатомическую целостность.

Изучение истории происхождения и лексического значения термина «вред здоровью» позволило предложить его современное толкование для судебной медицины и уголовного права, что обозначило пределы компетенции медиков и юристов при его использовании в уголовном процессе.

Как показало исследование, начиная с 1922 г. и по настоящее время подзаконные акты наделяют судебно-медицинских экспертов правом осуществлять квалификацию случаев причинения вреда здоровью, что противоречит современным нормам уголовного законодательства и лишает заключение эксперта юридической силы. Для устранения данной правовой коллизии необходима существенная доработка Правил и Медицинских критериев, озаглавить которые следует в соответствии с нормой, указанной в ч. 2 ст. 196 УПК РФ, как **«Правила судебно-медицинского определения характера и степени вреда здоровью»**.

Литература:

¹ См.: Сердюк Л.В. Правовая оценка последствий при угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью // Уголовное право. 2008. № 1; Яковлева Е.Ю. Оценка степени тяжести вреда здоровью при психогенных психических расстройствах потерпевших – жертв сексуальных правонарушений // Судебно-медицинская экспертиза. 2009. № 4. С. 11-18.

² См.: Кострова М.Б. О «языковом» толковании уголовного закона // Правоведение. 2002. № 3. С. 136-149. См. также часть 2 ст. 14 УК РФ «Понятие преступления», где указано, что «не является преступлением деяние... не представляющее общественной опасности, то есть не причинившее вреда» (в ред. 1996 г).

³ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2010.

1. Авдеев М.И. Курс судебной медицины. М.: Юриздат, 1959.
2. Авдеев М.И. Судебно-медицинская экспертиза живых лиц. М., 1968.
3. Бедрин Л.М. О содержании и трактовке понятий «здоровье», «вред здоровью» и критериев степени их тяжести // Суд. мед. эксперт. 1996. № 3.
4. Гаврилов Л.Г., Петров В.В. Судебно-экспертные учреждения России и СССР в период 1917-1941 гг. // Эксперт-криминалист. 2006. № 3.
5. Галюкова М.И. Развитие отечественного законодательства об уголовной ответственности за причинение вреда здоровью // Социальное и пенсионное право. 2006. № 2.
6. Галюкова М.И. Уголовно-правовые признаки причинения вреда здоровью. Челябинск, 2007.
7. Деонтология в медицине / под ред. Б.В. Петровского. М.: Медицина, 1988. Т. 1.
8. Зильбер А.П. Этюды медицинского права и этики. М.: МЕДпресс-информ, 2008.
9. Зубкова В.И. Ответственность за преступления против личности по законодательству России. М., 2005.
10. Ипполитов С.Н. Сборник законоположений с судебно-медицинским исследованием: справ. книга для судеб. врачей. СПб., 1910.
11. Кодан С.В. Формирование и развитие системы законодательства в России: основные этапы (IX - начало XX века) // Рос. юрид. журнал. 2012. № 1.
12. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2010.
13. Кострова М.Б. О «языковом» толковании уголовного закона // Правоведение. 2002. № 3.
14. Пиголкин А.С. Теория государства и права: учебник. М.: Городец, 2003.
15. Организационно-методические материалы по судебно-медицинской экспертизе. М.: Медгиз, 1960.
16. Прутовых В.В. К вопросу о медико-юридическом толковании термина «вред здоровью» // Актуальные проблемы уголовного права и криминалистики. Вып.19. М.: Юрид. ин-т МИИГА, 2012.
17. Савицкий В.М. Язык процессуального закона (вопросы терминологии). М.: Наука, 1987.
18. Сахарова Е.Г. Расследование причинения вреда здоровью. М.: Юрлитинформ, 2007.
19. Сердюк Л.В. Правовая оценка последствий при угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью // Уголовное право. 2008. № 1.
20. Семернева Н.К. Квалификация преступлений (части Общая и Особенная): науч.-практ. пособие. М.: Проспект; Екатеринбург: Уральская гос. юрид. академия, 2010.
21. Сергеев Ю.Д., Козлов С.В. Судебно-медицинская экспертиза неблагоприятных последствий лечения // Медицинское право. 2011. № 1.
22. Уголовно-правовое воздействие: монография / Г.А. Есаков, Т.Г. Понятовская, А.И. Рарог и др.; под ред. А.И. Рарога. М.: Проспект, 2012.
23. Филатова О.Н. Категория «вред здоровью»: вопросы теории и практики // Вестник Тамб. ун-та. Сер. «Гуманитарные науки». Вып. 2(58). 2008.
24. Филатова О.Н. Ошибки, допускаемые судами при назначении наказания за причинение вреда здоровью человека // Вестник Тамб. ун-та. Вып. 2(70). 2009.
25. Филатова О. Н. Уголовно-правовое и криминологическое противодействие преступлениям, причиняющим вред здоровью человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2010.
26. Черданцев А.Ф. Вопросы толкования советского права: учеб. пособие. Свердловск, 1972.
27. Шарапов Р.Д. Преступное насилие. М., 2009.
28. Шарапов Р., Коновалов А. Понятие вреда здоровью в условиях правовой дезориентации судебно-медицинской экспертизы живых лиц // Уголовное право. 2007. № 1.
29. Язык закона / под ред. А.С. Пиголкина. М.: Юрид. лит., 1990.
30. Яковлева Е.Ю. Оценка степени тяжести вреда здоровью при психогенных психических расстройствах потерпевших – жертв сексуальных правонарушений // Судебно-медицинская экспертиза. 2009. № 4.

Трибуна молодых ученых

УДК 343.985.7

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СИТУАЦИЙ,
ВОЗНИКАЮЩИХ В УСЛОВИЯХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ
С НЕИСПОЛНЕНИЕМ ИЛИ НЕНАДЛЕЖАЩИМ ИСПОЛНЕНИЕМ
ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО ВОСПИТАНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ***Юлия Петровна Худицкая, аспирант**Дальневосточного государственного университета путей сообщения*

В статье анализируются способы и формы оказания противодействия расследованию преступлений, связанных с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязанностей по воспитанию несовершеннолетних в условиях конфликтных следственных ситуаций.

Ключевые слова: следственная ситуация; противодействие расследованию; субъект; противоборствование; расследование преступлений, связанных с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязанностей по воспитанию несовершеннолетних.

**SOME PROBLEMS OF INVESTIGATING SITUATIONS ARISING
IN CONDITIONS OF COUNTERACTION TO INVESTIGATION
OF CRIMES CONNECTED WITH FAILURE OR IMPROPER FAILURE
OF OBLIGATIONS CONCERNING EDUCATION OF MINORS****Khuditskaya Yuliya Petrovna**, the Far East State University of Means
of Communication, post graduate

The paper deals with methods and forms of rendering counteraction to investigating crimes connected with failure or improper failure of obligations concerning education of minors under conditions of conflict investigatory situations.

Keywords: investigatory situation; counteraction to investigation; subject; antagonism; investigation of crimes connected with failure or improper failure of obligations concerning education of minors.

Рассматривая деятельность следователя (дознавателя), направленную на своевременный анализ оказываемого противодействия и установление способов его нейтрализации при расследовании преступлений, связанных с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязанностей по воспитанию несовершеннолетних, следует помнить, что совокупность таких способов и действий, как тактически верная и

рациональная линия поведения лица, осуществляющего расследование, базируется на общенаучных положениях, выработанных современной криминалистической наукой.

Основополагающим учением в выработке тактически обоснованного поведения следователя (дознателя), в определенной степени предопределяющим успешный исход расследования уголовного дела, в том числе в условиях оказываемого противодействия, является теория следственных ситуаций. Как справедливо отмечает А.Ф. Волынский, «расследование преступлений осуществляется в конкретных условиях времени, места, окружающей его среды, взаимосвязях с другими процессами объективной действительности, поведением лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства, и под воздействием иных, порой остающихся неизвестными для следователя факторов. Эта сложная система взаимодействия образует в итоге ту конкретную обстановку, в которой действует следователь и иные субъекты, участвующие в доказывании, и в которой протекает конкретный акт расследования. Эта обстановка получила в криминалистике общее название следственной ситуации»¹.

Таким образом, озвученная криминалистическая категория «следственная ситуация», включающая в свою структуру набор разнообразных элементов (факторов) в их неповторимом сочетании, обусловленном ее динамичностью в обстоятельствах расследования, является тем основным и существенным признаком, который определяет действия следователя (дознателя) в условиях обстановки расследования.

Важность понимания и надлежащей оценки складывающейся в ходе расследования уголовного дела следственной ситуации при выборе наиболее рационального тактического поведения следователя (дознателя), в том числе в условиях оказываемого противодействия расследованию, отмечается многими авторами². Однако детальное изучение специальной литературы, посвященной криминалистической ситуологии, показало, что при всем многообразии исследований и суждений криминалистов о значимости сложившейся следственной ситуации при расследовании конкретного уголовного дела или категории дел далеко не каждым ученым в анализе классификационного многообразия следственных ситуаций приводятся те, которые образуются (складываются) в условиях оказываемого противодействия расследованию. Говоря о малом вариативном количестве следственных ситуаций, разграничиваемых учеными-криминалистами по признаку противодействия расследованию преступления, важно отметить справедливость мнения Н.Е. Мерецкого о том, что в силу невозможности перечисления возникающих следственных ситуаций в процессе расследования появляются затруднения в разработке всеобъемлющих указаний по применению оперативно-тактических комбинаций³. Учитывая в контексте данного мнения тот факт, что оперативно-тактическая комбинация как криминалистическая категория является наиболее сложной по степени своей структуризации системой, проблемы ее раз-

---

¹ Волынский А.Ф. Криминалистика: учебник. М., 2000. С. 158.

² См.: Драпкин Л.Я. Понятие и классификация следственных ситуаций: Следственные ситуации и раскрытие преступлений. Свердловск, 1975. С. 26; Герасимов И.Ф. Следственные ситуации на первоначальном этапе расследования преступлений // Соц. законность. 1997. №7. С.61; Яблоков Н.П. Криминалистическая характеристика преступления и типичные следственные ситуации как важные факторы разработки методики расследования преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1979. Вып. 30. С. 119; Селиванов Н.А. Криминалистические характеристики преступлений и следственные ситуации в методике расследования // Соц. законность. 1977. №2. С.58.

³ См.: Мерецкий Н.Е. Применение оперативно-тактических комбинаций в расследовании преступлений: монография. Хабаровск: Дальневост. юрид. ин-т МВД РФ, 2000. С. 41.

работки как комплекса мер, направленных на нейтрализацию возникающего противодействия, не могут не отражаться и на вопросах применения отдельных ее элементов, таких как конкретные следственные действия. И, тем не менее, из предложенных на сегодняшний день учеными классификаций следственных ситуаций ведущей, на наш взгляд, представляется выработанная на основе характеристики психологического элемента градация, обеспечивающая ее непосредственное применение в вопросе рассмотрения проблем противодействия расследованию. Такая классификация, заимствованная криминалистикой из психологии, определяет деление следственных ситуаций на конфликтные и бесконфликтные. В некоторых вариациях такую классификацию можно встретить в работах разных ученых. Так, Л.Я. Драпкин предложил деление следственных ситуаций на простые и сложные, при этом сложные ситуации он подразделяет на проблемные и конфликтные¹. По нашему мнению, оказание противодействия расследованию преступлений, связанных с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязанностей по воспитанию несовершеннолетних, возникает именно в условиях конфликтной следственной ситуации, которая, если диаметрально противоположно перефразировать высказывание А.Р. Ратинова, характеризуется полным или частичным несовпадением интересов участников взаимодействия², то есть заинтересованных лиц и следователя (дознателя). Думается, что в основе иных классификаций следственных ситуаций, приводимых учеными в контексте обсуждаемой проблемы противодействия расследованию, заложена и подразумевается конфликтная природа поведения участников взаимодействия и, по сути, предлагаемые в таких классификациях виды следственных ситуаций изначально предполагаются конфликтными.

Рассматривая расследование уголовного дела, возбужденного по факту неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетних, как в первую очередь процесс познания и собирания следователем (дознателем), а в последующем и анализирование собранной информации о событии преступления, основными носителями которой являются участники конфликтного взаимодействия по данному делу, обусловленного их неоднозначным отношением к желанию передачи следователю такой информации, наиболее тактически значимой представляется классификация следственных ситуаций, предложенная О.Я. Баевым³. Он выделяет четыре основные ситуации, определяющие, по сути, способы поведения лица, противоборствующего расследованию: 1) субъект обладает искомой следователем информацией об имевших место преступных фактах неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетних, адекватно ее воспринял, желает и может так же адекватно воспроизвести ее следователю; 2) субъект обладает такой информацией, но воспринял ее и (или) передает следователю с неумышленными искажениями; 3) субъект обладает соответствующей информацией, но умышленно ее скрывает или искажает; 4) субъект не обладает требуемой информацией, но следователь считает, что субъект ее по тем или иным причинам скрывает.

На наш взгляд, данная градация представляет особую научную значимость в рамках рассмотрения вопросов противодействия расследованию относительно исследуемой статьи уголовного закона РФ (ст. 156 УК РФ), поскольку в ее основу положены степень и формы оказываемого процессу расследования преступления противодействия, которое во многом обусловлено именно отношением субъекта

---

¹ См.: Белкин Р.С. Курс криминалистики: учебник. М., 2001. С. 633.

² См.: Там же. С.634.

³ См.: Баев О.Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него // Следственная тактика: науч.-практ. пособие. М.: Экзамен, 2003. С.29.

взаимодействия к искомой следователем (дознавателем) информации. Подобная привязка понимания противоборствования к субъекту преступления и иных заинтересованных в противостоящей позиции лиц, учитывая достаточно широкий субъектный перечень как элемента состава преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ, то есть лиц, на которых может быть возложено исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, позволяет наиболее полно учесть их личностные особенности в прогнозе возможного оказания ими противодействия и выработать модели направления такого противодействия, а значит, и способов его нейтрализации.

Кроме того, из приведенной градации представляется очевидным, что наиболее конфликтным способом поведения по степени выраженности противодействия является третья ситуация, в которой действия лица, противостоящего усилиям следователя (дознавателя), направленным на восстановление картины происшедшего события преступления, можно также подразделить на активное и пассивное противодействие¹. При этом в подобной ситуации к формам пассивного противодействия можно отнести позицию лица, направленную на отказ от дачи показаний; необоснованное «слепое» отрицание фактов; умолчание об отдельных виновно-значимых фактах, событиях, обстоятельствах, с одновременным акцентированием внимания следователя (дознавателя) на сопутствующих, но не относящихся к сути расследуемого дела обстоятельствах. Формой активного противодействия выступает недобросовестное поведение противостоящего лица, направленное на умышленную дезинформацию следователя (дознавателя) в целях формирования у него картины происшедшего, не соответствующей действительному событию совершенного преступления. При этом если в подобной ситуации мы говорим об отношении виновного лица к оценке собственных преступных действий или таковой со стороны заинтересованных в уходе им от уголовной ответственности лиц, то дезинформация следователя может быть выражена как в полном отрицании совершения противоправных, преступных действий, так и наоборот, якобы в имевшем место совершении «положительных» действий, всячески препятствовавших наступлению преступного результата, характеризующих поведение виновного как лица, не заинтересованного в наступлении такового.

Иллюстрацией подобного активного способа противодействия при расследовании преступления, связанного с неисполнением обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, сопряженного с отрицанием лица умышленного, а значит преступного характера собственных действий, может являться следующий пример изученного нами уголовного дела².

Подсудимая Ф., 1987 года рождения, жительница села Некрасовка Хабаровского района и края, являясь матерью несовершеннолетней Д., с момента рождения ребенка, то есть с 30.07.2006, длительное время ненадлежаще исполняла обязанности по воспитанию дочери, жестоко обращалась с ней: не обеспечивала ребенку достаточного питания, не предоставляла нормальные бытовые и санитарно-гигиенические условия, необходимые для роста и развития девочки. Зная, что дочь отстает в физическом и психическом развитии и нуждается в наблюдении специалистов, мер для улучшения состояния ребенка не принимала и не оказывала своевременной медицинской помощи. Систематически, осознавая, что ребенок остается при этом без надзора, уходила из дома, оставляя дочь на несколько суток. 19.04.2007, около 22 часов, она, будучи в состоянии алкогольного опьянения, умышленно бросила с рук на пол свою девятимесячную дочь, причинив ей закры-

¹ См.: Мерецкий Н.Е. Указ. соч. С. 48.

² Уголовное дело № 1-238/2009 // Архив Хабаровского районного суда.

тый перелом средней трети левого плеча со смещением отломков, который расценивается как вред здоровью средней тяжести. После этого Ф. не предпринимала в течение недели никаких мер для обращения в больницу с ребенком, хотя факт перелома руки у дочери для нее был очевиден, также она понимала, что тем самым причиняет физические страдания своему ребенку. Лишь после вмешательства сотрудников милиции девочку, спустя неделю после случившегося, удалось госпитализировать.

В ходе предварительного и судебного следствия Ф. всячески отрицала умышленный характер своих действий, поясняя, что ребенок упал в связи с непроизвольным разжатием рук во время конфликта с сестрой Г., и уверяла о попытках отвезти ребенка в больницу. Свое поведение Ф. мотивировала тем, что ребенка она родила рано и он для нее нежеланный. В судебном заседании Ф. виновной себя признала в том, что воспитанием дочери она не занималась, не работала, медицинские учреждения с ребенком не посещала, уходила из дома, оставляя ребенка. В доме оставалась посторонняя женщина, которая кормила ее дочь, но сама подсудимая эту женщину не просила присматривать за Д. и кормить ее. Когда она возвращалась домой, то ребенком не интересовалась. Не исполняла она и другие обязанности, которые как мать должна была выполнять.

19.04.2007 Ф. возвратилась домой вечером в состоянии алкогольного опьянения и хотела с дочерью уйти, но Г., ее двоюродная сестра, не разрешила уйти в таком состоянии с ребенком. В связи с этим между ними возникла ссора, переросшая в драку. Дочь она в это время держала на руках. Когда Г. схватила Ф. за волосы, Ф. непроизвольно отпустила руки, и девочка упала на пол. Ф. слышала, как Д. сразу заплакала, но не подошла к ней, а продолжила драться с сестрой. Ребенка подняла свидетель М. и унесла в комнату. После этого Д. постоянно плакала, плохо спала. Ф. видела, что одна рука у Д. висела как плеть и что Д. испытывает боль, осознавала и то, что непринятие с ее стороны мер для оказания дочери медицинской помощи - это жестоко, но при этом отказывалась везти Д. в больницу из-за нелюбви к ней. Таким образом, Ф. была выдвинута версия о неосторожном причинении малолетней Д. средней тяжести вреда здоровью.

Давая правовую оценку действиям виновной Ф., полагаем, необходимо исходить из установленных доказательствами обстоятельств дела, согласно которым Ф. умышленно причинила малолетней дочери Д. средней тяжести вред здоровью, о чем свидетельствует то, что, бросая малолетнюю Д. на пол, она осознавала, что ее дочь в силу возраста находится в беспомощном состоянии, и она может причинить, таким образом, вред ее здоровью. О ее умышленных действиях свидетельствуют М. и Н., пояснившие, что Ф. с силой бросила двумя руками в сторону на пол Д., которая находилась до этого на руках у подсудимой перед дракой с Г., а не случайно, непроизвольно в ходе конфликта, как поясняла Ф. Также со слов свидетелей установлено, что Ф. умышленно ненадлежащим образом исполняла обязанности по воспитанию несовершеннолетней дочери и жестоко обращалась с ней (не обеспечивала ребенка питанием, оставляла его на длительное время, не выполняла элементарные гигиенические нормы, не выполняла рекомендации и предписания врача по профилактике заболеваний, уклонилась от оказания ребенку необходимой медицинской помощи после причинения перелома).

Показания свидетелей, полученные на предварительном следствии в результате тактически грамотно проведенных следователем допросов, подтверждались дополняющими друг друга письменными доказательствами, которые получены без нарушения требований УПК РФ, поэтому признаны в суде достоверными и допустимыми. При таком положении совокупность исследованных в судебном заседании доказательств, бесспорно, изобличила подсудимую Ф. в совершении инкриминируемых ей преступлений, в связи с чем она была признана виновной

по п. «в» ч. 2 ст. 112 УК РФ - умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью, не опасного для жизни человека и не повлекшего последствий, указанных в ст. 111 УК РФ, но вызвавшее длительное расстройство здоровья, совершенное в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, а также по ст. 156 УК РФ – ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего родителем, если это деяние соединено с жестоким обращением с несовершеннолетним.

В приведенном примере расследованного и рассмотренного судом уголовного дела наглядно проиллюстрирована позиция обвиняемой, а впоследствии и подсудимой, выраженная в желании создать перед органом предварительного следствия и в суде картину события, в котором ее действия якобы не имели умышленного криминального характера, а, напротив, были случайными, неосторожными. При наличии уличающих ее показаний, данных свидетелями совершенного преступления, допросы которых предшествовали проведению допроса подозреваемой, представляется очевидным, что следователем была создана ситуация расследования, исключая условия информационного дефицита, в которой он был готов к преодолению противодействия уже в ходе первого допроса подозреваемой. Более того, анализ рассмотренного уголовного дела показал, что следователем в условиях противодействия была избрана открытая наступательная позиция с предъявлением уже установленных фактов, изобличающих причастность к преступлению подозреваемой. В данном случае оптимальным вариантом опровержения показаний является и последующее проведение очных ставок между противоборствующим лицом и свидетелями, относительно показаний которых подозреваемой излагаются ложные сведения. Своевременность производства допросов свидетелей, осуществление которых предшествовало допросу подозреваемой, тактически обусловлено и фактом совместного проживания указанных лиц, а значит, и высокой степенью вероятности оказания влияния на них со стороны подозреваемой в целях воспрепятствования установлению истины по делу.

Таким образом, реализация указанных методов преодоления противодействия и скорого закрепления уличающих показаний является примером тактически грамотно выстроенной линии поведения следователя (дознвателя), направленной на преодоление противоборствования расследованию уголовного дела.

Примером оказанного на предварительном следствии и в суде противодействия со стороны виновной, когда последняя предпринимает попытки создать впечатление об имевшем с ее стороны якобы надлежащем исполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетних детей, является следующее изученное уголовное дело¹.

А. и ее муж Б., уголовное дело в отношении которого прекращено в связи со смертью, ненадлежащим образом исполняли обязанности по воспитанию своих несовершеннолетних детей М., 1990 г.р., Н., 1992 г.р., О., 1994 г.р. и П., 1996 г.р., что сопровождалось жестоким обращением, выраженным в применении физического насилия. Так, Б., будучи в состоянии алкогольного опьянения, систематически избивал детей в присутствии А., которая не принимала никаких мер к пресечению его противоправных действий, считая подобный метод воспитания правильным. Кроме того, А. и Б. злоупотребляли спиртными напитками, при этом лишали детей питания, не предоставляли им одежды, дети не посещали занятий в школе в зимний период, питались пищевыми отходами со свалки. А. и Б., имея рекомендации врачей, не обеспечивали своевременной и качественной медицинской помощи, нормальных бытовых и санитарно-гигиенических условий для рос-

---

¹ Уголовное дело № 1-109/2008 // Архив Хабаровского районного суда.

та и развития детей. Вследствие ненадлежащего исполнения ими обязанностей по воспитанию несовершеннолетних, у всех детей имелась форма 20 (вши), у несовершеннолетней П. развились заболевания: резидуальная энцефалопатия; гидроцефально-гипертензионный синдром; задержка психомоторного развития; диспанкреотизм; обменная невропатия, гипотония мочевого пузыря; анемия дефицитная; вторичная среднетяжелая дистрофия по типу гипотрофии.

В период с августа по декабрь 2006 г. А. и Б. оставили своих несовершеннолетних детей одних в квартире, не обеспечив их питанием и средствами к существованию, не приняв во внимание, что в силу своего несовершеннолетия дети лишены возможности принять меры к самосохранению и выехали за пределы Хабаровского края к родственникам в Читинскую область. В период их отсутствия факт оставления детей в беспомощном состоянии был установлен комиссией в составе сотрудников полиции (ПДН и участкового), социального работника, заместителя главы администрации сельского поселения и врача фельдшерско-акушерского пункта, которая по месту проживания детей установила антисанитарные условия жилища (грязь, черви); холод, отсутствие запаса дров и продуктов питания, факт потребления детьми пищевых отходов со свалки; наличие вшей и болезненного состояния всех детей; отсутствие у несовершеннолетних достаточной одежды по сезону, спальных мест (дети спали на полу).

Подобное отношение А. и Б. к исполнению своих родительских обязанностей на предварительном следствии и в суде нашло свое подтверждение и в согласующихся между собой показаниях потерпевших (несовершеннолетних детей) и свидетелей, в качестве которых были допрошены члены комиссии, исследовавшей условия проживания семьи, школьные учителя детей, соседи. Несмотря на это, обвиняемая (подсудимая А.) вину признала лишь частично, согласившись с тем, что запустила надлежащий присмотр за детьми. Однако в силу своего капризного поведения, по ее мнению, дети сами провоцировали агрессивное поведение к себе со стороны ее умершего мужа. Более того, А. пояснила, что не рассчитывала с мужем покинуть детей почти на полгода, так вышло случайно, в то время как в ходе следствия путем допроса свидетелей было установлено, что, выезжая в Читинскую область, А. и Б. имели железнодорожные билеты только в один конец. Средств на приобретение билетов обратно до Хабаровска у них не имелось.

Таким образом, мать несовершеннолетних на предварительном следствии и в судебных заседаниях пыталась придать своим действиям положительный характер, ссылаясь на якобы необоснованную критику в ее адрес как родителя, пыталась любыми способами избежать уголовной ответственности, перекладывая всю вину на других лиц, выдавая себя за жертву общественного заговора. Защищаясь от предъявленного обвинения, она преподносила следователю, а затем и судье сведения в искаженной форме, объясняла свои действия случайным стечением обстоятельств, пыталась преуменьшить степень своей вины, существенно умаляя противоправность своих поступков по отношению к детям.

Вместе с тем представляется очевидным, что следователем в процессе расследования анализируемого уголовного дела и в целях преодоления перечисленных мотивов противоборствования со стороны подозреваемой использован прием предъявления доказательств, противоречащих данным ею показаниям, с разъяснением их юридической (судебной) перспективы исходя из их фактической сущности. Кроме того, важным моментом успешной нейтрализации оказанного противодействия по рассматриваемому уголовному делу является проведение эффективной работы следователя в процессе проверки сообщения о выявленном факте преступной деятельности виновной, в результате которой недостоверные показания подозреваемой были опровергнуты не только показаниями потерпевших и

свидетелей, но и собранными по делу множественными актами обследования жилищных условий семьи, в том числе теми, которые были составлены задолго до возбуждения уголовного дела и представлены в качестве характеризующего материала в рамках расследованного уголовного дела.

Литература:

1. Баев О.Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. Следственная тактика: науч.-практ. пособие. М.: Экзамен, 2003.
2. Белкин Р.С. Курс криминалистики: учебник. М., 2001.
3. Волынский А.Ф. Криминалистика: учебник. М., 2000.
4. Герасимов И.Ф. Следственные ситуации на первоначальном этапе расследования преступлений // Социалистическая законность. 1997. №7.
5. Драпкин Л.Я. Понятие и классификация следственных ситуаций. Следственные ситуации и раскрытие преступлений. Свердловск, 1975.
6. Селиванов Н.А. Криминалистические характеристики преступлений и следственные ситуации в методике расследования // Социалистическая законность. 1977. №2.
7. Мерещкий Н.Е. Применение оперативно-тактических комбинаций в расследовании преступлений: монография. Хабаровск: Дальневост. юрид. ин-т МВД РФ, 2000.
8. Яблоков Н.П. Криминалистическая характеристика преступления и типичные следственные ситуации как важные факторы разработки методики расследования преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1979. Вып. 30.

УДК 343.348

**ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПНОГО ПОСЯГАТЕЛЬСТВА,
СВЯЗАННОГО С НАДРУГАТЕЛЬСТВОМ НАД ТЕЛАМИ УМЕРШИХ
И МЕСТАМИ ИХ ЗАХОРОНЕНИЯ, ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ
ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН**

*Екатерина Максимовна Филина, адъюнкт
Дальневосточного юридического института МВД России*

В данной статье затронуты вопросы регламентации уголовной ответственности за совершение преступных деяний, связанных с нарушением покоя умерших и мест их захоронения, согласно законодательству зарубежных стран. В ходе исследования научных работ зарубежных коллег были выявлены особенности и различия в подходе к определению объекта и предмета преступного посягательства рассматриваемых преступлений. Автор приходит к выводу, что для российских законодателей, будет интересен зарубежный опыт по рассматриваемому вопросу, чтобы в дальнейшем внести определенные коррективы и расширить круг предметов, охраняемых законом от преступных действий, связанных с надругательствами над телами умерших и местами их захоронения.

Ключевые слова: нравственность; общественный порядок и спокойствие; честь и память умерших; места погребения; надмогильные сооружения; кладбищенские здания; покой умерших; места отправления культа; труп; тело умершего; могила; место захоронения; надмогильный памятник; надмогильное сооружение; погребальная урна; прах умершего.

**OBJECT AND SUBJECT OF CRIMINAL ENCROACHMENT CONNECTED
WITH VIOLATION OVER DEAD BODIES AND THEIR BURIAL PLACES
CONCERNING LEGISLATION OF FOREIGN COUNTRIES**

Filina Ekaterina Maksimovna, Far Eastern Law Institute of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation, cadet

The paper deals with regulation problems of criminal responsibility for committing criminal actions connected with rest infringement of the deceased and their burial places according to the legislation of foreign countries. During the research of experience of foreign colleagues particulars and distinctions in the approach to understanding the determination of the object and the subject of criminal encroachment were found. The author comes to the conclusion that for Russian lawmakers the experience of foreign countries in the determination of the object and the subject of criminal encroachment will be interesting in order further to introduce concrete amendments and to expand a number of subjects protected by the law from criminal actions connected with violation over dead bodies and their burial places.

Keywords: morals; public order and calmness; honor and memory of the deceased; burial places of the deceased; tombstones; graveyard buildings; the deceased peace; cult worship places; interment place; corpse; dead body; grave; burial place; tomb stone funeral urn; ashes.

В условиях современной действительности не только в Российской Федерации, но и в других странах мира получило широкое распространение религиозная, национальная и расовая неприязнь, а также появление различных общественно-политических сил, агрессивно настроенных к культурным и культовым ценностям лиц другой национальности и расы, другого вероисповедания.

В целях сохранения вечных нравственных принципов и морального здоровья общества уголовный закон предусматривает ответственность за совершение преступлений, посягающих на общественное благополучие, порядок и традиции. Одним из таких преступлений, направленных на подрыв чести и памяти умерших, причинение моральных страданий родным и близким, является надругательство над телами умерших и местами их захоронения.

Вне зависимости от особенностей географического расположения стран, традиций, верования и культуры нации, принадлежности к разным правовым семьям, общественно опасные деяния, выразившиеся в виде преступных посягательств на места погребения умерших, надмогильные сооружения, памятники или кладбищенские здания, вызывают огромный общественный резонанс. Защита общественных отношений, возникающих в связи с совершением надругательств над телами умерших и местами их захоронения, нашла свое отражение и в законодательстве зарубежных стран.

Опыт уголовно-правовых запретов иностранных государств интересен для исследования, анализа и выявления специфических черт отдельных стран различных правовых семей. Кроме того, опыт регламентации уголовной ответственности за общественно опасные деяния, связанные с нарушением покоя умерших и мест их захоронения, будет полезен, как представляется, для совершенствования норм уголовного законодательства России.

В ходе заявленного исследования была изучена регламентация уголовной ответственности за совершение преступлений, связанных с нарушением покоя умерших в странах как бывшего СССР, так и дальнего зарубежья. Указанный выбор стран не случаен - у них различное географическое положение, они относятся к разным правовым семьям, все страны имеют свою уникальную историю развития.

При проведении сравнительно-правового анализа национальных законодательств, на наш взгляд, необходимо систематизировать их на основе общности подхода к определению объекта и предмета преступного посягательства в зависимости от понимания законодателем рассматриваемого деяния.

Характерной особенностью объекта данного преступления является то, что он в определенной степени зависит от исторических условий, политической обстановки, экономической системы, уголовной политики государства¹.

При осуществлении исследования были выявлены как тождественные, так специфические подходы к пониманию объекта преступления, связанного с нарушением покоя умерших в иностранных государствах.

Так, наименование глав, посвященных преступлениям, связанным с надругательством над телами умерших и местами их захоронения, звучит следующим образом: «Преступления против общественного порядка и общественной безопасности» (гл. 11 УК Эстонской Республики²), «Преступления против общественного порядка и нравственности» (разд. 12 УК Украины³), «Преступления против здоровья населения и нравственности» (гл. 10 УК Республики Казахстан⁴), «Преступные деяния против общественной безопасности и общественного порядка» (гл. 20 УК Латвийской Республики⁵), «Преступления против общественного здоровья и общежития» (гл. 8 УК Республики Молдова⁶), «Преступления против общественной нравственности» (гл. 27 УК Азербайджанской Республики⁷), «Преступные деяния против семьи, молодежи, нравственности» (гл. 5 УК Республики Узбекистан⁸), «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» (гл. 32 УК Грузии⁹, гл. 25 УК Кыргызской Республики¹⁰), «Преступления против общественного порядка и нравственности» (гл. 25 УК Республики Таджикистан¹¹, гл. 25 УК Республики Армения¹²), «Преступления и уголовные проступки против памяти умерших» (гл. 45 УК Литовской Республики¹³), «Преступления против общественного порядка и общественной нравственности» (гл. 30 УК Республики Беларусь¹⁴), «Преступления и уголовные проступки против общественного спокойствия» (разд. 12 УК Швейцарии¹⁵), «Преступления в отношении мест отправления культа и мест погребения» (гл. 24 УК

¹ См.: Полный курс уголовного права: в 5 т. Т. I. Преступление и наказание / под ред. А.И. Коробеева. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2008. С. 331.

² См.: Уголовный кодекс Эстонской Республики. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 208.

³ См.: Уголовный кодекс Украины. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. С. 258.

⁴ См.: Уголовный кодекс Республики Казахстан. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. С. 304.

⁵ См.: Уголовный кодекс Латвийской Республики. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. С. 224.

⁶ См.: Уголовный кодекс Республики Молдова. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 283.

⁷ См.: Уголовный кодекс Азербайджанской Республики. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. С. 245.

⁸ См.: Уголовный кодекс Республики Узбекистан. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. С. 164.

⁹ См.: Уголовный кодекс Грузии. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. С. 277.

¹⁰ См.: Уголовный кодекс Кыргызской Республики. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. С. 262.

¹¹ См.: Уголовный кодекс Республики Таджикистан. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. С. 250.

¹² См.: Уголовный кодекс Республики Армения. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. С. 265.

¹³ См.: Уголовный кодекс Литовской Республики. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. С. 371.

¹⁴ См.: Уголовный кодекс Республики Беларусь. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. С. 384.

¹⁵ См.: Уголовный кодекс Швейцарии. М.: Изд-во «Диалог МГУ», 2000. С. 83.

Японии¹), «Преступления, связанные с умершими» (гл. XII УК Республики Корея²), «Преступления против порядка общественного управления» (гл. 6 УК КНР³), «Преступления против общественного спокойствия и порядка» (гл. 15 УК Дании⁴), «О преступлениях против общественного порядка» (гл. 16 УК Швеции⁵), «Преступления против публичного порядка» (разд. XXXII УК Польши⁶), «Преступления против религиозной свободы» (гл. 2 УК Турции⁷), «Оскорбление религиозных чувств и традиций» (гл. Зайн Закона об уголовном праве Израиля⁸), «Преступные деяния против религиозного спокойствия и покоя умерших» (отд. IV УК Франции⁹), «Наказуемые деяния, затрагивающие религию и мировоззрение» (разд. II УК ФРГ¹⁰), «О некоторых других правонарушениях против общественного порядка» (гл. IX УК Бельгии¹¹).

В странах СНГ, таких как Республика Армения, Республика Казахстан, Грузия, Азербайджанская Республика, Кыргызская Республика, Республика Беларусь, Украина, за совершение надругательств над телами умерших законодатель в качестве объекта преступного посягательства называет общественную нравственность. Стоит обратить внимание, что российский законодатель также выделяет нравственность в качестве самостоятельного объекта при описании аналогичного преступления. На наш взгляд, это связано с тем, что все вышеперечисленные страны до 1991 г. входили в состав СССР, на них распространялось действие Уголовного кодекса, принятого в 1960 г., который выделял нравственность в качестве объекта уголовно-правовой охраны за преступные деяния, связанные с посягательствами на тела умерших.

В то же время эта тенденция сохраняется не во всех странах бывшего СССР. Так, в странах Прибалтики законодатели отмечают иной объект преступления. В Эстонской и Латвийской республиках за преступления, связанные с посягательствами на места упокоения усопших, в качестве объекта называют общественную безопасность и общественный порядок, а в Литве за аналогичное преступление в качестве объекта законодатель выделяет память об умершем. Интересен подход законодателей Республики Молдова, которые в качестве объекта уголовно-правовой охраны выделяют общественное здоровье общества.

В ряде стран, таких как Швеция, Бельгия, Польша, в качестве самостоятельного объекта преступного посягательства выделяется общественный порядок. Уголовные кодексы Дании и Швейцарии защищают общественное спокойствие.

В некоторых странах рассматриваемые деяния закрепляются не в одной конкретной статье, а в самостоятельных главах либо разделах. Так, раздел 8 УК Австрии посвящен преступным деяниям против религиозного спокойствия и

¹ См.: Уголовный кодекс Японии / под ред. А.И. Коробеева. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. С. 59.

² См.: Уголовный кодекс Республики Корея. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. С. 121.

³ См.: Уголовный кодекс КНР / под ред. А.И. Коробеева. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. С. 117.

⁴ См.: Уголовный кодекс Дании. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. С. 126.

⁵ См.: Уголовный кодекс Швеции. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. С. 126.

⁶ См.: Уголовный кодекс Польши. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. С. 178.

⁷ См.: Уголовный кодекс Турции. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 132.

⁸ См.: Закон об уголовном праве Израиля. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. С. 188.

⁹ См.: Уголовный кодекс Франции. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. С. 239.

¹⁰ См.: Уголовный кодекс ФРГ. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 319.

¹¹ См.: Уголовный кодекс Бельгии. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. С. 198.

покою умерших. Закон об уголовном праве Израиля в гл. Зайн защищает оскорбленные религиозные чувства и традиции. Отдел IV УК Франции посвящен посягательствам на уважение к умершим. Уголовные законы стран АТР также посвящают целые главы преступлениям, связанным с посягательствами в отношении умерших (гл. 24 «О преступлениях в отношении мест отправления культа и мест погребения» УК Японии, гл. XII УК Республики Корея).

На наш взгляд, то, что указанный состав преступления получил такое широкое толкование в вышеперечисленных странах, связано с исторически сложившимся религиозным и культурным своеобразием уголовно-правовой политики этих государств.

Интересен подход в реализации уголовно-правовой политики представителей англосаксонской правовой системы. Примерный уголовный кодекс США предусматривает ответственность за надругательство над трупом и осквернение места захоронения. Указанные преступные деяния объединены в разд. 250, посвященный учинению беспорядков, поведению, нарушающему публичный порядок, и родственным им посягательствам¹. Нельзя не отметить, что, несмотря на различия в правовом развитии континентальной и англосаксонской правовых семей, наблюдается тождество в определении объекта уголовно-правовой охраны в части регулирования общественной безопасности при совершении надругательств над телами умерших, а также местами их захоронения.

При проведении исследования норм национальных законодательств, криминализирующих деяния, связанные с надругательствами над телами умерших, мы выявили как тождественность в определении предмета посягательства, так и ряд особенностей, характерных для отдельных государств (см. таблицу). Из таблицы видно, что в зарубежных законодательствах перечень предметов, охраняемых законом, схож с перечнем, указанным в ст. 244 УК РФ. Нельзя не отметить, что в иностранных государствах, как и в России, законодатель не дает толкования понятиям, включенным в круг охраняемых предметов. При исследовании было выявлено, что зарубежный законодатель при определении предмета преступления использует синонимичные названия: труп - тело умершего, могила - место захоронения, надмогильный памятник – надмогильное сооружение, поэтому мы их объединили при составлении таблицы. Кроме того, в ходе проведения анализа были выявлены и иные, уникальные виды предметов указанных преступлений. В таких странах, как Республика Молдова, Латвийская Республика, Украина, Швеция, законодатели признают охраняемым предметом погребальную урну, содержащую прах умершего, а в Австрии и ФРГ - только пепел и части умершего. В Республике Корея и Японии закон охраняет не только кости, но и останки волос умершего.

Предмет	Страна
Тело/труп умершего	Грузия, Кыргызская Республика, Республика Беларусь, Эстонская Республика, Республика Молдова, Латвийская Республика, Украина, Швейцария, Япония, Китай, Дания, Швеция, Турция, Австрия, Франция, ФРГ, Республика Корея, КНР, Азербайджанская Республика

¹ См.: Примерный уголовный кодекс США / под ред. Б.С. Никифорова. М.: Прогресс, 1969. С. 189.

Место захоронения/могила	Грузия, Кыргызская Республика, Республика Беларусь, Литовская Республика, Республика Армения, Республика Казахстан, Республика Молдова, Латвийская Республика, Азербайджанская Республика, Украина, Швейцария, Япония, Швеция, Турция, Австрия, Бельгия, Республика Корея
Надмогильный памятник/сооружение	Грузия, Кыргызская Республика, Литовская Республика, Республика Армения, Республика Казахстан, Эстонская Республика, Республика Молдова, Швеция, Бельгия
Предметы на/в могиле	Грузия, Кыргызская Республика, Республика Беларусь, Республика Армения, Украина, Республика Молдова, Япония, Республика Корея
Кладбище	Япония, Дания
Погребальная урна с прахом	Республика Молдова, Латвийская Республика, Украина, Швеция
Пепел умершего	Австрия, ФРГ
Части умершего	Австрия, ФРГ
Останки волос умершего	Республика Корея, Япония

Также, на наш взгляд, необходимо отметить, что уголовные кодексы Аргентины, Болгарии, Голландии и Испании не предусматривают ответственности за преступления, связанные с надругательством над телами умерших и местами их захоронения. Возможно, это связано с тем, что исследуемые нами преступления не получили своего распространения в указанных странах.

Таким образом, уголовное законодательство большинства зарубежных стран содержит составы преступлений, связанных с нарушением покоя умерших. Как в уголовно-правовых нормах российского законодательства, так и в нормах законодательства зарубежных стран применяется сходная терминология при раскрытии объективных элементов деяния, связанного с надругательством над телами умерших и местами их захоронения.

Учитывая подход иностранных законодателей в части конструирования составов преступлений, связанных с надругательствами над телами усопших (Грузия, Кыргызская Республика, Республика Беларусь, Республика Армения, Республика Молдова, Япония, Украина, Республика Корея), представляется необходимым и российскому законодателю включить в перечень предметов, охраняемых законом от преступных действий, связанных с надругательствами, погребальную урну с прахом умершего, останки умершего, вещи, находящиеся в/на могиле.

Литература:

1. Закон об уголовном праве Израиля. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005.
2. Полный курс уголовного права: В 5 т. Т. I. Преступление и наказание / под ред. А.И. Коробеева. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2008.
3. Примерный уголовный кодекс США / под ред. Б.С. Никифорова. М.: Прогресс, 1969.
4. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001.
5. Уголовный кодекс Бельгии. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004.

6. Уголовный кодекс Грузии. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002.
7. Уголовный кодекс Дании. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001.
8. Уголовный кодекс КНР / под ред. А.И. Коробеева. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999.
9. Уголовный кодекс Кыргызской Республики. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002.
10. Уголовный кодекс Латвийской Республики. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001.
11. Уголовный кодекс Литовской Республики. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002.
12. Уголовный кодекс Польши. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001.
13. Уголовный кодекс Республики Армения. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004.
14. Уголовный кодекс Республики Беларусь. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001.
15. Уголовный кодекс Республики Казахстан. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001.
16. Уголовный кодекс Республики Корея. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004.
17. Уголовный кодекс Республики Молдова. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003.
18. Уголовный кодекс Республики Таджикистан. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001.
19. Уголовный кодекс Республики Узбекистан. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001.
20. Уголовный кодекс Турции. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003.
21. Уголовный кодекс Украины. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001.
22. Уголовный кодекс Франции. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002.
23. Уголовный кодекс ФРГ. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003.
24. Уголовный кодекс Швейцарии. М.: Изд-во «Диалог МГУ», 2000.
25. Уголовный кодекс Швеции. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001.
26. Уголовный кодекс Эстонской Республики. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003.
27. Уголовный кодекс Японии / под ред. А.И. Коробеева. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000.

УДК 342.924

**АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЯ
ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ПРИ ПРОВЕДЕНИИ МАССОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ:
АНАЛИЗ ФЕДЕРАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

*Татьяна Андреевна Карпенко, адъюнкт
Дальневосточного юридического института МВД России*

В статье проводится анализ федерального и регионального законодательства в сфере охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности при проведении массовых мероприятий.

Ключевые слова: общественный порядок; общественная безопасность; массовые мероприятия.

**ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR PUBLIC DISORDERS
AND SECURITY IN TIME OF MASS EVENTS: THE ANALYSIS
CONSIDERATION OF FEDERAL AND REGIONAL LEGISLATION**

Karpenko Tatyana Andreevna, Far Eastern Law Institute of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation, post graduate

The paper deals with the analysis of Federal and Regional legislation in the sphere of protection of public order and provision of public security during mass events.

Keywords: public order; public security; mass events.

Необходимым условием обеспечения общественного порядка и общественной безопасности при проведении массовых мероприятий является четкое правовое регулирование порядка их организации и проведения, а также действий органов государственной власти и местного самоуправления, направленных на привлечение к ответственности виновных лиц. Однако на основе анализа законодательства Российской Федерации и субъектов Российской Федерации можно прийти к выводу, что на сегодняшний день такое правовое регулирование отсутствует.

Прежде всего, законодатель не дает соответствующих разъяснений, что такое «массовые мероприятия», хотя это понятие встречается в ряде нормативных правовых актов федерального уровня.

Так, в Федеральном конституционном законе от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении»¹ указано, что на территории, на которой введено военное положение, запрещается или ограничивается право на проведение собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирования, а также иных массовых мероприятий. То есть законодатель относит к массовым мероприятиям публичные мероприятия и иные массовые мероприятия. При этом иные массовые мероприятия не конкретизируются.

Несколько по-другому представлена ситуация в Федеральном конституционном законе от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации»², в сфере регулирования которого находятся вопросы агитации посредством проведения массовых мероприятий (собрания, встречи с гражданами, митинги, демонстрации, шествия, публичные дебаты, иные мероприятия). Здесь наряду с публичными мероприятиями в понятие «массовые мероприятия» включены встречи с гражданами, публичные дебаты и иные мероприятия.

Между тем Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»³ разделяет публичные мероприятия (собрания, митинги, демонстрации, шествия, пикетирование) и массовые мероприятия (спортивные, зрелищные и иные). Представляется, что в основе разграничения исследуемых понятий лежит сфера деятельности, с целью которой они проводятся. Следовательно, мероприятие является массовым в том случае, если оно осуществляется в спортивных, зрелищных и иных целях.

Различные подходы к определению понятия «массовые мероприятия» содержатся и в законодательстве субъектов Российской Федерации.

Анализ приведенных в региональном законодательстве понятий массовых мероприятий позволяет выделить следующие признаки последних:

- участие большого количества граждан⁴;
- проводятся в общественных местах (парках, скверах, улицах)⁵;
- проводятся в целях организации развлекательных, спортивных, рекламных

¹ См.: СЗ РФ. 2002. №5. С. 375.

² См.: СЗ РФ. 2004. № 27. С. 2710.

³ См.: СЗ РФ. 2011. № 7. С. 900.

⁴ См.: Постановление Магаданской области от 10 сентября 2009 г. № 442-па «Об утверждении Положения об обеспечении общественного порядка при проведении мероприятий с массовым пребыванием граждан» // Магаданская правда. 2009. № 105.

⁵ См.: Решение Волгоградской городской Думы от 15 сентября 2012 г. № 36/1120 «Об утверждении Порядка организации и проведения массовых культурно-зрелищных, физкультурно-оздоровительных и спортивных мероприятий на территории Волгограда» // Городские вести. Царицын – Сталинград – Волгоград. 2010. № 107.

и других досуговых программ¹ и обеспечения пользования благами культуры²;
- открытость и доступность³.

Среди ученых также не существует единого мнения по поводу содержания понятия «массовые мероприятия», выделяются следующие признаки:

- участие больших масс людей⁴;
- проводятся в общественных местах (на улицах, площадях, в общественных зданиях, концертных залах и т.д.)⁵;
- проводятся в целях удовлетворения политических, духовных, физических и других потребностей⁶;
- имеют организованный характер⁷;
- имеют санкционированный характер, а также осуществляются на основе обычаев⁸.

Классификация массовых мероприятий имеет большое теоретическое и практическое значение, так как позволяет определить место каждого такого мероприятия среди других массовых мероприятий и, следовательно, установить порядок их организации и проведения.

В юридической литературе предлагаются различные основания классификаций массовых мероприятий.

По территориальному признаку выделяют: районного, межрайонного, городского, областного, регионального и федерального масштаба⁹.

По месту проведения: проводимые в зданиях и сооружениях, на открытой местности¹⁰.

По возможности участия в них граждан: общедоступные, ограниченные количеством участников¹.

¹ См.: Постановление Кабинета министров Республики Узбекистан от 13 октября 2003 г. № 15 «Об утверждении Правил проведения массовых мероприятий» // СЗ РУ.2003. № 1-2.

² См.: Постановление мэра г. Томска от 1 ноября 2008 г. № 835 «Об утверждении Порядка организации и проведения массовых мероприятий на территории муниципального образования «Город Томск» // Сб. офиц. мат. муницип. образования «Город Томск». 2008. № 50.

³ См.: Постановление Республики Хакасия от 25 января 2011 г. № 16 «Об утверждении Примерного положения о порядке организации и проведения массовых мероприятий» // Вестник Хакасии. 2011. № 73.

⁴ См., напр.: Корнев А.П. Административная деятельность органов внутренних дел: учеб. пособие. М., 2002. С. 266; Коротченков Д.А. Организация административно-правовой охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности при проведении массовых мероприятий: дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2006. С. 12.

⁵ См., напр.: Алоян А.М., Эглит В.И. Правовое регулирование охраны общественного порядка при проведении массовых мероприятий // Административно-правовые проблемы охраны общественного порядка. М., 1987. С. 38.

⁶ См., напр.: Коротченков Д.А. Указ. соч. С. 56.

⁷ См., напр.: Суходольский М.И. Организация деятельности служб и подразделений органов внутренних дел и внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации по обеспечению охраны общественного порядка и безопасности в период подготовки и проведения массовых мероприятий: метод. пособие. М., 2008. С.14.

⁸ См., напр.: Зубач А.В., Кокорев А.Н., Русакова Р.А. Основные направления деятельности милиции: учеб. пособие. М., 2005. С. 288.

⁹ См.: Косяченко В.И. Организация охраны общественного порядка и безопасности граждан при проведении массовых мероприятий: учеб. пособие. М., 2007. С. 5.

¹⁰ См.: Донов Б.Д. Организация работы по обеспечению общественного порядка и безопасности в период подготовки и проведения политических, спортивных и праздничных мероприятий: учеб. пособие. М., 2007. С. 9.

По содержанию и направленности: общественно-политические (собрания, митинги, демонстрации, шествия, пикетирование), культурно-зрелищные (карнавалы, фестивали и т.д.), спортивные (олимпиады, соревнования и т.д.), религиозные (шествия, обряды и т.д.)². Сюда еще включают рекламно-коммерческие (ярмарки, презентации, розыгрыши призов и т.д.).

Наиболее подробно действующим законодательством регламентирован порядок организации и проведения общественно-политических массовых мероприятий. К ним относятся собрания, митинги, демонстрации, шествия, пикетирование. На сегодняшний день проведение собраний, митингов, демонстраций, шествий, пикетирований на законодательном уровне регулируется Федеральным законом от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», который относит данные мероприятия к публичной форме. В статье 2 данного закона определено, что публичные мероприятия – открытая, мирная, доступная каждому, проводимая в форме собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования либо в различных сочетаниях этих форм акция, осуществляемая по инициативе граждан Российской Федерации, политических партий, других общественных объединений и религиозных объединений, в том числе с использованием транспортных средств.

За нарушение установленного порядка организации и проведения общественно-политических массовых мероприятий предусмотрена административная ответственность.

В отношении иных видов массовых мероприятий (культурно-зрелищных, спортивных и т.д.) на федеральном уровне отсутствует должное законодательное регулирование, поэтому порядок организации и проведения данных мероприятий регламентируется нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации. Подобные полномочия субъектов РФ вытекают из положений Конституции РФ (п. «б» ст. 72), согласно которым в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находится обеспечение законности, правопорядка, общественной безопасности.

Регламентируя порядок организации и проведения массовых мероприятий, субъекты Российской Федерации в то же время устанавливают административную ответственность за нарушение этого порядка. Однако подобная практика распространена не везде. Так, в ряде субъектов Российской Федерации (например, Алтайский край, Астраханская область) отсутствуют нормативные правовые акты, призванные регулировать общественный порядок и общественную безопасность при проведении массовых мероприятий, соответственно и административной ответственности в данной сфере не предусмотрено. В других случаях в региональном законодательстве присутствуют положения об обеспечении общественного порядка и общественной безопасности при проведении массовых мероприятий, но административной ответственности за их нарушение не установлено³.

Имеют место быть ситуации, когда нормы, регулирующие общественный

---

¹ См.: Нечипоренко Г.А. Охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности при проведении массовых мероприятий: учеб.-метод. пособие. М., 2008. С. 7.

² См.: Донских В.В., Занина Т.М., Леженин А.В. Порядок процессуального оформления дел об административных правонарушениях, связанных с организацией и участием в проведении несанкционированных массовых мероприятий: учеб.-метод. пособие. М., 2010. С. 15.

³ См., напр.: постановление администрации Магаданской области «Об утверждении Положения об обеспечении общественного порядка при проведении мероприятий с массовым пребыванием граждан».

порядок и общественную безопасность при проведении массовых мероприятий, приняты и за их нарушение установлена административная ответственность. Так, статья 3.1 Кодекса Томской области об административных правонарушениях предусматривает ответственность организатора массового мероприятия за нарушение установленного порядка организации и проведения массовых мероприятий. Порядок организации и проведения массовых мероприятий содержится в постановлении мэра г. Томска от 1 ноября 2008 г. № 835 «Об утверждении Порядка организации и проведения массовых мероприятий на территории муниципального образования «Город Томск»¹.

В других субъектах Российской Федерации наряду с организаторами за нарушение порядка организации и проведения массовых мероприятий к административной ответственности привлекаются и участники массовых мероприятий. Так, в законе Мурманской области от 6 июня 2003 г. «Об административных правонарушениях»² предусмотрена административная ответственность за нарушение установленного порядка организации или проведения массовых публичных мероприятий как организаторами, так и участниками массового мероприятия. Подобная норма содержится и в Кодексе Нижегородской области об административных правонарушениях, где в ст. 2.17 сформулирован ряд составов административных правонарушений:

- нарушение организаторами массовых мероприятий установленного порядка организации и проведения массовых мероприятий;
- нарушение гражданами общественного порядка при посещении массовых мероприятий.

В то же время отдельно существует административная ответственность участников массового мероприятия за нарушение порядка проведения массовых мероприятий³.

Помимо нарушений порядка организации и проведения массовых мероприятий в некоторых субъектах Российской Федерации предусмотрена административная ответственность за нарушение правил проведения массовых мероприятий. В соответствии с законом «Об административных правонарушениях» Тверской области⁴ установлена административная ответственность за нарушение правил проведения культурно-зрелищных, спортивных и иных массовых мероприятий. Указанные правила проведения массовых мероприятий содержатся в постановлении администрации Кашинского района «Об утверждении правил проведения культурно-зрелищных, спортивных и иных массовых мероприятий»⁵. Отметим, что в норме, предусматривающей административную ответственность за нарушение правил проведения массовых мероприятий, речь идет о гражданах, должностных лицах и юридических лицах и не уточняется, организаторы или участники несут административную ответственность за нарушение установленных правил.

В иных субъектах Российской Федерации участники массовых мероприятий привлекаются к административной ответственности за нарушение правил поведения при посещении массовых мероприятий. В качестве примера можно привести ст. 74(1) «Нарушение правил и норм поведения при посещении культурно-

¹ См.: Сб. офиц. мат. муницип. образования «Город Томск». 2008. № 50.

² См.: Мурманский вестник. 2003. № 113.

³ См.: статья 20 Закона Ярославской области от 3 декабря 2007 г. № 100-з «Об административных правонарушениях» // Губернские вести. 2007. № 98.

⁴ См.: Тверские ведомости. 2003. № 57.

⁵ См.: Красное знамя. 2012. № 5.

массовых и спортивных мероприятий» закона Республики Хакасия от 20 декабря 2008 г. «Об административных правонарушениях»¹.

Остановимся подробнее на этом примере. Правила и нормы поведения при посещении массовых мероприятий прописаны в постановлении Правительства Республики Хакасия от 25 января 2011 г. № 16 «Об утверждении Примерного положения о порядке организации и проведения массовых мероприятий на территории Республики Хакасия». Согласно указанному постановлению, массовыми мероприятиями являются духовно-просветительские, культурно-зрелищные, спортивные (физкультурные), а также иные мероприятия с групповым или массовым сосредоточением людей (в том числе фестиваль, карнавал, народное гуляние, праздничный концерт, дискотека, конгресс, конференция, съезд, семинар, симпозиум). Однако административная ответственность в законе Республики Хакасия «Об административных правонарушениях» предусмотрена только за нарушение правил поведения при посещении культурно-массовых и спортивных мероприятий. В связи с этим, нарушив правила и нормы посещения при проведении иных массовых мероприятий (за исключением культурно-массовых и спортивных), виновные не будут привлекаться к административной ответственности ввиду отсутствия соответствующей нормы.

На наш взгляд, необходимо обеспечить единство правового регулирования при установлении административной ответственности за нарушение правил и норм поведения при посещении массовых мероприятий. Примером этому может служить статья 3.2 Кодекса города Москвы об административных правонарушениях, в которой предусмотрена административная ответственность за нарушение правил поведения при посещении массовых мероприятий (культурно-зрелищных, спортивных и иных массовых мероприятий)².

Вместе с тем в законодательстве субъектов Российской Федерации есть нормы, предусматривающие административную ответственность за нарушение гражданами общественного порядка при посещении массовых мероприятий. В диспозициях данных статей раскрывается перечень подобных нарушений:

- самовольный выход зрителей на спортивную площадку, сцену, поле игры³;
- выбрасывание посторонних предметов во время проведения массового мероприятия⁴.

Помимо этого имеются отдельные составы за нарушение правил организации и проведения конкретных массовых мероприятий. Так, статья 11.9 закона Рязанской области от 4 декабря 2008 г. № 182-ОЗ «Об административных правонарушениях»⁵ устанавливает административную ответственность за нарушение правил организации и проведения фейерверков. В законе Забайкальского края от 2 июля 2009 г. № 198-ЗЗК «Об административных правонарушениях»⁶ предусмотрена административная ответственность за нарушение порядка организации ярмарок.

Таким образом, необходимо обеспечить на федеральном уровне единый подход в сфере регулирования общественного порядка и общественной безопас-

¹ См.: Вестник Хакасии. 2008. № 79.

² См.: Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2007. № 69.

³ См.: Кодекс Республики Татарстан об административных правонарушениях // Республика Татарстан. 2006. № 256.

⁴ См.: Закон Амурской области от 30 марта 2007 г. № 319-ОЗ «Об административной ответственности в Амурской области» // Вестник администрации Амурской области. 2007. № 3.

⁵ См.: Рязанские ведомости. 2008. № 233.

⁶ См.: Забайкальский рабочий. 2009. № 123-124.

ности при проведении массовых мероприятий на всей территории Российской Федерации.

Литература:

1. Алоян А.М., Эглит В.И. Правовое регулирование охраны общественного порядка при проведении массовых мероприятий // Административно-правовые проблемы охраны общественного порядка. М., 1987.
2. Донов Б.Д. Организация работы по обеспечению общественного порядка и безопасности в период подготовки и проведения политических, спортивных и праздничных мероприятий: учеб. пособие. М., 2007.
3. Донских В.В., Занина Т.М., Леженин А.В. Порядок процессуального оформления дел об административных правонарушениях, связанных с организацией и участием в проведении несанкционированных массовых мероприятий: учеб.-метод. пособие. М., 2010.
4. Зубач А.В., Кокорев А.Н., Русакова Р.А. Основные направления деятельности милиции: учеб. пособие. М., 2005.
5. Корнев А.П. Административная деятельность органов внутренних дел: учеб. пособие. М., 2002.
6. Коротченков Д.А. Организация административно-правовой охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности при проведении массовых мероприятий: дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2006.
7. Косяченко В.И. Организация охраны общественного порядка и безопасности граждан при проведении массовых мероприятий: учеб. пособие. М., 2007.
8. Нечипоренко Г.А. Охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности при проведении массовых мероприятий: учеб.-метод. пособие. М., 2008.
9. Суходольский М.И. Организация деятельности служб и подразделений органов внутренних дел и внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации по обеспечению охраны общественного порядка и безопасности в период подготовки и проведения массовых мероприятий: метод. пособие. М., 2008.

УДК 347.731

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ФОНДОВОЙ БИРЖИ В РОССИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

*Роман Михайлович Старовецкий, аспирант
Хабаровской государственной академии экономики и права*

В статье рассматривается зарождение биржевого законодательства и организационно-правовая структура бирж в Российской империи, становление и основные этапы развития института фондовой биржи в России до 1917 г.

Ключевые слова: биржа; биржевое общество; биржевое законодательство; биржевой устав; участники фондового рынка; фондовая биржа.

FOUNDATION AND DEVELOPMENT OF STOCK EXCHANGE INSTITUTE IN RUSSIA: HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS

Starovetsky Roman Mikhailovich, the Khabarovsk State Academy
of Economy and Law, post graduate

The paper deals with the origin of stock exchange legislation and organizational and

legal structure of stock exchanges in the Russian empire, foundation and basic stages of development of the stock exchange institute in Russia up to 1917.

Keywords: stock exchange; stock exchange society; stock exchange legislation; stock exchange charter; participants of stock market; fund stock exchange.

В настоящее время фондовый рынок является одним из важнейших экономических институтов любого государства с капиталистической экономикой, его состояние и курс считается ведущим показателем состояния экономики страны. Основным организующим институтом рынка ценных бумаг сегодня является фондовая биржа, именно на ней происходит централизованная продажа, покупка ценных бумаг, обеспечение гарантии исполнения сделок, разработка корпоративной этики поведения участников торговли. В настоящее время российские биржи относятся к институту юридических лиц в организационной форме акционерного общества или некоммерческого партнерства. Организация и деятельность фондовых бирж России регулируется гражданским законодательством и отдельными правовыми актами, регламентирующими организацию фондового рынка.

История биржевой торговли в России берет свое начало от Петровских реформ, хотя, как указывает Ю.Д. Филиппов, «...купеческие собрания с биржевым характером происходили в России еще в эпоху Великого Новгорода. В XVII в. они бывали в Москве, в Нижнем Новгороде и других городах»¹. На Коренной ярмарке, проводившейся в Курской области, шел торг таким «будущим» товаром, как табак, скот, сало².

Центральное положение Москвы очень быстро превратило ее в подлинный узел водных и сухопутных дорог. Как повествуют источники, «...торговый характер города ощущался на каждом шагу. Коробейники, лавки, рынки встречались повсюду. Ни в одном другом средневековом русском городе не было такого пестрого смешения народов. И уже никто не удивлялся, что вся торговая Россия управлялась Москвой, дававшей государству, как говорили тогда, вес, меру, монету и направление»³. Существуют и иностранные описания торговых мест в Москве: «...Среди Москвы, в той части города, которая обнесена красною стеною и называется Китаем, находятся два больших каменных двора, из которых один называется Гостиный двор старый, а другой - Гостиный новый. Внутри сего строения есть двор во 180 квадратных шагов, там висят большие городские весы, а вокруг в два яруса сделаны большие лавки со сводами, из коих многие нанимаются немцами. На этом дворе сходятся иностранцы и составляют как будто биржу, и их можно тут находить каждый день»⁴.

Устройство зданий для организованного ведения торга на столичных гостиных (торговых) дворах по подобию европейских биржевых зданий⁵ начал проводить молодой царь Петр Алексеевич. В 1697 г. в составе Великого посольства он посетил Амстердамскую биржу, а несколько позднее, в начале 1698 г., он побывал

---

¹ Филиппов Ю.Д. Биржа. Ее история, современная организация и функции // Новый энциклопедический словарь / И.Е. Андреевский, Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. VI. С.379. URL: <http://dlib.rsl.ru>.

² См.: Галкин В.В. История биржи в России. Воронеж: Центрально-Чернозем. кн. изд-во, 1996. С. 45.

³ История ММВБ. Московский «сити». URL: <http://museum.micex.ru>.

⁴ Там же.

⁵ В Европе биржевые здания были построены: в Антверпене в 1518 г., в Лондоне - в 1565 г., в Амстердаме - в 1611 г., в Париже - в 1724 г.

в Англии, где познакомился с работой Лондонской биржи¹. Петр I был впечатлен могуществом, богатством и славой Республики семи Соединенных провинций Северных Нидерландов. Амстердам в то время был самым богатым городом Европы благодаря интенсивной торговле и морскому торгово-транспортному сообщению в данном регионе. После возвращения в Россию в 1699 г. им был издан указ о составлении купцами торговых компаний и расписании городов по торговым делам на провинции с подчинением их главным городам. В указе прописывалось: «... городским всяких чинов и купеческим людям торговать так же, как торгуют иных государств торговые люди»², в этом видится стремление царя сделать торговлю централизованной.

Первая биржа как официальное место для собраний и проведения торгового дела открыта в 1703 г. в Санкт-Петербурге. Как пишет П.В. Лузинов, «заложив в 1703 г. Петропавловскую крепость, Петр I повелел неподалеку от нее, на Городском острове, на центральной площади, построить гостиный двор, а при нем выделить особое место для биржевых собраний купцов»³. В 1705 г. Петр I сооружает для биржевых собраний особое здание и устанавливает часы собраний в нем купечества с 11 до 13 часов дня.

Биржа в Санкт-Петербурге была создана по примеру Амстердамской, такие же биржи должны были быть заведены и в других городах. Постройкой бирж царь хотел «не столько обеспечить удобство купечества и ввести организованность в их уличные собрания, сколько привычку чужеземного института к русской почве, которую он мог считать в достаточной мере к этому подготовленной»⁴.

Управление делами русских бирж было возложено на учрежденную в 1717 г. коммерц-коллегию. В ее обязанности входило попечение внутренней и внешней торговли, слежение за строительством и ремонтом биржевых зданий, содержание их в надлежащем порядке⁵. Тогда же была учреждена должность гоф-маклера, которым стал Самуил Мюкс. Ему следовало «к стороне его величества чинить всякую верность и к казенной прибыли прилежное радение»⁶. В данном указе не прописывались ни права, ни обязанности лица, назначаемого на должность, описан только порядок расчета по его профессиональной деятельности, должность была персональной.

В принятом 16 января 1721 г. Регламенте, или Уставе Главного магистрата, в гл. XVIII «О биржах или схожих местах» указано, что «... надлежит в больших приморских и прочих купеческих знатных городах, со временем недалеко от Ратуши, по примеру иностранных купеческих городов, построить биржи, в которых бы сходились торговые (люди) граждане для своих торгов и постановления векселей, також и для ведомостей о приходе и отпуске кораблей и коммерции: понеже в током месте каждый купец и продавец в один час по вся дни тех может найти, с которыми ему нужда есть видится»⁷. В главе «О маклерах или торговых сводниках» обосновывается необходимость введения «понеже определенных присяжных маклеров», со ссылкой на положительный опыт «европейских купечеств», в которых «никакие договоры в торгах без оных не утверждаются, или сведения за-

¹ См.: Галкин В.В. Указ. соч. С. 45.

² ПСЗ Российской империи. Собр. I. Т.3. Ст. 1706. URL: <http://www.nlr.ru>.

³ Лузинов П.В. Санкт-Петербургская биржа и российский рынок ценных бумаг (1703-1917 гг.). СПб.: Изд-во «Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2004. С. 27.

⁴ Филиппов Ю.Д. Указ. соч. С. 379.

⁵ См.: Лузинов П.В. Указ. соч. С. 37.

⁶ ПСЗ РИ. Собр. I. Т.5. № 3708.

⁷ Там же.

писки маклеров такую силу имеют, как протокол в суде», также указано, что сделки, заключенные через маклера, являются гарантированными и «...надежны от всякого обмана». Как видим, для стимулирования проведения торгов именно на бирже законодатель пытается упростить и гарантировать отношения, вытекающие из заключенных на бирже сделок. Определены также критерии отбора на должность маклера: выбирать маклеров из купечества, знакомых с торговым делом, «добрых и во всех торгах и вексельных переводах искусных» и приводить их к присяге¹. На должность гоф-маклера назначались сенатским указом иностранные купцы, так как они считались более опытными в торговых делах.

Регламент определял и деятельность маклеров: никакие договоры на бирже не должны были заключаться без их участия, при этом маклерские записки, написанные при сделке, давали гарантии от возможных убытков в торговых операциях. Маклеры являлись не только посредниками при заключении сделки, но и отчасти заменяли нотариусов. Данное нововведение в биржевых торгах имело успех, из-за постоянного недостатка денег купечество было вынуждено прибегать к услугам маклера, которые предлагали товары по минимальной цене².

В 1724 г. законодательно было определено время работы биржи и проведения на ней собраний купцов: «собрание иметь на бирже в 11 часов и продолжать оное сколько похотят»³. Однако Сенатским указом от 13 декабря 1725 г. было определено «...купеческим людям на биржу походить в 11 часов, а выходить в час по полудни». Ограничение времени пребывания не было строгим, в указе говорилось, что «...ежели кто пожелает и более часа по полудни для отправления быть»⁴.

Сенатским указом от 9 ноября 1759 г. в Санкт-Петербургском порту вводится должность второго гоф-маклера со стороны российского купечества. Поводом послужила челобитная российских купцов, дабы уравнять положение между иностранными и русскими купцами⁵. Тем же указом вторым гоф-маклером был назначен торопецкий купец Михаил Туфанов⁶. В дальнейшем на должность гоф-маклера назначались купцы как со стороны иностранного, так и со стороны русского купечества только сенатскими указами.

С развитием торговли и увеличением заключаемых торговых сделок между купцами обнаружилась необходимость в увеличении числа маклеров, обслуживающих купеческие торговые и вексельные сделки. 15 апреля 1769 г. был издан сенатский указ «О определении маклеров во всех городах, где большие торги бывают», поводом тому послужило письменное обращение московского купца Степана Лянина и петербургского купца Сидора Данилова с сотоварищами «всего восьми человек». В данном обращении предлагалось для прекращения мошенничества в вексельных и торговых сделках ради купеческой пользы в тех губерниях, провинциях, где «знатные торги и вексели есть», законными считать только те сделки, которые совершались при посредничестве маклера, а остальные считать ничтожными и судом не рассматривать. Однако коммерц-коллегия и Сенат видели много неудобств с ведением таких ограничений, так как они ограничивали гражданско-правовой оборот в данной сфере и срочность торговых операций, входили в противоречие с некоторыми положениями Вексельного устава и других законодательных актов. Принимая во внимание опыт европейских государств, где

¹ См.: Лузинов П.В. Указ. соч. С. 31.

² См.: Лузинов П.В. Указ. соч. С. 38.

³ Лузинов П.В. Указ. соч. С. 39.

⁴ ПСЗ РИ. Собр. I. Т.5. № 4810.

⁵ ПСЗ РИ. Собр. II. Т.15. № 11008.

⁶ Там же. № 11504.

сделки, совершенные как с маклером, так и без него, имеют одинаковые правовые последствия, Сенат отказывается от введения таких ограничений, но решает увеличить число маклеров на бирже и назначить на должности маклеров выступивших с вышеуказанным прошением купцов.

В течение почти целого столетия со дня основания Петром I Санкт-Петербургская биржа оставалась единственной официально признанной биржей в России. Следует отметить, что биржи в Западной Европе были следствием эволюции крупной международной торговли, в России же учреждение бирж происходило по инициативе государства. Император насильно принуждал купцов проводить свои собрания и торг в отведенном им для этого здании – бирже, но естественных экономических предпосылок для возникновения биржи по подобию европейских не было.

В 1769 г. возникает вторая биржа в Одессе и в 1816 г. третья - в Варшаве. Четвертая по счету была Московская, получившая в 1837 г. правила для биржевого комитета. Открытая в 1811 г. Рыбинская биржа оказалась организацией мертворожденной, она совсем не посещалась купечеством, и ее пришлось открывать заново в 1842 г. В 1848 г. возникает Нижегородская ярмарочная биржа, в 1864 г. - Иркутская биржа, в 1866 г. биржи открываются в Туле, Казани, Риге, в 1869 г. - в Самаре и Киеве. Иркутская и Тульская биржи не сыскали популярности у купечества и вскоре закрылись. В 1870 г. биржи появились в Астрахани и Саратове, в 1872 г. - в Ревеле, в 1876 г. - в Харькове, в 1877 г. - в Орле. В 80-х гг. было открыто шесть бирж: в Нижнем Новгороде - в 1880 г., в этом же году биржу открыли в Либаве, в 1885 г. - в Николаеве, 1886 г. - в Баку, в 1888 г. - в Ельце и Таганроге¹.

В течение восемнадцатого столетия биржевая торговля в России руководствовалась законодательством, изданным при Петре I. Биржевое устройство и положение биржевого купечества все это время оставались без существенных изменений, не считая отмены по Указу от 22 октября 1746 г. обязательных посещений биржевых собраний².

Отличительной особенностью развития законодательства, регламентирующего биржевую деятельность в России, является то, что первые акты предписывали создание бирж, а не регулирование их деятельности, в отличие от европейского биржевого законодательства. Биржевое законодательство Нидерландов и Англии было направлено на регулирование в первую очередь производимых на бирже сделок с акциями и бумагами государственного займа, которые периодически становились участниками крупномасштабной спекулятивной игры на курсе. Спекулятивная горячка, приводящая к разорению малоимущего населения и влекущая экономические и социальные потрясения, беспокоила государственную и муниципальную власть, и она законодательно стремилась обуздать данное биржевое явление. Биржевое законодательство запрещало основной инструмент спекуляции – сделки на срок и вольное маклерство. В российском законодательстве подобие данных норм появится намного позже.

12 января 1831 г. было Высочайше утверждено Положение о биржевых маклерах, гоф-маклерах, аукционистах, нотариусах, корабельных маклерах, диспашерах и о биржевом комитете для надзора за благочинием биржевых собраний при Санкт-Петербургском порте. Данное Положение было разработано Министерством финансов, оно стало первым нормативным актом, регламентирующим организационную структуру биржи. Положение состояло из 8 отделов, 18 глав, включавших себя 177 параграфов. В Положении были прописаны должностные обязанности, права и ответственность биржевых маклеров, гоф-маклеров, аукциони-

¹ См.: Филиппов Ю.Д. Указ. соч. С. 380.

² См.: Лузинов П.В. Указ. соч. С. 83.

стов, нотариусов, корабельных маклеров, диспашеров. 17 и 18 главы посвящены биржевому комитету, который был образован для надзора за благочинием биржевых собраний. Надо отметить, что еще во второй половине XVIII в. купцы, ведущие торг на Санкт-Петербургской бирже, подали записку в комиссию по коммерции о создании для порядка и управления биржей определенных учреждений, вроде органов биржевого управления, существующих на европейских биржах¹.

Первый свой устав Санкт-Петербургская биржа получила в 1832 г. Этот устав станет типовым для всех остальных бирж Российской империи, которые будут приняты также отдельными законодательными актами. Устав состоял из 6 глав, включающих 74 параграфа. Первая глава называлась «О бирже и о посещающих оную» и посвящалась общему описанию биржи, лиц, ее посещающих, и регламенту посещения биржевых собраний. В первом параграфе данной главы дается определение биржи: «Биржа есть общее собрание принадлежащих к торговому сословию лиц, которые собираются в одном месте для удобства взаимных сношений и сделок по всем оборотам торговли и промышленности»². Во втором параграфе указано, что «щедротами и иждивением Правительства устроено для таких собраний в Санкт-Петербурге особое здание, которое в 1816 году поступило в заведование купечества, с тем, чтобы на его уже попечении облежало здание сего». Третий параграф Устава посвящен рабочему регламенту биржи, указаны часы и дни ее работы. В пятом параграфе указывается, какие лица могут производить торговые дела на бирже: «всякому дозволяется придти на биржу; но производить на оной» коммерческие дела имели право: а) негоцианты³, или первостатейные купцы 1-й гильдии, банкиры, занимающиеся переводом денег на российские и иностранные города, учетом векселей; б) заводчики и фабриканты для продажи оптом собственных изделий и для закупки необходимых материалов для своего производства; в) купцы 2-й гильдии, производящие оптовую или розничную торговлю; г) иностранные гости, занимающиеся оптовой торговлей, или банкиры; д) заезжие иностранные купцы, согласно предоставленному им законом праву, только на 6 месяцев; е) торгующие крестьяне по свидетельствам первых двух родов; ж) местные купцы 3-й гильдии и торгующие крестьяне по свидетельствам 3-го рода, желающие покупать на бирже товары от российских купцов первых двух гильдий и торгующих крестьян по свидетельствам первых двух родов; з) биржевые маклеры, аукционисты, корабельные маклеры, диспашеры, нотариусы и браковщики, подрядчики на привоз, отвоз товаров и на прочие коммерческие потребности».

В третьей главе Устава прописаны права и обязанности лиц, посещающих биржу. Каждый посещающий биржу имел право: 1) беспрепятственно проводить на ней торговые дела согласно своему званию и гильдии, заявив себя биржевому комитету и уплатив обязательный взнос; 2) обратиться в биржевой комитет с жалобой на всякое противозаконное в отношении себя действие.

Биржевое купечество имело право вносить свои предложения в биржевой комитет по вопросам проведения биржевых собраний, заключения биржевых сделок и др. В случаях особенной важности и требующих немедленного разрешения, когда биржевое купеческое общество признает нужным сделать представление непосредственно министру финансов, биржевой комитет принимает на себя его исполнение и доводит до сведения министра. Недовольные решением биржевого комитета имели право подать жалобу в Департамент внешней торговли. Каждый

---

¹ См.: Там же. С. 75.

² ПСЗ РИ. Собр. II. Т. 7. № 5648.

³ См.: Лузинов П.В. Указ. соч. С. 83.

находящийся на биржевом собрании подчинялся биржевому комитету и был обязан беспрекословно выполнять законные требования биржевых старшин.

Вторая глава Устава посвящена общему описанию органа управления биржи – биржевому комитету. Учреждался он для надзора за биржевыми собраниями, для посредничества в спорах по торговым делам, для наблюдения за законностью проводящейся на бирже торговли и т.д. В состав биржевого комитета входили: председатель – городской глава, три члена купечества 1-й гильдии и гоф-маклер. Городской глава и гоф-маклер были постоянными членами комитета, члены из купечества избирались биржевым купечеством на три года. Члены биржевого комитета именовались биржевыми старшинами. Сверх указанных лиц в биржевой комитет также избирались три маклера для исполнения письменных дел и разных поручений. Биржевой комитет имел право взаимодействовать со всеми лицами и органами по организационным делам, касающимся биржи, но по вопросам, разрешение которых зависело от «высочайшего начальства», комитет должен был выходить с представлениями в Департамент внешней торговли. В случае различных мнений членов комитета по тому или иному вопросу, решение принималось при помощи голосования, простым большинством голосов, в случае равного количества голосов, решающий голос был за председателем комитета.

Биржевой комитет принимал участие во всех биржевых мероприятиях, исполнял все распоряжения, касающиеся биржи, осуществлял постоянный надзор за благочинием биржевых собраний. Члены комитета не имели права уклоняться без законных причин от посредничества в спорных торговых делах, если были приглашены для разрешения спора. Комитет был обязан обеспечивать ведение хозяйственной части биржи, отслеживать своевременное поступление доходов на содержание биржевого здания, обязывать к производству установленного денежного взноса участников биржевых торгов, вести приходно-расходные книги, не допускать на бирже противозаконного маклерства.

Позднее в организационную структуру Санкт-Петербургской, Московской и Киевской бирж был введён дополнительный орган управления, который назывался собрание гласных (Санкт-Петербургская), или собрание выборных (Московская и Киевская). Введение данного органа управления в структуру крупнейших российских бирж стало следствием проводимой правительством биржевой реформы, вызванной крайней устарелостью биржевого законодательства. С введением новой структуры биржевое общество перестало быть распорядительным органом на бирже. Теперь оно исполняет только одну функцию: периодически избирает из своей среды нескольких лиц, которым и поручается осуществлять все права, принадлежащие всему обществу¹. Тем самым значительно повысилась эффективность работы нового представительного органа управления за счёт профессионального подбора его состава. На собрания выборных и гласных были перенесены правомочия, которые ранее были предоставлены общим собраниям биржевых обществ. Так, например, согласно ст. 20 Устава Санкт-Петербургской биржи, заведование общественными делами на бирже поручалось собранию гласных, которое представляло собою все биржевое общество.

Гласные на Санкт-Петербургской бирже (80 человек) избирались только купцами 1-й гильдии исключительно из купцов той же гильдии, торгующих на данной бирже. По усмотрению общего собрания гласных и по утверждению министра финансов число гласных могло быть увеличено до 150 человек. Выборные на Московской бирже избирались из представителей биржевого общества в количестве 100 человек, это число могло быть увеличено до 150. Выборные Киевской

---

¹ См.: Невзоров А.С. Русские биржи. Сводный устав русских бирж. Вып. 2. Юрьев, 1897. С. 120.

биржи избирались из членов биржевого общества, в которое могли входить купцы 1-й и 2-й гильдии в количестве 24 человек, с увеличением до 100 человек. Состав гласных заключал в себе представителей от всех главных отраслей биржевой деятельности, разделенных на разряды, число гласных соответствовало значению того или иного разряда. На СПб было определено семь разрядов: 1) привоз к Санкт-Петербургскому порту или оптовая продажа при порте предметов заграничного отпуска; 2) отпуск из Санкт-Петербургского порта за границу русских товаров; 3) привоз к Санкт-Петербургскому порту иностранных товаров; 4) покупка на Санкт-Петербургской бирже предметов заграничной привозной торговли; 5) банкирские дела и операции по фондам (включая акции и т.п.) и денежному рынку; 6) морское и каботажное судоходство и пароходство, морское страхование; 7) заводская и фабричная промышленность.

К правам и обязанностям собрания гласных относилось: 1) постановление приговоров о том, что касается устройства и порядка биржевых собраний, удобства и правильности биржевых сделок, решения вопросов, вносимых биржевым комитетом на рассмотрение собрания гласных, назначение часов для биржевых собраний, закрытие в нужных случаях собраний и перемещение курсовых дней, назначение платы за право посещения биржи лицами биржевого купечества и особого сбора за вход в биржевые собрания лиц, посещающих собрания случайно или временно, установление пени и ее размера за несоблюдение установленных порядков и правил; 2) ходатайство перед правительством о принятии мер к удовлетворению потребностей торговли и промышленности; 3) распоряжение принадлежащими биржевому обществу суммами и имуществом, приобретение от имени общества разного рода имущества, заклад имущества; 4) организация выборов на должность председателя, членов биржевого комитета, биржевых маклеров, нотариусов, аукционистов, диспашеров; 5) рассмотрение предоставляемой биржевым комитетом сметы доходов и расходов и годового отчета по имуществу, принадлежащему биржевому обществу.

Права и функции собраний выборных на Московской и Киевской биржах были идентичны вышеперечисленным.

Общие правила, которыми руководствовались российские биржи, были изложены в Торговом уставе. Устав относил биржи к внутренним торговым учреждениям и давал им следующее определение: «...Биржи суть сборные места, учреждаемые и в других городах, в коих производится значительная торговля, для нужных по торговым оборотам сведений в определенное время, для получения о ценах на товары, о приходе и отходе кораблей, также для установления вексельного курса»¹.

Согласно Торговому уставу, на бирже должна вывешиваться специальная информация о проведении торгов, о времени проведения собрания, на бирже нельзя вести разговоры о делах политических и военных, во время проведения биржевого собрания купец не мог быть взят под стражу, за исключением дел уголовных.

Во втором разделе Торгового устава приведены уставы Санкт-Петербургской, Рыбинской, Одесской, Нижегородской ярмарочной бирж, положения по бракованию товаров при бирже и биржевых артелях.

В последующем в Уставе был определен порядок образования биржевых обществ и биржевых установлений при них, их устройство, описаны права и функции органов управления бирж и надзорных органов.

Следует признать, что биржевое законодательство не отвечало в достаточной мере многим требованиям тогдашней экономической действительности, осо-

---

¹ ПСЗ. Т. 11. Ч. 2. С. 354.

бенно в сфере стремительно развивающегося фондового рынка. Попытки реформирования биржевого устройства не раз предпринимались на протяжении второй половины XIX в. как со стороны биржевого купечества, так и со стороны биржевого комитета, но практически все проекты предложений по реформированию биржевой сферы были оставлены Министерством финансов без внимания.

С 1827 г. в России начинается развитие акционерного дела; акции постепенно поступают на биржу и делаются объектом биржевой торговли¹. Русское общество обратило пристальное внимание на биржу во второй половине 1850-х гг., с окончанием Крымской войны. Акционерное оживление и биржевая горячка достигли наивысшего предела к 1860 г. Следующая волна биржевого подъема в более широких масштабах произойдет через 10 лет². Связано это было с мощным железнодорожным строительством и спекуляцией железнодорожными акциями. Но в связи с повышением банковских ссуд под акции, произошел резкий спад активности на фондовом рынке, закончившийся биржевым кризисом 1869 г. Следующий подъем на фондовом рынке произойдет в середине 1890-х гг. как следствие экономических реформ.

В Российской империи не было специализированных фондовых бирж, фондовые сделки на них совершались применительно к правилам биржевой торговли товарами. Из 21 существовавшей в России биржи (во Франции в этот период действовало 72 биржи, в Австрии - 6, в Пруссии - 16) фондовые операции осуществлялись на 7: Петербургской, Московской, Варшавской, Киевской, Одесской, Харьковской и Рижской. Ведущей была Санкт-Петербургская биржа, осуществлявшая сделки с наибольшим числом бумаг. Их курсы принимались остальными биржами как руководящие, а самостоятельная котировка ценных бумаг осуществлялась лишь в отношении местных акционерных компаний³.

В фондовом обороте значительную долю занимали государственные ценные бумаги, акции предприятий, обеспеченные государственной поддержкой. В связи с этим Министерство финансов весьма отрицательно отнеслось к биржевому ажиотажу и спекулятивной игре на бирже. В докладе министра финансов биржевое увеличение 1895 г. признавалось одним из первых в ряду отрицательных явлений русской экономической жизни⁴.

В конце XIX в. Министерством финансов была предпринята попытка глобального реформирования биржевого рынка страны, целью которого было создание отвечающего требованиям экономической действительности биржевого законодательства, введение единого для всех бирж устава, подчинение фондового рынка государственному контролю. Для этих целей были образованы особые комиссии - одна в 1894 г. под председательством члена совета, министра финансов, видного теоретика в области финансового права профессора П.П. Цитовича и вторая - в 1897 г. под председательством товарища министра финансов В.И. Ковалевского. Несмотря на проделанную работу, практически все проекты, предложенные комиссиями, были отклонены Министерством финансов, а утвержденные проекты не нашли одобрения в Государственном совете. В итоге следствием реформы стало Высочайше утвержденное Положение об образовании на Санкт-Петербургской бирже фондового отдела (1900 г.) и некоторые правовые акты: Правила о допущении ценных бумаг к котировке (1902 г.); Правила об ответст-

¹ См.: Идельсон В.Р. Кредит, банки и биржа. СПб., 1914. С. 42.

² См.: Лизунов П.В. Российское общество и фондовая биржа во второй половине XIX – начале XX в. // Экономическая история: ежегодник. М., 2005. С. 261.

³ См.: Жолобова Г.А. Правовое регулирование биржевой деятельности в Российской империи на рубеже XIX-XX вв. // Правоведение. 2003. № 1.

⁴ См.: Лизунов П.В. Указ. соч.

венности лиц, входящих в обращение на Санкт-Петербургской бирже ценных бумаг (1906 г.), оба эти акта были составлены применительно к германскому биржевому закону¹.

Фондовый отдел находился в ведении Министерства финансов. Фондовый отдел могли посещать: а) действительные члены отдела; б) постоянные посетители отдела; в) гости; г) представители Министерства финансов. Заведование делами фондового отдела осуществлялось общим собранием действительных членов отдела и совета отдела. При фондовом отделе состояли фондовые маклеры и котировальная комиссия. Действительные члены отдела избирались советом отдела закрытой баллотировкой по рекомендации двух действительных членов отдела. Действительные члены отдела пользовались следующими правами: 1) участие в общих собраниях действительных членов отдела; 2) посещение биржевых собраний; 3) заключение биржевых сделок лично или через уполномоченного; 4) сообщение котировальной комиссии данных, необходимых для составления биржевого бюллетеня. Действительные члены отдела могли быть исключены из отдела по собственному желанию или по предложению министра финансов. Постоянные посетители фондового отдела могли заключать биржевые сделки с ценными бумагами только через фондовых маклеров. Гостями были лица, желающие посетить биржевые собрания без права заключения биржевых сделок.

Действительные члены отдела имели свои собрания, на которых избирались члены совета отдела, рассматривались и утверждались сметы расходов и доходов фондового отдела и отчеты по исполнению данных смет.

Совет отдела возглавлял председатель Санкт-Петербургского биржевого комитета. Совет состоял из действительных членов отдела, избираемых на три года и утверждаемых министром финансов. В случае если выборы не состоялись или министр финансов отверг предложенные собранием кандидатуры, он мог назначить членов совета самостоятельно, объявив проведение следующих выборов.

Таким образом, функции совета отдела и его членов были похожи на функции собрания гласных и биржевого комитета, на его членов возлагалось участие в собраниях гласных Санкт-Петербургской биржи.

На совет отдела возлагались следующие функции: установление дней и часов биржевых собраний на фондовом отделе; составление и издание правил о порядке заключения сделок с ценными бумагами; составление и издание инструкций для фондовых маклеров по ведению книг; определение формы бюллетеня и установление способов, форм и средств приведения в известность цены на ценные бумаги и валюту; назначение размеров взносов действительных членов; назначение таксы вознаграждения фондовых маклеров за выполнения приказов. Постановления по вышеперечисленным вопросам подлежали утверждению у министра финансов. Самостоятельно совет отдела решал вопросы по допущению к котировке ценных бумаг, вопросы, связанные с заключением и исполнением биржевых сделок, вопросы о принятии или исключении лиц и действительных членов отдела, о запрещении посещения биржевых собраний, избирал членов и председателя котировальной комиссии.

Таким образом, выделенный в отдельное структурное подразделение фондовый отдел Санкт-Петербургской биржи практически был лишен всякой автономии в решении вопросов, связанных с его составом и организацией проведения биржевых собраний. Все значительные решения, которые могли повлиять на ход биржевой торговли в сфере ценных бумаг, принимались с утверждения Министерства финансов. Да и единственная наделенная корпоративными правами биржевая публика отдела – действительные члены были крупными банкирами и кре-

---

¹ См.: Филиппов Ю.Д. Указ. соч. С. 724.

дителями, на которых Министерство финансов всегда могло найти как прямые, так косвенные рычаги влияния.

Фондовый отдел начал работать в апреле 1901 г., его законодательство продолжало совершенствоваться вплоть до осени 1902 г. Было принято правило не допускать к торговле ценные бумаги предприятий, капиталы которых составляют менее 500 тыс. руб. Также было определено, что представители совета фондового отдела, которые принимают решение о включении тех или иных ценных бумаг в листинг, несут солидарную ответственность за возможные убытки¹.

В декабре 1917 г. вся торговля ценными бумагами в России была запрещена, как «буржуазный» институт ликвидирована биржа. Однако через неполных четыре года в стране вновь появились биржи. Объективной предпосылкой возрождения бирж стал переход к новой экономической политике.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы.

Становление российского биржевого законодательства происходило в три основных этапа. К первому нужно отнести нормы, предписывающие устройство бирж в торговых городах по подобию европейских, а также нормы, регламентирующие их работу. Второй этап включает в себя становление законодательства, регулирующего внутриорганизационную структуру бирж (положение о биржевых маклерах, биржевые уставы). К третьему этапу относится законодательство, регулирующее организацию фондового рынка. Особенностью становления бирж в России было то, что изначально они не были последствием эволюции крупной торговли, а возникли по воле государства. Несмотря на то, что обороты фондовых сделок на биржах, где проводились котировки ценных бумаг, во много раз превышали обороты по торговым сделкам, фондовые биржи так и не были выделены в отдельную категорию бирж, на которых обращались исключительно ценные бумаги.

Литература:

1. Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. М.: Академия наук СССР, 1945.
2. Галкин В.В. История биржи в России. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1996.
3. Жолобова Г.А.. Правовое регулирование биржевой деятельности в Российской империи на рубеже XIX - XX вв. //Правоведение. 2003. № 1.
4. Лизунов П.В. Российское общество и фондовая биржа во второй половине XIX – начале XX в. // Экономическая история: ежегодник. М., 2005.
5. Лузинов П.В. Санкт-Петербургская биржа и российский рынок ценных бумаг (1703-1917 гг.). СПб.: Рус.-Балт. информ. центр «Блиц», 2004.
6. Невзоров А.С.. Русские биржи. Сводный устав русских бирж. Юрьев, 1897.
7. Тимофеев А.Г. История Санкт-Петербургской биржи. История биржевого законодательства, устройства и деятельности учреждений Санкт-Петербургской биржи. СПб., 1903.

УДК 342.922

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ПОЛИЦИЕЙ АДМИНИСТРАТИВНО-ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫХ МЕР В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Светлана Александровна Романькова, преподаватель Владивостокского

¹ URL: <http://center-witte.ru>

филиала Дальневосточного юридического института МВД России

В статье рассматриваются административно-восстановительные меры, применяемые полицией в сфере дорожного движения, как самостоятельная группа мер административного принуждения. Данные меры способствуют восстановлению нарушенного состояния охраняемых законом общественных отношений в области дорожного движения, а также через определенные лишения и ограничения полностью восстанавливают граждан в их субъективных правах. Они направлены на снижение количества дорожно-транспортных происшествий и тяжести их последствий. Обозначенные меры должны иметь прочную законодательную основу.

Ключевые слова: административное принуждение; административно-восстановительные меры; автотранспортное средство; хранение на специализированной стоянке; прекращение движения при помощи блокирующих устройств; снятие государственных номерных знаков; устранения причины запрещения эксплуатации.

ON THE PROBLEM OF POLICE APPLICATION OF ADMINISTRATIVE AND REGENERATIVE MEASURES IN THE FIELD OF ROAD TRAFFIC

Romankova Svetlana Aleksandrovna, Far Eastern Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Vladivostok Branch, instructor

The paper deals with administrative and regenerative measures applied by police in the sphere of road traffic as an independent group of measures of administrative compulsion. The given measures promote the regeneration of the broken condition of law protected public relations in the field of road traffic. Concrete deprivations and restrictions completely recover citizens in their subjective rights. They are directed to decrease the quantity of traffic accidents and their heavy consequences. The above mentined measures are to have strong legislative basis.

Keywords: administrative compulsion; administrative and regeneration measures; vehicle (automotor vehicle); storage in specialized parking lot; movement termination by means of interlocks; removal of state license plates; reason elimination of operation prohibition.

В настоящее время ученые-административисты не пришли к единому мнению относительно административно-восстановительных мер как самостоятельно-го вида административного принуждения.

Первым предложил рассмотреть данную группу мер в качестве самостоятельного вида административного принуждения Д.Н. Бахрах, по мнению которого административно-восстановительные меры применяются «с целью возмещения причиненного ущерба, восстановления прежнего положения вещей»¹. Этой позиции Д.Н. Бахрах придерживается и сегодня, разделяя административное принуждение на «меры предупреждения, пресечения, наказания и восстановительные меры»². Много внимания данной проблематике было уделено С.Н. Кожевниковым, который выделил в самостоятельную группу административного принуждения «меры защиты субъективных прав и обязанностей»³, которые он отождествляет с

---

¹ Бахрах Д.Н. Административное право России. М., 2000. С.447.

² Там же. С. 445.

³ Кожевников С.Н. Меры защиты в советском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1968. С. 9.

правовосстановительными мерами¹. В свою очередь, В.В. Серегина, обобщая мнения многих ученых-теоретиков, пришла к выводу, что действующей сегодня правовой системе среди основных видов государственного принуждения свойственны и правовосстановительные. По ее мнению, это один из основных видов государственного принуждения, где «реализуются возможные государственно-правовые способы обеспечения правопорядка: пресечение нарушений, предупреждение (профилактика) правонарушений и иных нежелательных последствий, восстановление нарушенных прав и интересов, наказание правонарушителей»².

По мнению других авторов, выделять данный вид мер административного принуждения не имеет смысла, так как на защиту прав и законных интересов граждан направлены и остальные виды мер. Например, С.К. Евдокимов утверждает, что защита права «осуществляется не только восстановительными средствами, но посредством превентивных, пресекающих мер»³. С его позицией согласен А.И. Каплунов, высказывая мнение о том, что, по сути дела, «применение любой меры принуждения, независимо от принадлежности ее к той или иной правовой форме государственного принуждения, в конечном счете направлено на защиту прав и свобод правопослушных граждан, интересов общества и государства»⁴. В.Д. Ардашкин считает, что сам термин «защита» достаточно универсален, «для того чтобы использовать его для обозначения конкретной правовой формы государственного принуждения»⁵. К числу же правовых форм государственного принуждения он относит институт защиты, но включает в его содержание наряду с правовосстановительными мерами и меры пресечения.

В то же время меры пресечения существенно отличаются от административно-восстановительных мер по характеру, целям, основаниям, порядку применения и правовым последствиям.

Во-первых, меры пресечения глубоко вторгаются в сферу основных, закрепленных Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина и сопряжены с наступлением, как отмечает Л.Л. Попов, «отрицательных последствий морального, материального и физического характера»⁶. Вследствие этого сотрудники полиции данную группу мер в условиях современного законодательства могут применять лишь в исключительных, предусмотренных законом случаях.

Административно-восстановительные же меры, напротив, способствуют восстановлению нарушенного состояния охраняемых законом общественных отношений, а также через определенные лишения и ограничения полностью восстанавливают граждан в их субъективных правах, следовательно, им свойствен восстановительный характер.

¹ См.: Кожевников С.Н. О принуждении в правоохранительной деятельности Советского государства // Проблемы применения советского права: сб. ученых трудов. Вып. 22. Свердловск: Сверд. юрид. ин-т, 1973. С. 123-127.

² Серегина В.В. Государственное принуждение по советскому праву. Воронеж, 1991. С. 70.

³ Евдокимов С.В. Правовосстановительные меры в российском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород: НЮИ МВД России, 1999. С. 11.

⁴ Каплунов А.И. Административное принуждение, применяемое органами внутренних дел: теория и практика: монография. СПб., 2004. С.50.

⁵ Мнение В.Д. Ардашкина разделяют С.Н. Кожевников и А.А. Левков. См.: Левков А.А. Меры защиты в российском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара.: Самар. гос. экон. академия, 2002. С.28.

⁶ Попов Л.Л. Убеждение и принуждение в административной деятельности милиции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1966. С. 5.

Во-вторых, меры пресечения, согласимся с А.И. Каплуновым, имеют целью «...прекратить присущими этой форме способами реагирования начавшееся и еще не оконченное антиобщественное, противоправное поведение»¹. Следовательно, меры пресечения применяются в момент совершения правонарушения в целях его прекращения.

Административно-восстановительные меры имеют своей целью устранить вред, причиненный охраняемым законом интересам вследствие уже совершенного правонарушения и восстановить их прежнее состояние.

Все это говорит о том, что по своей природе меры пресечения и административно-восстановительные меры отличны друг от друга. Поэтому мы солидарны с А.И. Каплуновым в том, что все-таки «более правильным будет говорить о пресечении и правосознании как самостоятельных правовых формах государственного принуждения». Однако, несмотря на данное заявление, А.И. Каплунов, рассматривая применение мер административного принуждения в контексте построения в России демократического правового государства, формирования правовых начал общественной жизни с учетом приоритетного значения прав и свобод человека и гражданина, почему-то признал нехарактерной такую правовую форму государственного принуждения, как правосознание.

Вместе с тем в условиях сложившейся цивилизованной модели отношений полиции и общества, сотрудника полиции и гражданина полиция на современном этапе должна сосредоточить основные усилия на защите прав и свобод человека и гражданина в соответствии с международными стандартами². В связи с этим считаем необходимым обозначить административно-восстановительные меры как самостоятельную группу мер административного принуждения.

Мы согласны с В.Д. Ардашкиным и А.И. Каплуновым в том, что действительно «в административном праве восстановление достигается через пресечение нарушений правопорядка»³ и «через привлечение к материальной ответственности»⁴. Добавим, что в административном праве восстановление достигается и через привлечение к административной ответственности. Поэтому нам ближе позиция В.Р. Кисина, по мнению которого «эти меры имеют общее назначение – обеспечить реализацию норм материального (главным образом административного) права, устанавливающих ответственность за совершение правонарушений, и являются по своему характеру административно-процессуальными мерами»⁵.

К данной группе мер в области дорожного движения, исходя из теории и практики применения сотрудниками ГИБДД мер административного принуждения, предлагаем отнести:

1. Перемещение автотранспортного средства на специализированную стоянку и хранение на специализированной стоянке до устранения причины задержания.
2. Прекращение движения автотранспортного средства при помощи блокирующих устройств до устранения причины задержания.

¹ Каплунов А.И. Указ. соч. С. 55.

² Справочные материалы для разъяснения положений Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции». М.: Правовой департамент МВД РФ, 2011. С. 4. URL: <http://www.twirpx.com/file/690810> (дата обращения: 23.03.2013).

³ Ардашкин В.Д. О принуждении по советскому праву // Сов. гос-во и право. 1970. № 7. С. 39.

⁴ Каплунов А.И. Указ. соч. С. 58.

⁵ Кисин В.Р. Меры административно-процессуального принуждения и их применение (по материалам деятельности органов внутренних дел): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: МВШМ МВД СССР, 1983. С. 9.

3. Снятие государственных номерных знаков до устранения причины запрещения эксплуатации транспортного средства.

4. Выдачу разрешения начальника ГИБДД на возврат транспортных средств, находящихся на специализированных стоянках и задержанных по причине совершения их владельцами административных правонарушений в области безопасности дорожного движения.

5. Возврат регистрационных знаков.

Несмотря на их принудительный характер, данные меры направлены, во-первых, на реализацию исполнения административной ответственности за правонарушения в области дорожного движения в виде уплаты штрафа, предусмотренного соответствующей статьей. Уплата штрафа является основанием получения разрешения начальника ГИБДД на возврат транспортных средств, находящихся на специализированных стоянках и задержанных по причине совершения их владельцами административных правонарушений. Неуплата штрафа является основанием для отказа в выдаче разрешения на возврат автотранспорта со специализированной стоянки, более того, его собственник может на законных основаниях лишиться принадлежащего ему автомобиля в связи с его реализацией на торгах.

Во-вторых, эти меры направлены на восстановление нарушенного состояния охраняемого законодательства Российской Федерации и иных нормативно-правовых актов, правил, стандартов и технических норм в области дорожного движения, в случае правонарушений, совершенных в области дорожного движения, предусмотренных гл. 11 и 12 КоАП РФ. Для нас представляют интерес нарушения требований следующих статей:

а) ст. 11.26 – Незаконное использование зарегистрированных в других государствах автотранспортных средств для перевозок грузов и (или) пассажиров;

б) ч. 1 ст. 11.29 – Осуществление международных автомобильных перевозок без разрешений, если такие разрешения обязательны;

в) ч. 2 ст. 11.29 – Осуществление без соответствующего разрешения международной автомобильной перевозки грузов и (или) пассажиров с территории Российской Федерации на территорию третьего государства либо с территории третьего государства на территорию Российской Федерации;

г) ч. 1 ст. 12.3 – Управление транспортным средством водителем, не имеющим при себе документов на право управления им, регистрационных документов на транспортное средство;

д) ч. 2 ст. 12.5 – Управление транспортным средством с заведомо неисправными тормозной системой (за исключением стояночного тормоза), рулевым управлением или сцепным устройством (в составе поезда);

е) ч. 1 ст. 12.7 – Управление транспортным средством водителем, не имеющим права управления транспортным средством (за исключением учебной езды);

ж) ч. 2 ст. 12.7 – Управление транспортным средством водителем, лишенным права управления транспортным средством;

з) ч. 1 ст. 12.8 – Управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения;

и) ч. 3 ст. 12.8 – Управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения и не имеющим права управления транспортными средствами либо лишенным права управления транспортными средствами;

к) ч. 4 ст. 12.8 – Повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 или 2 настоящей статьи;

л) ч. 4 ст. 12.16 – Несоблюдение требований, предписанных дорожными знаками или разметкой проезжей части дороги, запрещающими остановку или стоянку транспортных средств;

м) ч. 5 ст. 12.16 – Нарушение, предусмотренное ч. 4 настоящей статьи, со-

вершенное в городе федерального значения Москве или Санкт-Петербурге;

н) ч. 3 ст.12.19 – Остановка или стоянка транспортных средств на пешеходном переходе и ближе 5 м перед ним, за исключением вынужденной остановки и случая, предусмотренного ч. 6 настоящей статьи, либо нарушение правил остановки или стоянки транспортных средств на тротуаре, за исключением случая, предусмотренного ч. 6 настоящей статьи;

о) ч. 4 ст.12.19 – Нарушение правил остановки или стоянки транспортных средств на проезжей части, повлекшее создание препятствий для движения других транспортных средств, а равно остановка или стоянка транспортного средства в тоннеле;

п) ч. 6 ст.12.19 – Нарушения, предусмотренные ч. 3, 4 настоящей статьи, совершенные в городе федерального значения Москве или Санкт-Петербурге;

р) ч. 1 ст. 12.21.1 - Перевозка крупногабаритных и тяжеловесных грузов без специального разрешения и специального пропуска в случае, если получение такого пропуска обязательно, а равно с отклонением от указанного в специальном разрешении маршрута движения;

с) ч. 2 ст. 12.21.1 - Перевозка крупногабаритных грузов с превышением габаритов, указанных в специальном разрешении, более чем на 10 см;

т) ч. 3 ст. 12.21.1 – Перевозка тяжеловесных грузов с превышением разрешенных максимальной массы или нагрузки на ось, указанных в специальном разрешении, более чем на 5 %;

у) ч. 1 ст.12.21.2 – Перевозка опасных грузов водителем, не имеющим свидетельства о подготовке водителей транспортных средств, перевозящих опасные грузы, свидетельства о допуске транспортного средства к перевозке опасных грузов, специального разрешения, согласованного маршрута перевозки или аварийной карточки системы информации об опасности, предусмотренных правилами перевозки опасных грузов, а равно перевозка опасных грузов на транспортном средстве, конструкция которого не соответствует требованиям правил перевозки опасных грузов или на котором отсутствуют элементы системы информации об опасности либо оборудование или средства, применяемые для ликвидации последствий происшествия при перевозке опасных грузов, либо несоблюдение условий перевозки опасных грузов, предусмотренных указанными правилами;

ф) ч. 1 ст. 12.26 - Невыполнение водителем законного требования сотрудника полиции о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения или невыполнение водителем транспортного средства Вооруженных Сил РФ, внутренних войск МВД РФ, инженерно-технических, дорожно-строительных воинских формирований при федеральных органах исполнительной власти или спасательных воинских формирований федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на решение задач в области гражданской обороны, законного требования должностного лица военной автомобильной инспекции о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения;

х) ч. 2 ст. 12.26 - Невыполнение водителем, не имеющим права управления транспортными средствами либо лишенным права управления транспортными средствами, законного требования сотрудника полиции о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения или невыполнение не имеющим права управления транспортными средствами либо лишенным права управления транспортными средствами водителем транспортного средства Вооруженных Сил РФ, внутренних войск МВД РФ, инженерно-технических, дорожно-строительных воинских формирований при федеральных органах исполнительной власти или спасательных воинских формирований федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на решение задач в области гражданской обороны, законного требования должностного лица военной автомобильной инспек-

ции о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения;

ц) ч. 3 ст. 12.27 – Невыполнение требования Правил дорожного движения о запрещении водителю употреблять алкогольные напитки, наркотические или психотропные вещества после дорожно-транспортного происшествия, к которому он причастен, либо после того, как транспортное средство было остановлено по требованию сотрудника полиции, до проведения уполномоченным должностным лицом освидетельствования в целях установления состояния опьянения или до принятия уполномоченным должностным лицом решения об освобождении от проведения такого освидетельствования.

Как известно, совершение административных правонарушений в области дорожного движения, предусмотренных вышеуказанными статьями КоАП РФ, является основанием применения к лицу одной из перечисленных в ст. 27.1 КоАП РФ меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях – задержания транспортного средства, запрещения его эксплуатации. Так, часть 1 ст. 27.13 КоАП РФ разъясняет, что задержание транспортного средства есть исключение его из процесса перевозки людей и грузов **путем** перемещения его при помощи другого транспортного средства и помещения в ближайшее специально отведенное охраняемое место (на специализированную стоянку) и хранение на специализированной стоянке до устранения причины задержания.

При невозможности по техническим характеристикам транспортного средства его перемещения и помещения на специализированную стоянку в случае совершения административного правонарушения, предусмотренного ч. 1, 2 или 3 ст. 12.21.1 или ч. 1 ст. 12.21.2 КоАП РФ, задержание осуществляется **путем** прекращения движения при помощи блокирующих устройств. А при нарушениях правил эксплуатации транспортного средства и управления транспортным средством, предусмотренных ст. 8.23, 9.3, ч. 2 ст. 12.1, ст.12.4, ч. 2-7 ст. 12.5, 12.37 КоАП РФ, запрещается эксплуатация транспортного средства, при этом государственные регистрационные знаки подлежат снятию до устранения причины запрещения эксплуатации транспортного средства.

Из определения законодателя просматривается, что задержание транспортного средства осуществляется **путем** перемещения его при помощи другого транспортного средства и помещения в ближайшее специально отведенное охраняемое место, а в некоторых случаях **путем** прекращения движения при помощи блокирующих устройств, тогда как запрещение эксплуатации транспортного средства - **путем** снятия государственных регистрационных знаков. Все это дает нам основание предполагать, что путем применения к правонарушителю мер административно-восстановительного характера, обозначенных нами выше, гарантируется реализация меры обеспечения производства по делу об административных правонарушениях в области дорожного движения, а именно задержание транспортного средства, запрещение его эксплуатации.

Кроме того, применение к лицу мер административно-восстановительного характера, после совершения им вышеперечисленных правонарушений и исполнения административного наказания в виде уплаты штрафа, полностью восстанавливает его в прежнем (до совершения правонарушения) правовом статусе.

Как известно, с момента фактической погрузки транспортного средства на эвакуатор для его транспортировки и помещения на специализированную стоянку, прекращения его движения при помощи блокирующих устройств, до устранения причины задержания транспортного средства, а также снятия государственных номерных знаков до устранения причины запрещения эксплуатации транспортного средства законный обладатель лишается правомочия пользования в отношении своего имущества. Данные обстоятельства, как мы уже говорили, ведут к реализации административно-правовых норм, предусмотренных за нарушения

правил дорожного движения, то есть к административной ответственности в виде уплаты штрафа. Но после устранения причин и условий, способствовавших совершению правонарушения, уплаты штрафа автотранспорт можно забрать со специализированной стоянки только на основании разрешения, выданного начальником ГИБДД. А вместе с имуществом, полученным на основании разрешения начальника ГИБДД, к законному владельцу возвращается и правомочие пользования им.

Таким образом, с момента получения разрешения начальника ГИБДД собственник восстанавливается в «идеальных» правах, связанных с принадлежащим ему имуществом, и на законных основаниях, без ограничений, может владеть, распоряжаться и пользоваться своим автотранспортным средством по своему усмотрению.

К проблемам же, существующим на сегодняшний день, отнесем тот факт, что порядок и процедура применения административно-восстановительных мер как самостоятельной группы административного принуждения в области дорожного движения отсутствуют. К сожалению, нет и их законодательного закрепления. В действующем Постановлении Правительства РФ от 18 декабря 2003 г. № 759¹ утверждены правила задержания транспортного средства, помещения его на стоянку, хранения, а также запрещения его эксплуатации, но не прописаны правила возврата его законному владельцу.

Таким образом, механизм возврата задержанного автотранспортного средства и помещенного на специализированную стоянку после устранения причин и условий, способствовавших совершению правонарушения, не урегулирован, что противоречит Конституции Российской Федерации и целям проведенной в стране реформы МВД России, приоритетной из которых является защита и соблюдение прав и свобод граждан.

На основании вышеизложенного мы предлагаем выделить в группе мер административного принуждения как отраслевого вида государственного принуждения административно-восстановительные меры в качестве самостоятельного вида. Данные меры не зафиксированы в действующих административно-правовых нормах, поэтому в целях ликвидации существующего пробела считаем целесообразным разработать правила, предусматривающие порядок и процедуру применения административно-восстановительных мер к нарушителям законодательства Российской Федерации и иных нормативно-правовых актов, правил, стандартов и технических норм в области дорожного движения, либо дополнить Постановление Правительства РФ от 18 декабря 2003 г. № 759 «Об утверждении правил задержания транспортного средства, помещения его на стоянку, хранения, а также запрещения эксплуатации» соответствующим разделом.

Литература:

1. Ардашкин В.Д. О принуждении по советскому праву // Сов. гос-во и право. 1970. № 7.
2. Бахрах Д.Н. Административное право России. М., 2000.
3. Бахрах Д.Н. Административное право России. М., 2011.
4. Евдокимов С.В. Правовосстановительные меры в российском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород: НЮИ МВД России, 1999.
5. Каплунов А.И. Административное принуждение, применяемое органами внутренних дел: теория и практика: монография. СПб., 2004.
6. Кожевников С.Н. Меры защиты в советском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск: Свердлов. юрид. ин-т, 1968.

¹ СЗ РФ. 2003. № 51. Ст. 4990.

7. Кожевников С.Н. О принуждении в правоохранительной деятельности Советского государства // Проблемы применения советского права: сб. учен. трудов. Вып. 22. Свердловск: Сверд. юрид. ин-т, 1973.

8. Левков А.А. Меры защиты в российском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара: Самар. гос. экон. академия, 2002.

Проблемы цивилистических отраслей права

УДК 347.235

**О ПРИЗНАНИИ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ
НА САМОВОЛЬНУЮ ПОСТРОЙКУ¹**

*Людмила Николаевна Древаль, профессор кафедры
доктор юридических наук, профессор;
Василина Владимировна Бурмистрова, студентка
(Дальневосточный юридический институт МВД России)*

В настоящей статье речь идет об институте самовольной постройки, в частности, о проблеме оформления документации на возведение строительного объекта. Авторы приходят к следующему выводу: для упорядочивания рассматриваемых процессов необходимо внесение изменений в действующее законодательство.

Ключевые слова: самовольная постройка; капитальное строительство; реконструкция; объект недвижимости; должностные лица; ответственность.

**ON ACKNOWLEDGEMENT OF OWNERSHIP RIGHT
TO UNAUTHORIZED CONSTRUCTION**

Dreval Lyudmila Nikolayevna, Chair Professor, Doctor of Law, associate professor;
Burmistrova Vasilina Vladimirovna, cadet
(Far Eastern Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation)

The paper deals with unauthorized construction institute and the problem of documentation registration concerning the erection of building object. The authors come to the conclusion that it is necessary to enter some changes into current legislation for ordering consideration of the process.

Keywords: unauthorized construction; capital construction; reconstruction; object of real estate; officials; responsibility.

После оформления земельного участка единственным законным основанием для осуществления строительства (реконструкции, капитального ремонта) на нем является разрешение на строительство. Оно представляет собой документ, подтверждающий соответствие проектной документации требованиям градостроительного плана земельного участка или проекту планировки территории и дающий застройщику право осуществлять строительство, реконструкцию объектов капитального строительства, а также их ремонт². Соответственно любое строительство, реконструкция, капитальный ремонт, которые будут произведены без его получения, представляют собой самовольное строительство. В России это правило часто нарушается, что подтверждается наличием в судах большого коли-

¹ Это вторая статья из цикла публикаций по проблемам, связанным с возведением самовольных построек. В первой речь шла об отводах земельных участков под строительство (Вестник ДВЮИ МВД России. 2012. № 2(23).

² См.: Ст. 51 Градостроительного кодекса РФ.

чества исков с требованием узаконить строительство домов на земельных участках, а также перепланировку в квартирах или их реконструкцию.

Активность регионов Дальневосточного федерального округа по рассмотрению споров по признанию прав на самовольную постройку с 2009 по 2011 г. можно охарактеризовать следующим образом. Больше всего исков было рассмотрено судами Приморского края, а именно: в 2009 г. – 140, в 2010 г. – 178, в 2011 г. – 152. Не намного меньше их было в Хабаровском крае (соответственно 103, 79, 84). Примерно одинаковая активность проявилась в Камчатском крае и в Республике Саха (Якутия). В цифрах это выглядит так. В Камчатском крае в 2009 г. было рассмотрено 49 споров, в 2010 г. – 66, в 2011 г. – 12. В Республике Саха (Якутия) соответственно 29, 59, 16 исков. В Чукотском автономном округе за рассматриваемый период в суд поступило всего одно дело.

По основному правилу, перед началом строительства любому субъекту необходимо оформить проектную документацию с заключением государственной экспертизы, составной частью которой является архитектурный проект. Так предписывает Градостроительный кодекс РФ (ст. 51). В архитектурном проекте должны содержаться такие решения, которые в комплексе учитывают социальные, экономические, функциональные, инженерные, технические, противопожарные, санитарно-гигиенические, экологические, архитектурно-художественные и иные требования к объекту в объеме, необходимом для разработки документации для строительства объектов, в проектировании которых необходимо участие архитектора¹. На сбор необходимых документов требуется немалое время. Вместе с тем эти процедуры важно соблюсти. И как тут не поддержать известных ученых², которые полагают, что указанная выше совокупность мероприятий является сложным комплексом государственного регулирования правоотношений в экономической сфере, где основной целью является придание рыночным отношениям установленной правом упорядоченности и цивилизованности, поддержание баланса индивидуальных и общественных интересов при осуществлении экономической деятельности, а также предупреждение и пресечение злоупотреблений со стороны ее участников.

Однако необходимо обратить внимание на то, что в законе существуют и исключительные случаи, когда получение разрешений на строительство не требуется. Это, например, касается строительства гаража на земельном участке, предоставленном физическому лицу для целей, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, или строительства на земельном участке, предоставленном для ведения садоводства, дачного хозяйства. Сюда же можно отнести строительство, реконструкцию объектов, не являющихся объектами капитального строительства (торговые павильоны), строительство на земельном участке строений и сооружений вспомогательного использования, изменения объектов капитального строительства и (или) их частей, если такие изменения не затрагивают конструктивных и других характеристик их надежности и безопасности и не превышают предельных параметров разрешенного строительства, реконструкции, установленных градостроительным регламентом.

К сожалению, установленный законодателем порядок застройщиками часто нарушается. По данным Управления Ростехнадзора, исходя из принятых застройщиками на практике процедур, в половине случаев объект является построенным, когда необходимые документы по отводу земельного участка либо иной разрешительной документации находятся только еще в стадии оформления, а

¹ См.: Ст. 2 Федерального закона «Об архитектурной деятельности в РФ».

² См.: Попов Л.Л., Мигачев Ю.И., Тихомиров С.В. Административное право России. М., 2010. С. 280.

иногда отсутствуют вообще какие-либо документы. И результат такого неправомерного поведения может причинить вред жизни и здоровью неопределенного круга лиц. Поэтому выполнение указанного требования обязательно, и оно означает, что факт соблюдения данных норм и правил должен быть удостоверен актом либо заключением уполномоченного органа в данной области.

Завершающим этапом рассматриваемого в целом процесса, в части оформления необходимых документов и последующего возведения объекта, должно стать полученное от органа местного самоуправления разрешение на ввод объекта в эксплуатацию, форма которого наряду с формой разрешения на строительство также предусмотрена законодательством¹. Данным документом уполномоченный орган разрешает ввод объекта в эксплуатацию. Но его согласие не означает признания государством построенного объекта легальным, поскольку на объект, являющийся недвижимостью, право собственности признается с момента его государственной регистрации, основанием для которой являются комплекс документов, подтверждающих его создание². К ним относятся зарегистрированный в установленном порядке факт правообладания земельным участком на период строительства с указанием целевого и разрешенного использования, разрешение на строительство, архитектурный проект, разрешение на ввод объекта в эксплуатацию. Тем самым прохождение исследуемой процедуры в административном порядке на завершающем этапе предполагает признание государством в лице государственного регистратора прав на возводимый объект, путем внесения сведений о нем и его правообладателе в разделы соответствующего Единого государственного реестра. Необходимо заметить, что указанный перечень не является исчерпывающим, а регистрирующий орган в соответствии со ст. 13 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним»³ осуществляет исключительно правовую экспертизу представляемых документов, с одновременным указанием необходимости приложения к заявлению о государственной регистрации вновь созданного объекта технического описания наряду с документами, подтверждающими факт его создания. Такое описание на практике принято называть технической инвентаризацией объекта недвижимости.

Важно обратить внимание на то обстоятельство, что для строительства гаража, жилого дома малоэтажной застройки, сооружения инженерной инфраструктуры, многоэтажного административного комплекса процедура оформления объекта в административном порядке различна, в части количества необходимых документов и их содержания. Данный аспект находится в плоскости применения Градостроительного кодекса РФ особенностей государственной регистрации конкретных объектов.

Напомним, что без надлежаще оформленных документов на землю не возникнет права на создаваемый объект, так же как при отсутствии надлежаще оформленных документов на возводимый объект не может быть приобретено под ним право на землю. Застройщик, производя работы в отсутствие необходимых документов, сознательно идет на риск, который по своей сути является наруше-

---

¹ См.: Постановление Правительства РФ от 24 ноября 2005 г. № 698 «О форме разрешения на строительство и форме разрешения на ввод объекта в эксплуатацию» // СЗ РФ. 2005. № 48. Ст. 5047.

² См.: п. 5 приказа Федеральной регистрационной службы от 8 июня 2007 г. № 113 «Об утверждении методических рекомендаций о порядке государственной регистрации прав на создаваемые, созданные, реконструированные объекты недвижимого имущества» // Бюл. М-ва юстиции РФ. 2007. № 9.

³ См.: Федеральный закон от 21 января 1997 г. «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (с изм. на 12 декабря 2011 г.).

нием норм различных отраслей права, что в итоге приводит к факту появления самовольной постройки.

Отсюда, как правильно утверждает К.И. Скловский, результатом всех вышеуказанных мероприятий должен стать юридический факт, двойственный по сути и содержанию, государственной регистрации вновь построенного объекта и прав застройщика на него с одновременным внесением записи государственным регистратором в ЕГРП¹. Тем самым подтверждается вывод, а именно: рассмотренный выше механизм узаконивания вновь возведенного объекта, в административном порядке с соблюдением законодательства РФ, является общеобязательным способом легализации объекта строительства, а также отправной точкой, необходимой для понимания, что фактически застройщик нарушает и на основании отсутствия каких документов объект строительства приобретает статус самовольной постройки. То есть, по сути, отсутствие каких юридических фактов влияет на изменение статуса строящегося объекта. Из легально возводимого он превращается в самовольно построенный.

Между тем некоторую сложность при прохождении рассмотренной выше процедуры вызывает то обстоятельство, что терминология смежных областей права единообразной не является. Более того, ни один нормативный акт не содержит конкретного перечня документов, необходимого к представлению в орган государственной власти. Эти факты дают основание полагать, что налицо коллизии норм либо их отсутствие – правовой вакуум, а также то, что порядок предоставления необходимых к оформлению документов в рамках административной легализации возводимого объекта является обобщенным, он нуждается в корректировке в отношении конкретных случаев, где критерием должны стать назначение и типология объекта в рамках строительной спецификации. Можно говорить и о других трудностях при оформлении застройщиками документов.

Исходя из анализа сложившейся практики в работе органов местного самоуправления в части оформления необходимых документов, выдачи разрешений, сроки, установленные законодательством, в большинстве случаев не соблюдаются, и в силу этого построенный объект в планируемые сроки часто не вводится. На наш взгляд, сроки затягиваются по той простой причине, что отсутствует единый подход законодателя ко многим правовым категориям и различное их понимание служащими органов власти. Среди них можно выделить такие, как «объект капитального строительства», «незавершенный объект», «объект, не являющийся капитальным». На сегодняшний день не решен вопрос по поводу общности перечисленных дефиниций по отношению к другим понятиям.

Наше умозаключение подтверждает анализ действующего законодательства. Обратимся к Градостроительному кодексу РФ. Согласно ст. 1, под объектом капитального строительства подразумеваются здание, строение, сооружение, а также объекты, строительство которых не завершено (объекты незавершенного строительства), за исключением временных построек, киосков, навесов и других подобных построек. Как видим, исследуемой нормой не разграничиваются понятия «объект капитального строительства» и «объект незавершенного строительства», а перечень объектов можно признать не завершенным. В связи с этим можно согласиться с мнением А. Емельянова, который заявляет об очевидности нехватки списка объектов из указанной категории.

Отсутствующая детализация в анализируемом законе заставляет нас обратиться к Земельному кодексу РФ. Однако если изучить установленные правила

---

¹ См.: Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. М., 2010. С. 26.

поведения, то можно сделать вывод о появлении необходимости возвращения к Градостроительному кодексу РФ.

В завершении попытаемся прибегнуть к одному из весьма сложных и важных кодифицированных актов – Гражданскому кодексу РФ. В его третьем подразделе, закрепляющем различные виды объектов гражданских прав, речь об «объекте капитального строительства», «незавершенном объекте», «объекте, не являющемся капитальным» не идет. Лишь статья 130 определяет движимые и недвижимые вещи. К недвижимым вещам (недвижимому имуществу, недвижимости), как правило, относятся земельные участки, участки недр, обособленные водные объекты и все, что прочно связано с землей, т.е. объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе леса, в том числе многолетние насаждения, здания, сооружения. Вещи, не относящиеся к недвижимости, признаются движимым имуществом.

Проведенный анализ показал, что при применении терминов в различных смежных отраслях очевидно расхождение, что вызывает трудности в правоприменительной деятельности.

По этим и другим причинам на сегодняшний день стало привычным осуществлять оформление необходимых документов по факту уже построенного объекта. По такому же принципу реализуется институт государственной регистрации в части, касающейся вновь созданного объекта.

Помимо перечисленного, в качестве еще одного из сложных моментов в рассматриваемом административном процессе можно обозначить получение согласований, так как на практике происходит так, что на любом из этапов застройщик может получить новые технические условия, например, на изменение места расположения уже построенного на земельном участке объекта, соблюсти по понятным причинам которые представляется невозможным, не производя его демонтаж. На первый взгляд, эта проблема с точки зрения права интереса не представляет, если не принимать во внимание, что в этом случае оснований у органа местного самоуправления для признания объекта легальным нет. Поэтому независимо от того, отсутствуют ли все документы или часть из них, результат один – нарушается порядок при строительстве объектов, а значит, и законодательство.

Выход из создавшейся ситуации авторам видится в следующем.

Во-первых, в кратчайшие сроки в Градостроительном кодексе РФ (или в ином федеральном нормативном правовом акте) с учетом комплексного подхода необходимо закрепить единую структуру объектов с перечислением (указанием их принадлежности) по каждой категории.

Во-вторых, Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях нужно установить ответственность должностных лиц органов государственной власти и местного самоуправления за нарушение сроков рассмотрения документов, касающихся легализации построенных объектов.

В-третьих, на федеральном уровне, не нарушая нормативов, связанных с обеспечением безопасности окружающей среды, жизни и здоровья людей и т.п., упростить порядок оформления документов по строительству (реконструкции) объектов.

Литература:

1. Попов Л.Л., Мигачев Ю.И., Тихомиров С.В. Административное право России. М., 2010.
2. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. М., 2010.

О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ НЕКОТОРЫХ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

*Людмила Николаевна Древаль, профессор кафедры
доктор юридических наук, профессор;
Татьяна Владимировна Алипченко, студентка
(Дальневосточный юридический институт МВД России)*

В статье рассматривается правовое регулирование отношений по таким вспомогательным репродуктивным технологиям, как экстракорпоральное оплодотворение и криоконсервация. Авторы попытались найти проблемы в действующем законодательстве и предложить пути их решения.

Ключевые слова: бесплодие; приказ; методы; искусственное оплодотворение; охрана; здоровье; «ребенок в пробирке»; криоконсервация.

ON LEGAL REGULATION OF SOME AUXILIARY REPRODUCTIVE TECHNOLOGIES

Dreval Lyudmila Nikolayevna, Chair Professor, Doctor of Law, associate professor;
Alipchenko Tatyana Vladimirovna, cadet
(Far Eastern Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation)

The paper deals with legal regulation of the relations concerning such auxiliary reproductive technologies as extracorporeal fertilization and crioconservation. The authors have tried to find some problems in current legislation and to offer some ways of their solving.

Keywords: legal regulation; infertility; order; methods; artificial fertilization; protection; health; «the child in a test tube»; crioconservation.

Нынешние успехи медицины, направленные на преодоление бесплодия, позволяют решать проблемы правового характера, связанные с расторжением брака.

Помимо суррогатного материнства¹ к вспомогательным репродуктивным технологиям относятся экстракорпоральное оплодотворение и криоконсервация.

Экстракорпоральное оплодотворение (лат. extra - снаружи, вне и corpus - тело, то есть оплодотворение вне тела) по-другому называют ЭКО, или оплодотворение в пробирке. Его особенностью является то, что зачатие происходит путем слияния мужских и женских половых клеток в лабораторных условиях с последующим внесением оплодотворенной яйцеклетки в организм женщины.

Криоконсервация представляет технологию по замораживанию живых биологических объектов с возможностью восстановления их биологических функций после размораживания.

Однако первыми, кто подвергся к подобного рода вмешательствам в естественный ход событий, были животные.

Известно, что арабы уже в XIV в. применяли этот метод для разведения престижных лошадей. В XIX в. метод искусственного оплодотворения стал широко применяться в животноводстве для осеменения коров и кобыл.

---

¹ Статья, посвященная проблемам правового регулирования суррогатного материнства, авторами опубликована в Вестнике ДВЮИ МВД РФ. 2012. № 2.

В отношении людей первые исследования начали проводиться в XIX в. Так, 1877 год был отмечен открытием Г. Фолома феномена пенетрации мужской гаметы в яйцеклетку с последующим оплодотворением. Первая успешная попытка такого искусственного оплодотворения *in vitro* (в пробирке) была проведена в 1880 г.

В 1790 г. в Англии врач Д. Гунтер осуществил первую искусственную инсеминацию (оплодотворение) женщины. Следующего события человечеству пришлось ждать почти полтора века. Зато далее стали происходить открытия за открытиями. Необходимо отметить, что эксперименты по искусственной инсеминации активно осуществлялись в фашистской Германии.

Попытки экстракорпорального оплодотворения яйцеклетки человека начались с 1944 г. Первая беременность и роды с применением замороженных сперматозоидов человека были получены в 1953 г.

Интересен тот факт, что начиная с 1965 г. в США в результате искусственного осеменения ежегодно рождалось около 10 тыс. детей¹. В 1978 г. в клинике Бон-Холл (Кембридж, Англия) врачам удалось имплантировать в полость матки бесплодной женщины эмбрион, полученный в пробирке. Данный эксперимент удачно окончился через 9 месяцев, 25 июля 1978 г., рождением девочки Луизы Браун². С этого дня рождения первого «ребенка из пробирки» ведет отсчет современная вспомогательная репродукция – ЭКО.

В СССР исследования в области вспомогательных репродуктивных технологий начали целенаправленно вестись только с 1965 г. Первые публикации о применении донорской спермы и о лечении бесплодия в Советском Союзе относятся к концу 70-х - началу 80-х гг. прошлого столетия. Первый советский «ребенок из пробирки» появился во ВНИИ акушерства и гинекологии Министерства здравоохранения СССР в 1986 г. К 1994 г. в России насчитывалось около 500 таких рождений. С 1986 г. до сегодняшнего дня методом экстракорпорального оплодотворения зачато более 20 тыс. детей.

Вмешательства в репродуктивные процессы человека стали подлинной сенсацией XX в. в социальном, биологическом, религиозном и моральном аспектах. Рождение первого ребенка, зачатого «в пробирке», открыло новую эпоху в лечении бесплодия, однако так же, как и в отношении суррогатного материнства, в России в настоящее время не существует каких-либо нормативных актов, детально регулирующих правоотношения в этой сфере. Между тем международное законодательство в этой области развивалось быстрее. Здесь можно обратить внимание на такие документы, как Декларация по народонаселению, Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт об экономических и социальных правах и др. Они послужили отправной точкой для развития национального законодательства.

С 1993 г. и вплоть до 1 января 2012 г. искусственное оплодотворение и имплантация эмбриона регламентировались Основами законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан (ст. 35)³. В них преимущественно шла речь о зачатии «в пробирке» и оплодотворении спермой донора. О донорстве яйцеклеток и суррогатном материнстве ничего не было сказано. Чуть позже, в том же году, 28 декабря 1993 г. руководителем Министерства здравоохранения РФ был подписан приказ № 301 «О применении метода искусственной инсеминации женщин спермой донора по медицинским показаниям и метода экстракор-

¹ См.: Исакова Э.В., Корсак В.С., Громыко Ю.А. Опыт реализации программы «Суррогатное материнство» // Проблемы репродукции. 2001. № 3. С. 23.

² См.: Аккерман Д. Любовь в истории. М., 1995. С. 323.

³ См.: Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1994. № 2. Ст. 36.

порального оплодотворения и переноса эмбриона в полость матки для лечения женского бесплодия»¹, который более подробно развивал положения, намеченные в «Основах законодательства РФ об охране здоровья граждан». И если в приведенной выше статье искусственное оплодотворение и имплантация эмбриона в РФ только разрешались, то приказ дополнительно утвердил достаточно подробные на тот момент инструкции по применению названных методов в лечебных учреждениях.

Дополнительно к этому в приказе были изложены показания к проведению искусственной инсеминации, объем обследований пациенток и доноров спермы, организация донорства спермы, возможные осложнения при искусственной инсеминации, приложен образец заявлений-обязательств супругов и доноров.

Однако в анализируемом документе ничего не говорилось о донорстве яйцеклеток и эмбрионов, не упоминалось и о суррогатном материнстве. Но 26 февраля 2003 г. был издан приказ Министерства здравоохранения России «О применении вспомогательных репродуктивных технологий в терапии женского и мужского бесплодия». Он стал основанием для разработки и применения новых методов и техник искусственной инсеминации и экстракорпорального оплодотворения, а также регулятором отношений при использовании этих методов. А неоднократное упоминание в нем словосочетаний «информированное согласие», «пациент должен быть информирован» и т.п. свидетельствует о новом качестве юридического подхода к данной проблеме.

В этом нормативном правовом акте впервые в качестве показания к ЭКО были названы все существующие формы бесплодия, не поддающиеся терапии.

Вместе с тем в первые годы после выхода документа в свет в клиники стали обращаться женщины, которым не был поставлен диагноз «бесплодие», но они хотели бы воспользоваться методом экстракорпорального оплодотворения, чтобы родить ребенка. По данным статистики, в 2010 г. в России их число составило более 10 тысяч. Однако в силу положений рассматриваемого приказа им было отказано в проведении данной процедуры, поскольку отсутствовали показания к ее проведению.

Позже, 21 ноября 2011 г. был принят Федеральный закон № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Вступив в действие 1 января 2012 г., он отменил ранее действующие «Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан» 1993 г.

При анализе и сравнении этих двух нормативных актов в частях, касающихся отношений, связанных с искусственным оплодотворением, можно выявить нормы по преемственности, так и некоторые новшества. Например, при анализе ст. 35 Основ 1993 г. обнаруживается неопределенность в том, кто имеет право воспользоваться методами вспомогательных репродуктивных технологий. В соответствии с этим правилом каждая совершеннолетняя женщина имеет право на искусственное оплодотворение и имплантацию эмбриона. То есть, по смыслу данной статьи, одинокий мужчина, который по каким-то обстоятельствам не смог создать семью, но желает воспитывать собственного ребенка, лишен такой возможности. В новом федеральном законе в п. 3 ст. 55 это положение дублируется: «Мужчина и женщина ... имеют право на применение вспомогательных репродуктивных технологий при наличии обоюдного информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство. Одинокaя женщина также имеет право на применение вспомогательных репродуктивных технологий при наличии ее информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство». Следовательно, проблема осталась нерешенной. Хотя по данным социального

---

¹ Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1994. № 2. Ст. 36.

опроса населения в 2009 г., 60 % мужчин в возрасте от 35 до 45 лет хотели бы иметь своего ребенка, в том числе рожденного при помощи методов вспомогательной репродукции.

Заметим также, что данная норма противоречит ч. 2 ст. 19 Конституции РФ, которая гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности и т.д. Часть 3 этой же статьи прямо провозглашает равенство прав и свобод мужчины и женщины и равные возможности для их реализации.

Анализируемый документ установил два вида требований к субъекту, подлежащему процедуре. Одни из них указывают на возрастную границу – совершеннолетие женщины. К сожалению, в нем не содержится, в отличие от предыдущих «Основ законодательства об охране здоровья граждан», нижней границы возраста женщины.

Вторая группа, хотя и говорит также о возрасте (он должен быть детородным), предусматривает биологическую способность к деторождению. Медики предпочитают в этом случае указывать на фертильность – способность к деторождению. Однако при определении ее границ временными рамками исходят из того, что для каждой женщины она может варьироваться. По данным статистики, средний детородный возраст женщины длится с 16 до 47 лет. Но помимо общих временных границ, используемых чаще всего для обработки статистических данных, присутствует и индивидуальный подход к возможностям женского организма. Каким критерием должен руководствоваться правоприменитель в этом случае? Если общим, то состояние здоровья женщины не будет иметь значения. При достижении определенного возраста она утрачивает право на искусственное оплодотворение. Если частным, то при обращении женщины за оказанием соответствующей медицинской услуги, не зависимо от ее возраста, должно быть проведено медицинское обследование в целях определения ее способности к деторождению. В связи с этим прав Г.Б. Романовский¹, который утверждает, что детородный возраст, скорее всего, предусматривает биологическую способность к деторождению. Однако при определении его границ временными рамками необходимо исходить из того, что для каждой женщины он может меняться. То есть помимо общих временных границ нужно использовать и индивидуальный подход к возможностям женского организма.

В дополнение к вышеуказанным проблемам не решенным в правоприменении является вопрос, касающийся условий, при которых возможен доступ к методам вспомогательной репродукции, поскольку в нашей стране искусственное зарождение детей возможно только по медицинским показаниям, при условии стойкого бесплодия. Такое нормативное закрепление противоречит международной практике.

Дальнейший анализ Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ст. 35) позволяет сформулировать умозаключение о расширении круга лиц, дающих письменное согласие на применение искусственных методов оплодотворения. Мужчина и женщина, как состоящие, так и не состоящие в браке, имеют право на применение вспомогательных репродуктивных технологий при наличии обоюдного информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство. Из этого следует, что одинокая женщина также имеет право на применение вспомогательных репродуктивных технологий. Однако по Семейному кодексу РФ это право закрепляется в отношении только супружеской пары, где согласие супруга обязательно. Налицо абсурдная

---

¹ Романовский Г. Право на искусственное оплодотворение и экология размножения // Законность. 2003. № 7. С. 31-32.

ситуация. При отказе супруга замужней женщины (состоящей в браке) по каким-то причинам подписать соответствующий документ она вынуждена будет расторгнуть брак, для того чтобы иметь возможность воспользоваться методами искусственной репродукции и стать матерью. Следовательно, в действующем законодательстве существуют конкурирующие нормы.

Таким образом, можно сделать вывод, что правовые нормы российского законодательства, регулирующие общественные отношения, возникающие при использовании методов искусственной репродукции, являются фрагментарными, спорными и затрагивают лишь отдельные аспекты возникающих проблем.

Стремительное развитие медицины последних лет значительно опережает темпы принятия правовых норм. Законодательство отстает от современных технологий, что часто ведет к нарушению прав и свобод человека и гражданина.

Все эти проблемы в ближайшее время требуют обсуждения и законодательного разрешения на федеральном уровне.

Литература:

1. Аккерман Д. Любовь в истории. М., 1995.
2. Исакова Э.В., Корсак В.С., Громько Ю.А. Опыт реализации программы «Суррогатное материнство» // Проблемы репродукции. 2001. № 3.
3. Романовский Г. Право на искусственное оплодотворение и экология размножения // Законность. 2003. № 7.

Педагогика в органах внутренних дел

УДК 37.01

**ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ПЕДАГОГИКИ
В ВУЗАХ СИСТЕМЫ МВД РОССИИ**

*Евгения Валерьевна Бурцева, старший преподаватель
Владивостокского филиала
Дальневосточного юридического института МВД России
кандидат педагогических наук*

В статье анализируются федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования подготовки сотрудников органов внутренних дел на предмет наличия в них педагогически направленных компетенций, обосновывается необходимость воспитательной направленности всего процесса обучения сотрудников органов внутренних дел. Аргументируется положение о том, что сотрудник органов внутренних дел должен быть субъектом педагогической деятельности.

Ключевые слова: федеральные государственные образовательные стандарты; педагогическая компетентность; профессиональные компетенции; личностное самоуправление; вузы системы МВД; категории педагогики; юридическая педагогика.

**PROBLEMS AND POSSIBILITIES OF TEACHING PEDAGOGY
IN INTERIOR HIGHER EDUCATIONAL ESTABLISHMENTS OF RUSSIA**

Burtseva Evgeniya Valeryevna, Far Eastern Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Vladivostok Branch, senior instructor,
Kandidat nauk degree in Pedagogy

The paper deals with Federal state educational standards of higher vocational training concerning availability of pedagogically directed competences. The author substantiates the necessity of educational orientation of all training process for law-enforcement employees. The variant of teaching subject "Pedagogy in the activity of employees of law-enforcement bodies" is suggested, algorithm of personal self-management is taken into account. It is proved that the employee of law-enforcement bodies is to be the subject of pedagogical activity. Normative documents are analyzed for subjectivity.

Keywords: Federal state educational standards; pedagogical competence; professional competence; personal self-management; interior higher educational establishments; categories of pedagogy; law pedagogy.

Федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования по направлению подготовки (специальности) 03100 Правоохранительная деятельность¹ и 030901 Правовое обеспечение националь-

---

¹ Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки (специальности) 031001 Правоохранительная деятельность: утв. приказом Минобрнауки РФ от 14 января 2011 г. № 20.

ной безопасности¹ предписывают, что выпускник должен обладать общекультурными (ОК) и профессиональными (ПК) компетенциями.

Педагогическая компетентность в данных документах обозначена как «способность к осуществлению педагогической деятельности в сферах публичной и частной жизни (ОК-12)». Но не только данная компетенция является педагогически направленной. «Способность понимать социальную значимость своей будущей профессии, цель и смысл государственной службы, выполнять гражданский и служебный долг, профессиональные задачи в соответствии с нормами морали, профессиональной этики и служебного этикета (ОК-5)» также обуславливает педагогическую и профессиональную субъектность сотрудника. Не бездумное подчинение приказам, но осмысленное и осознанное, соотношенное с вышеуказанными нормами воздействие, в том числе и педагогическое, на ситуацию. Сотрудник, обладая такой способностью, по определению имеет развитые компоненты личностного самоуправления (когнитивный, аксиологический)². Здесь четко просматривается необходимость воспитательной направленности всего процесса обучения сотрудников органов внутренних дел. Учитывая, что воспитание – основная категория педагогики, данному предмету отводится, на наш взгляд, обобщающая и систематизирующая роль. Освоив первоначальную профессиональную подготовку, изучив предметы общеобразовательного цикла, профессиональную этику, курс психологии, слушатель на старших курсах может уже осознавать степень сформированности своих ценностных ориентаций, свои личностные смыслы, механизмы воспитательных воздействий, сущность и возможности самовоспитания, свое педагогическое влияние на людей. Сотрудник должен осознанно развивать «способность к логическому мышлению, анализу, систематизации, обобщению, критическому осмыслению информации, постановке исследовательских задач и выбору путей их решения (ОК-9)». Методы развития данной способности – также психолого-педагогические, включающие этапы личностного самоуправления: анализ, прогнозирование, целеполагание, принятие решения, выработку критериев оценки, планирование, контроль, коррекцию³. В число задач педагогики также входит и развитие способности «креативно мыслить и творчески решать профессиональные задачи» (ОК 10); «способность анализировать свои возможности, самосовершенствоваться, адаптироваться к меняющимся условиям профессиональной деятельности и изменяющимся социокультурным условиям, приобретать новые знания и умения, повышать свой интеллектуальный и общекультурный уровень, развивать социальные и профессиональные компетенции, изменять вид и характер своей профессиональной деятельности» (ОК-11). В развитии данных способностей ведущую роль играет личностное самоуправление. В число обязательных воспитательных задач входит развитие способности «проявлять неприимчивость к коррупционному поведению, высокий уровень правосознания и правовой культуры» (ОК-6).

В списке профессиональных компетенций федеральных стандартов также представлены способности, которые конкретно относятся к педагогическим:

¹ Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки (специальности) 030901 Правовое обеспечение национальной безопасности: утв. приказом Минобрнауки РФ от 17 января 2011 г. № 39.

² См.: Бурцева Е.В. Личностное самоуправление как основа профессиональной компетентности в условиях системы органов внутренних дел // В мире научных открытий. 2012. № 4.1. С.33-53.

³ См.: Пейсахов Н.М., Шевцов М.Н. Практическая психология. Казань, 1991.

- осуществление профессиональной деятельности на основе развитого правосознания, правового мышления и правовой культуры (ПК-2);

- проектирование, реализация, контроль и оценка результатов учебно-воспитательного процесса по юридическим дисциплинам в общеобразовательных учреждениях, образовательных учреждениях начального профессионального, среднего профессионального, высшего профессионального и дополнительного образования (ПК-36);

- осуществление правового информирования и воспитания (ПК-37).

Те компетенции, которые предполагается развивать на предмете «Основы управления в правоохранительных органах», также педагогически «заряжены», а именно способности:

- «принимать оптимальные управленческие решения (ПК-29);

- организовывать работу малого коллектива исполнителей, планировать и организовывать служебную деятельность исполнителей, осуществлять контроль и учет ее результатов» (ПК-30).

Руководителю приходится думать о воспитании, обучении сотрудников, заботиться о развитии коллектива и каждого сотрудника в отдельности, о формировании благоприятного социально-психологического климата коллектива и т.д.

Таким образом, сотрудникам органов внутренних дел необходимо изучать педагогику. Между тем в вышеупомянутых федеральных стандартах педагогика как предмет не обозначена в числе обязательных к изучению. Правда, имеется возможность включить этот предмет в «вариативную» часть профессионального цикла основных образовательных программ подготовки специалистов – сотрудников органов внутренних дел в виде предмета «Педагогика в деятельности сотрудников органов внутренних дел». Эту возможность, по нашему мнению, необходимо использовать, тем более что в последние десятилетия активно разрабатывается юридическая педагогика¹. Как считают В.Я. Кикоть и А.Д. Столяренко, существует особая юридико-педагогическая действительность, к которой «относятся и основные виды педагогических систем - воспитания, образования, обучения, развития, но в ней они специфичны и существуют в виде правового воспитания, юридического образования, юридического обучения и правового развития»². Вот эту специфику и необходимо учитывать и изучать в рамках предмета «Педагогика в органах внутренних дел». Более того, нельзя не согласиться с вышеуказанными авторами в том, что сотрудник органов внутренних дел должен быть субъектом педагогической деятельности: «Субъектом педагогической деятельности может считаться тот, кто, как минимум, обязательно:

- осознает социально-педагогические влияния своей личности и правоохранительной деятельности;

- хочет и стремится оказать на сотрудников и граждан позитивные правовоспитательные и иные социально-педагогические влияния в интересах правоохраны, общества, государства и их самих;

---

¹ См., напр.: Юридическая педагогика в МВД / под ред. А.М. Столяренко. М., 1997; Столяренко А.М. Юридическая педагогика в МВД: вопросы методологии и теории. М., 1999; он же. Юридическая педагогика: курс лекций. М., 2000; Кикоть В.Я., Столяренко А.М. Юридическая педагогика: учебник. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004.

² Кикоть В.Я., Столяренко А.М. Указ. соч. С. 280.

• практически осуществляет и выстраивает определенным образом свою оперативно-служебную деятельность, сознательно встраивая в нее компонент усовершенствованных педагогических влияний и действий»¹.

Итак, определим, каким конкретным содержанием должен быть наполнен этот предмет. Первая тема обычно звучит примерно так: «Предмет педагогики, ее методы, категории и задачи в профессиональном обучении сотрудников органов внутренних дел». В качестве предмета юридической педагогики В.Я. Кикоть и А.Д. Столяренко определяют юридико-педагогическую действительность, т.е. «педагогические факты, закономерности и механизмы образования, обучения, воспитания и развития, существующие, действующие в правовой сфере и влияющие на ее состояние, а также в обществе, но влияющие на состояние законности, правопорядка и деятельность правоохранительных органов»². Действительно, необходимо обозначить и разобрать со слушателями основные категории педагогики: образование, обучение, воспитание. Педагогика широко использует такие понятия, как «формирование и развитие», которые обуславливают профессиональную компетентность сотрудников органов внутренних дел. Разбирая данные категории, необходимо сразу учитывать их специфичность. Например, говоря об образовании как об организованной определенным образом системе знаний, умений, навыков, или, используя термины компетентностного подхода, компетенций, в качестве примера можно и нужно анализировать систему профессионального юридического образования. На первой же лекции необходимо дать информацию о том, что существуют федеральные образовательные стандарты высшего профессионального образования по направлению подготовки специалистов, обозначить профессиональные задачи в соответствии с видами профессиональной деятельности, озвучить требования к результатам освоения основных образовательных программ подготовки специалиста, показать структуру основных образовательных программ подготовки специалиста. Особое внимание следует уделить понятиям «общекультурные и профессиональные компетенции». Можно прямо на лекции, используя метод «мозгового штурма», попросить слушателей назвать данные компетенции, объяснить, как они их понимают. Вышеуказанный документ (федеральный образовательный стандарт по соответствующему направлению подготовки специалистов) дается слушателям на самостоятельное изучение. Если этот документ будет у каждого слушателя в распечатанном или электронном варианте (при наличии на занятии ноутбуков или компьютеров), тогда будет возможность поработать с ним на семинаре. Например, дать задание оценить в процентах уровень развития у себя прописанных в стандарте компетенций и поговорить о возможностях их дальнейшего совершенствования; составить рейтинг «нужности» предметов основной образовательной программы и потом провести групповое обсуждение.

Категорию «воспитание» следует рассмотреть в отдельной теме «Воспитание и формирование личности сотрудника органов внутренних дел и роль коллектива в этом процессе».

Воспитание – процесс направленного и осознанного воздействия на кого-либо (в случае самовоспитания – на самого себя) в целях возникновения и закрепления определенных качеств, ценностей, которые, с точки зрения воспитывающего, востребованы общественной ситуацией (семейной, коллективной, служебной, общегосударственной, мировой и т.д.).

---

¹ Прикладная юридическая педагогика в органах внутренних дел: учебник / под ред. В.Я. Кикотя, А.М. Столяренко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. С.313.

² Кикоть В.Я., Столяренко А.М. Указ. соч. С. 292.

Положительный воспитательный эффект достигается тогда, когда ценности и цели воспитателя имеют позитивную общественную направленность, не противоречат нормам среды, а также имеют мотивирующий **субъект** воспитания компонент.

Согласно приказу МВД РФ от 11 февраля 2010 г. № 80 «О морально-психологическом обеспечении оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации», «воспитательная работа – основной вид морально-психологического обеспечения, представляющий собой целенаправленную деятельность по формированию у сотрудников комплекса профессиональных и нравственных качеств, обусловленных потребностями оперативно-служебной деятельности». Это действительно работа, которую должны выполнять профессионалы. Сотрудники органов внутренних дел должны быть профессиональными педагогами и воспитателями, независимо от занимаемой должности, так как сама профессия предполагает взаимодействие с людьми с неизбежным психолого-педагогическим воздействием. Воспитатель должен обладать развитым самоуправлением, так как необходимо:

- анализировать сложившуюся ситуацию в плане определения всех составляющих влияния (среды, субъектов, личностных характеристик воспитуемых);
- прогнозировать варианты и возможные последствия своих воспитательных воздействий;
- иметь четкую цель воспитания, которая будет также ясна и близка и самому воспитуемому;
- принимать решение об определенных воспитательных воздействиях;
- планировать пошагово свои воспитательные воздействия, то есть иметь план воспитания;
- иметь определенные критерии уровня воспитанности сотрудника;
- контролировать процесс достижения данного уровня воспитанности;
- корректировать способы, методы, сроки воспитательного воздействия в зависимости от изменения ситуации.

Изучая данную тему, необходимо проанализировать со слушателями «Руководство по морально-психологическому обеспечению оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации»¹. Именно проанализировать на предмет соотношения субъект-объектности в тексте данного документа. Обязательно подискутировать со слушателями на тему «Сотрудник органов внутренних дел – объект или субъект воспитания?». Также необходимо научить сотрудников самостоятельно составлять планы воспитательной работы, учитывая ее основные направления (патриотическое, профессионально-нравственное и правовое) с использованием различных форм и методов воспитания.

Категорию «обучение» следует разбирать также в алгоритме личностного самоуправления.

Обучение – процесс передачи знаний, умений навыков в целях повышения компетентности обучаемого (профессиональной, коммуникативной, общегражданской ит.д.). Обучение является эффективным, если обучающий (педагог) относится к обучаемому как к субъекту обучения, опирается на его знания и опыт, учитывает личностные характеристики, мотивацию. Если наставник хочет обучить молодого сотрудника профессии, он обязательно должен действовать в алго-

---

¹ См.: приказ МВД РФ от 11 февраля 2010 г. № 80 «О морально-психологическом обеспечении оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» (Приложение 1).

ритме совместного управления процессом обучения, личностного самоуправления, то есть:

- проанализировать имеющиеся знания, умения, навыки обучаемого, определить уровень его профессиональной компетентности;
- спрогнозировать возможные варианты обучающих программ, способов, методов обучения, которые дадут максимальный эффект конкретно для данного обучаемого;
- выработать совместную с обучаемым цель обучения;
- принять решение о ее достижении;
- разработать четкий план обучения, причем желательно, чтобы обучаемый участвовал в его разработке;
- иметь определенные критерии или показатели обученности, то есть что и в каком объеме должен знать и уметь обучаемый через конкретный промежуток времени;
- контролировать процесс обучения сотрудника, например, с помощью промежуточных проверок знаний;
- корректировать способы, методы, технологии обучения в зависимости от получаемых результатов обучения.

Уже на первом семинаре с группой можно выстроить совместно со слушателями алгоритм изучения предмета «Педагогика в деятельности сотрудников органов внутренних дел». Также необходим совместный анализ эффективности форм обучения, знакомых слушателям (лекций, семинаров, практикумов и т.д.).

При изучении предмета нельзя оставить без внимания и тему правосознания, правовой культуры сотрудника органов внутренних дел и ее педагогической модели, так как сотрудник должен уметь «осуществлять профессиональную деятельность на основе развитого правосознания, правового мышления и правовой культуры (ПК-2)». При изучении данной темы следует более четко определить понятия «формирование» и «развитие».

Формирование есть постепенное создание нужного поведения посредством последовательного подкрепления того поведения, которое приближает к желаемому результату. То есть воспитатель формирует нужный ему результат. Среда неизбежно формирует некий результат. Формирование – это всегда воздействие извне, это отношения субъект-объектные. Необходимо задаться вопросами: что формирует нашу правовую культуру, наше правосознание? Насколько они уже сформированы и что продолжает их формировать, какими методами можно и нужно формировать правовую культуру граждан?

Развитие – это прогрессивное изменение, ведущее к более высоким уровням организации мировоззрения, самосознания, отношения к действительности, характера, способностей и т.д. Это тот случай, когда количество воздействий перерастает в другое качество. И это происходит всегда как следствие субъект-субъектного взаимодействия. Только осознанность воздействий дает развитие, точнее будет сказать, правовое саморазвитие. Правосознание, по сути, есть правовое самосознание, то есть осознание себя в правовом поле. Сотрудник может осознанно, педагогическими методами формировать правовую культуру граждан, только обладая развитым правовым сознанием, причем развитым самостоятельно.

Ввиду сказанного немаловажной является тема самовоспитания сотрудника органов внутренних дел. Необходимо разобрать со слушателями конкретные методы и приемы самовоспитания и связать их с этапами личностного самоуправления. В любом случае это самоанализ, прогнозирование своего развития, постановка личных целей, принятие ответственных жизненных решений, планирование дости-

жения целей, выработка критериев самооффективности, самоконтроль и самокоррекция.

Развитый рефлексивный компонент личностного самоуправления (то есть способность к анализу, осмыслению) может противостоять профессиональной деформации сотрудников органов внутренних дел. В план изучения предмета необходимо включить тему «Педагогические аспекты предупреждения профессиональной деформации личности сотрудника органов внутренних дел». Проанализировав причины профессиональной деформации, уяснив ее формы, сотрудники могут осознавать появившиеся у них признаки профессиональной деформации и противостоять ей.

В заключение сделаем некоторые выводы.

Предмет «Педагогика в деятельности сотрудников органов внутренних дел» несет в себе большие возможности для формирования и развития профессиональных общих и профессиональных компетенций сотрудников. Изучение предмета необходимо проводить в алгоритме личностного самоуправления: анализировать педагогические ситуации, прогнозировать их развитие, четко ставить учебные и личные цели, планировать деятельность и т.д., так как основной проблемой при изучении данного предмета является низкая личная мотивированность (предмет не основной, не понятно, зачем нужен). Таким образом, необходимо включать педагогику в личностные смыслы обучающихся. Курс педагогики необходимо выстраивать, опираясь на основные нормативные документы (федеральные стандарты и руководство по морально-психологическому обеспечению), а также используя интерактивные методы обучения.

Литература:

1. Бурцева Е.В. Личностное самоуправление как основа профессиональной компетентности в условиях системы органов внутренних дел // В мире научных открытий. 2012. № 4.1.
2. Кикоть В.Я., Столяренко А.М. Юридическая педагогика: учебник М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004.
3. Пейсахов Н.М., Шевцов М.Н. Практическая психология. Казань, 1991.
4. Прикладная юридическая педагогика в органах внутренних дел: учебник /под ред. В.Я. Кикотя, А.М. Столяренко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008.
5. Столяренко А.М. Юридическая педагогика в МВД: вопросы методологии и теории. М., 1999.
6. Столяренко А.М. Юридическая педагогика: курс лекций. М., 2000.
7. Юридическая педагогика в МВД / под ред. А.М. Столяренко. М., 1997.

Есть мнение...

УДК 351.745

**КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ПОКУПКИ СЕКСУАЛЬНЫХ УСЛУГ
КАК ФАКТОР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТОРГОВЛЕ ЛЮДЬМИ**

*Ирина Викторовна Прудникова, старший преподаватель
Владивостокского филиала
Дальневосточного юридического института МВД России*

В статье рассматривается проблема противодействия торговле людьми путем легализации проституции. С учетом анализа общественного мнения и научной полемики автор приходит к выводу о невозможности легализации проституции, так как это противоречит нормам международного права, нормам национального законодательства и морали. Кроме того, зарубежный и российский опыт свидетельствует о том, что легализация проституции только увеличивает криминальный рынок сексуальных услуг. Автор предлагает сдерживать проституцию путем возложения ответственности на тех, кто пользуется услугами лиц, занятых в сфере интимного бизнеса. Криминализация пользования сексуальными услугами, по мнению автора, сможет ограничить распространение проституции и торговли людьми.

Ключевые слова: проституция; легализация проституции; торговля людьми; предупреждение торговли людьми; ответственность за покупку сексуальных услуг.

**CRIMINALIZATION OF PURCHASING SEXUAL SERVICES AS FACTOR
OF COUNTERACTION TO HUMAN TRAFFICKING**

Prudnikova Irina Viktorovna, Far Eastern Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Vladivostok Branch, senior instructor

The paper deals with the problem of counteraction to human trafficking by way of legalizing prostitution. Taking into account the analysis of public opinion and scientific polemic the author comes to the conclusion about the impossibility of legalizing prostitution as it contradicts the norms of international law, the national legislation and morals. Besides, foreign and Russian experience testifies to the fact that legalizing prostitution only increases the criminal market of sexual services. The author suggests that prostitution should be constrained by putting the responsibility on those who use services in the sphere of intimate business. Criminalization of using sexual services, in the author's opinion, can limit the spreading of prostitution and human trafficking.

Keywords: prostitution; legalization of prostitution; human trafficking; prevention of human trafficking; responsibility for purchasing sexual services.

Исследования последних лет, направленные на изучение торговли людьми, свидетельствуют, что чаще всего целью данного преступления является сексуальная эксплуатация жертвы¹. Данное обстоятельство позволяет отдельным исследователям и общественности отождествлять торговлю людьми с проституцией.

---

¹ См.: Буряк М.Ю. Торговля людьми и борьба с нею: монография. Владивосток, 2006. С.21; Торговля людьми: выявление, раскрытие, расследование: учеб. пособие / под общ. ред. О.П. Левченко. Владивосток, 2009. С. 8.

Проведенный в г. Владивостоке социологический опрос наглядно демонстрирует это. Всего нами было опрошено 580 человек, из них 320 женщин (55 %) и 230 мужчин (45 %). В выборку вошли участники опроса, среди которых 43,1 % были замужем или женаты, 38 % в браке не состояли, 14,6 % находились в разводе, 4,3 % - в фактических брачных отношениях.

По возрастным группам респонденты распределились следующим образом: 16-25 лет – 19,8 %, 26-35 лет – 24 %, 36-45 лет – 24 %, 46-55 лет – 21 %, 56-60 лет – 11,2 %.

На момент опроса 45 % респондентов имели высшее образование, неоконченное высшее – 31 %, среднее – 24 %. При этом высшее юридическое образование имели (или обучались) 30 % из числа опрошенных, медицинское – 24 %, экономическое – 18 %, техническое – 12 %, гуманитарное – 16 %.

В ходе исследования респондентам было предложено высказать мнение о том, что они понимают под торговлей людьми. Из ответов опрошенных можно составить следующее представление: 51% анкетированных считают торговлю людьми и проституцию неотделимыми явлениями. При этом данное мнение в основном разделяют лица в возрасте от 16 до 25 лет, а также 56-60 лет, которые не имеют высшего образования или имеют высшее техническое образование. Женщины пребывают в большинстве (57 %).

Несмотря на то, что другая часть опрошенных не придерживалась напрямую данного мнения, из предложенных вариантов ответов 36 % от общего числа анкетированных выбрали легализацию проституции как наиболее эффективную меру предупреждения торговли людьми, 46 % - сочли такие действия неэффективными, 18 % не имели четкой позиции по данному вопросу. Примечательно, что среди тех, кто не видит решения проблемы путем легализации проституции, 25 % - сотрудники правоохранительных органов¹.

Отметим, что за весь многовековой период существования явления проституции обществом не выработано однозначного отношения ни к самой проституции, ни к проституткам, ни к возможным мерам противодействия коммерческому сексу.

В России проституция запрещена и законодательством предусмотрена ответственность:

- за вовлечение в занятие проституцией или принуждение к продолжению занятия проституцией (ст. 240 УК РФ);

- организацию занятия проституцией (ст. 241 УК РФ). Под организацией занятия проституцией понимается содержание притонов или систематическое предоставление помещений для занятия проституцией;

- занятие проституцией (ст. 6.11 КоАП РФ). Ответственность несут лица, непосредственно занимающиеся проституцией;

- получение дохода от занятия проституцией, если этот доход связан с занятием другого лица проституцией (ст. 6.12 КоАП РФ), а именно: обеспечение охраны проститутток, поиск клиентов или места для встреч, всевозможные иные действия, кроме случаев, предусмотренных ст. 240 и 241 УК РФ.

Вопрос о легализации проституции до настоящего момента остается дискуссионным. Сторонники данной меры аргументируют свою позицию тем, что легализация позволит, с одной стороны, придать проституции статус профессии, тем самым исключить противоправность действий по вовлечению лиц к занятию проституцией, с другой – обеспечит контроль за численностью участвующих в дан-

¹ Для сравнения: при аналогичном опросе в 2008 г. только 3 % опрошенных сотрудников не видели перспектив предупреждения торговли людьми путем легализации проституции.

ном бизнесе лиц, состоянием их здоровья и доходами¹. Проституирующие лица, не прошедшие государственную регистрацию, будут нести административную ответственность. Таким образом, легализация проституции позволит установить контроль за теневым бизнесом, т.к. предпочтение клиентов будет отдаваться тем лицам, оказывающим сексуальные услуги, которых наделят официальным статусом².

Так, 11 мая 2007 г. Либерально-демократическая партия России вышла с инициативой о легализации проституции в России. По мнению ее лидера В.В. Жириновского, «все, что нельзя запретить, нужно ввести в правовое поле, так как этот теневой бизнес наносит большой вред экономике, нравственности и морали общества. Ее легализация позволит обеспечить безопасность этого вида услуг и даст положительный экономический эффект»³. Лидер партии «Правое дело» А. Дунаев 26 ноября 2012 г. вновь поднял вопрос о легализации проституции в России, полагая, что «официальное признание того, что и так существует, позволит выйти проституирующим лицам из покровительства криминальных структур, а также недобросовестных сотрудников силовых ведомств, обяжет платить налоги в госбюджет, проходить регулярное медицинское обследование и даст возможность претендовать на пенсионные отчисления». При этом А. Дунаев отметил, что у работниц секс-индустрии в сегодняшнем положении нет никаких прав перед своими работодателями, они фактически находятся в сексуальном рабстве⁴.

На наш взгляд, легализация проституции не сможет решить существующую проблему. Исторический опыт России свидетельствует, что регламентация проституции как вида деятельности не только не снижает число лиц, вовлеченных в сферу коммерческого секса, но и приводит к его значительному росту. Например, в 1888 г. в Москве насчитывалось 1157 проституток в домах терпимости и 553 уличных, а уже в 1889 г. численность проституток, закрепленных за публичными домами, возросла до 17 603, в 1890 г. – до 22 674. Причем в таком же соотношении увеличилось и количество нелегальных проституток⁵.

Однако, как показывает современная мировая практика борьбы с проституцией, легализация данных действий не решает проблемы. Так, в Австралии легализация публичных домов и проституции повлекла за собой резкий рост торговли женщинами в целях сексуальной эксплуатации. В Нидерландах, где налоги от лиц, оказывающих сексуальные услуги, составляют 5 % бюджета страны, проститутки подчеркивают, что легализация или декриминализация индустрии секса не в состоянии стереть позор проституции, зато она делает женщин еще более уязвимыми, поскольку при регистрации они теряют анонимность. Поэтому большинство проституток по-прежнему предпочитают нелегальную, тайную деятельность. Таким образом, легализация проституции фактически усиливает угнетение женщин⁶.

¹ Первыми вопрос о легализации проституции в России подняли члены медицинского сообщества в 90-е гг. прошлого века, полагающие, что это позволит контролировать состояние здоровья лиц, оказывающих сексуальные услуги, и препятствовать распространению венерических и иных опасных заболеваний, передаваемых половым путем.

² См.: Шпаков А.Е. Проституция как объект криминологического исследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003. С.21.

³ URL: <http://baznica.info/article/>.

⁴ URL: <http://svpressa.ru/society/article/61238/>.

⁵ См.: Калачаев Б. Взгляд на проблему через столетие // Проституция и преступность. М., 1996. С. 39.

⁶ См.: Бекряшев А.К., Белозеров И.П. Теневая экономика и экономическая преступность. Омск, 2000.

Более того, в странах, где секс-индустрия легализована и декриминализована, многие мужчины, до некоторых пор не рисковавшие покупать женщин для секса, отныне воспринимают проституцию как явление приемлемое. С исчезновением юридических барьеров размываются и социально-этические преграды на пути использования женщин (а также мужчин и детей) в качестве сексуального товара. Легализация проституции, как полагают некоторые исследователи, дает понять новым поколениям мальчиков и мужчин: женщины – сексуальный товар, а проституция – безобидное развлечение¹. Кроме того, на наш взгляд, терпимое отношение к проституции порождает такое же отношение к иным видам противоправной деятельности, а именно торговле людьми и иным преступлениям, совершаемым в отношении лиц, занимающихся проституцией.

Характерно, что анкетированные, высказавшиеся за легализацию проституции, продемонстрировали своими ответами негативное отношение к самим проституткам. Среди чувств, которые они испытывают к работницам коммерческого секса, преобладающим является ненависть – 47 %, неприязнь и пренебрежение – 35 %, безразличие – 14 %, равнодушие – 3 %, жалость – 1 %.

По поводу возможности применения насилия к лицам, вовлеченным в сферу коммерческого секса, 31 % респондентов считают допустимыми различные виды физического и психического насилия.

Тем не менее, в ходе опроса установлена тенденция в изменении общественного мнения по отношению к лицам, пользующимся услугами проституток. Так, независимо от отношения к легализации проституции, 75 % опрошенных полагают, что навязчивая демонстрация средствами массовой информации изображений лиц, оказывающих сексуальные услуги, выявленных в ходе проведения оперативно-разыскных мероприятий, является вмешательством в их личную жизнь. При этом 40 % опрошенных, главным образом женщины, полагают, что в таком случае следует оглашать и сведения о клиентах, т.к. это послужит сдерживающим фактором для остальных. Примечательно, что такое же количество мужчин отметили в анкетах, что не отрицают возможности обращения к услугам проституток. При этом 27 % из их числа отметили, что воздержались бы от подобных действий при существовании запретительных правовых норм.

Среди мер, сдерживающих распространение проституции и связанных с ней преступлений, анкетированные выбрали: установление уголовной ответственности за оказание сексуальных услуг – 37 %, усиление уголовной ответственности за преступления, посягающие на общественную нравственность, – 21 %, усиление административной ответственности за занятие проституцией – 58 %, введение уголовной ответственности за пользование услугами проституток – 8 %, установление административной ответственности за пользование услугами проституток – 21 %².

Таким образом, в обществе, на наш взгляд, появилось понимание, что ответственность за участие в коммерческом сексе должны разделять и лица, формирующие спрос на услуги проституток. Полагаем, данная позиция имеет право на существование. Известное утверждение, что спрос рождает предложение, относительно и к коммерческому сексу. Так, согласно мнению экспертов, услугами проституток в России пользуются более 70 % сексуально активных граждан, т.е. у проституции сохраняется устойчивый спрос³. Таким образом, растущий потреби-

---

¹ URL: <http://www.trunov.com/content.php>

² Сумма ответов может превышать 100 %, так как респондентам была представлена возможность выбрать несколько вариантов ответов.

³ См.: Таратута Ю. Живой навар // Коммерсантъ - Деньги. 2004. № 5. С. 18-19.

тельский спрос, несомненно, служит одним из факторов, способствующих феномену принудительного труда в секс-индустрии.

Учитывая данный фактор, некоторые страны вместо легализации проституции или ее законодательного запрета идут по пути криминализации использования сексуальных услуг, т.е. непосредственно воздействуют на спрос, тем самым реализуя положения Протокола по профилактике, пресечению и наказанию торговли людьми, особенно женщинами и детьми (приложение к Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г.), обязывающего стран-участниц применять меры «по противодействию спросу на секс-услуги, принудительный труд и иные формы использования человека, способствующие торговле людьми»¹.

Например, в Швеции с 1998 г. проституция включена в виды насилия против женщин, а за покупку сексуальных услуг установлено наказание в виде штрафа и (или) тюремного заключения от 6 месяцев до 3 лет². В Литве клиенты проституток также облагаются штрафом³. С 70-х гг. прошлого века уголовная ответственность возлагается на клиентов проституток в 21 штате США⁴.

Опыт преследования лиц, пользующихся услугами проституток, был и в России. Еще во времена Екатерины II Полицейский устав предписывал: «Буде кто в дом, открытый ... всяким людям ради непотребства, войдет, с того взыскать пеню 6-суточное содержание содержимого в смиренном доме и сажать под стражу, пока не заплатит».

В современной России, в Белгородской области с 1 июля 2012 г. действует статья 6.24 Кодекса об административных правонарушениях на территории Белгородской области «Получение сексуальных услуг на возмездной основе от лиц, занимающихся проституцией»⁵.

В заключение отметим, что легализация проституции в России невозможна по нескольким причинам.

Во-первых, согласно Конвенции ООН «О борьбе с торговлей людьми и эксплуатации проституции третьими лицами», сводничество, принуждение к проституции третьего лица, даже при его согласии; эксплуатация проституции третьими лицами, даже при согласии эксплуатируемых лиц; содержание домов терпимости или управление ими, участие в их финансировании; передача в аренду или внаем помещения для использования в целях проституции, а также соучастие в подготовке к этим действиям признаны преступлениями международного характера⁶. Следовательно, легализация проституции противоречит нормам международного права⁷.

¹ Цит. по: Овчинский В.С. XXI век против мафии. Криминальная глобализация и Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. М., 2001. С.107-123.

² См.: Манахов С.А. Вопросы формирования российского законодательства по проблеме противодействия торговле людьми // Материалы международного «круглого стола». М., 2005. С. 29.

³ URL: <http://www.regnum.ru/news/694523.html>.

⁴ См.: Буряк М.Ю. Торговля людьми и борьба с нею: монография. Владивосток, 2006. С. 74.

⁵ URL: http://www.gazeta.ru/social/news/2012/07/06/n_2424657.shtml.

⁶ См.: Противодействие торговле людьми: сб. норматив. правовых документов. М., 2004. С. 24-31.

⁷ Поэтому Россия, как правопреемник Союза Советских Социалистических Республик, ратифицировавшего данную Конвенцию в 1957 г., не может легализовать проституцию.

Во-вторых, легализация проституции не способна уничтожить криминальный рынок сексуальных услуг, следовательно, не окажет существенного воздействия на предупреждение торговли людьми.

В-третьих, не легализация проституции, а, напротив, криминализация покупки сексуальных услуг сможет оказать предупредительное воздействие в части формирования спроса на эти услуги, тем самым сдерживать развитие проституции и способствовать предупреждению торговли людьми.

Литература:

1. Бекряшев А.К., Белозеров И.П. Теневая экономика и экономическая преступность. Омск, 2000.
2. Буряк М.Ю. Торговля людьми и борьба с нею: монография. Владивосток, 2006.
3. Калачаев Б. Взгляд на проблему через столетие // Проституция и преступность. М., 1996.
4. Овчинский В.С. XXI век против мафии. Криминальная глобализация и Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. М., 2001.
5. Противодействие торговле людьми: сборник нормативных правовых документов. М., 2004.
6. Таратута Ю. Живой навар // Коммерсантъ - Деньги. 2004. № 5.
7. Торговля людьми: выявление, раскрытие, расследование: учеб. пособие /под общ. ред. О.П. Левченко. Владивосток, 2009.
8. Шпаков А.Е. Проституция как объект криминологического исследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003.

Научная жизнь

О научных мероприятиях, проведенных в Дальневосточном юридическом институте МВД России в апреле-мае 2013 г.

30-31 мая в Дальневосточном юридическом институте МВД России, совместно с Хэйлунцзянским институтом профессиональной подготовки офицеров МОБ КНР, состоялась **международная научно-практическая конференция «Особенности обеспечения законности и правопорядка в Дальневосточном регионе»**, посвященная 20-летию Конституции Российской Федерации.

Открывая научный форум, заместитель начальника института (по учебной работе) полковник полиции В.А. Шлома от имени начальника Дальневосточного юридического института МВД России доктора юридических наук, профессора, генерал-майора полиции А.С. Бахты поздравил с началом работы конференции и пожелал успехов ее участникам.

Целью проведения научного форума международного масштаба было освещение деятельности по обеспечению законности и правопорядка в Дальневосточном регионе, по обмену опытом и результатами научных исследований в этой области. Перед участниками конференции стояли следующие задачи:

- изучить международный опыт борьбы с транснациональной преступностью;
- выработать направления дальнейшего научного поиска путей решения проблем обеспечения законности и правопорядка;
- разработать предложения и рекомендации правоохранительным и законодательным органам, направленные на обеспечение конституционных прав и законных интересов граждан.

На пленарном заседании с первым докладом выступил *заведующий кафедрой Воронежского государственного университета доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации Ю.Н. Стариков.*

Тема его доклада - «Значение модернизации государства и улучшения качества административно-правового регулирования в области защиты прав и свобод человека и гражданина в современной России». С докладом «Теоретико-правовые вопросы обеспечения законности и правопорядка органами внутренних дел (полицией) Российской Федерации» выступил *профессор кафедры Краснодарского университета МВД России доктор юридических наук, профессор В.В. Денисенко*. *Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России доктор юридических наук, профессор А.Г. Пархоменко* выступил с докладом «20 лет Конституции Российской Федерации 1993 года и проблемы становления конституционализма в России».

В конференции приняли участие представители научной общественности Белгорода, Волгограда, Владивостока, Москвы, Нижнего Новгорода, Иркутска, Санкт-Петербурга, Тюмени и сотрудники правоохранительных органов Дальневосточного федерального округа.

10 апреля 2013 г. в Дальневосточном юридическом институте МВД России состоялся **региональный «круглый стол» на тему «Россия и страны Дальневосточного региона (Китай, Корея, Япония): история, культура, политика»**, организованный кафедрой социально-гуманитарных и экономических дисциплин. На встрече обсуждались проблемы военно-политических контактов, внешнеэкономических связей и межкультурных коммуникаций стран Азиатско-Тихоокеанского региона, а также вопросы миграционной политики на Дальнем Востоке.

С приветственным словом к участникам встречи обратился заместитель начальника ДВЮИ МВД России (по учебной работе) *В.А. Шлома*.

В современном мире отмечаются тенденции к смещению центра тяжести политической и экономической жизни в Юго-Восточную Азию. Роль России здесь должна стать определяющей. В связи с этим Дальнему Востоку предопределено стать передовым рубежом Российского государства. Наш вуз не стоит от этого в стороне. При поддержке МВД России с 2004 г. Дальневосточный юридический институт приступил к подготовке сотрудников органов внутренних дел, владеющих китайским языком. С целью углубле-

ния процесса обучения мы наладили тесные контакты с Хэйлунцзянским институтом профессиональной подготовки офицеров Министерства безопасности КНР. В 2012 г. была направлена первая группа курсантов на лингвистическую стажировку в КНР, а в мае-июне 2013 г. – еще одна группа. В порядке взаимнообмена институт проводит аналогичную стажировку и для китайских полицейских. Коллеги из сопредельного государства выражают особую заинтересованность к организации совместных научных мероприятий, изучению опыта преподавания дисциплин силового блока (физическая, тактико-специальная, боевая подготовка). Надеемся, что данное сотрудничество принесет свои положительные плоды как в плане повседневной деятельности органов внутренних дел Дальнего Востока, так и в части культурного сближения двух государств.

Работа «круглого стола» началась с доклада *доцента кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин ДВЮИ МВД России кандидата исторических наук А.В. Милежика «Дальний Восток как сфера интересов Российского государства (XIX-XX вв.)».*

Изучение российской дальневосточной политики представляет собой комплексную исследовательскую задачу. Это вопросы расширения границ Российского государства, освоения и закрепления новых территорий, выстраивания эффективной системы управления отдаленным регионом. Дальневосточная политика – это часть истории взаимоотношений России со странами Дальнего Востока: Китаем, Японией, Кореей. Учитывая глубокие исторические корни многих современных политических проблем, актуальность исследований в данной области представляется нам безусловной.

В результате территориальных приобретений на Дальнем Востоке и в Средней Азии в 1850-1880-е гг. Российское государство вошло в тесное соприкосновение с Китаем, Кореей и Японией, а на юге приблизилось к Гималаям. Территория страны стала не просто значительной, а огромной, основную часть которой составляли именно азиатские владения. В период конца XIX – начала XX в. российская внешняя политика реализовывалась в значительной степени в рамках так называемой «большой азиатской программы». Строительство Транссибирской магистрали, переселенческая политика, расширение эксплуатации природных богатств Дальнего Востока, укрепление военного положения и административного управления – все это было подчинено одной цели – усилению России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Однако ставка на силовые методы в деле укрепления позиций России в Северо-Восточном Китае (Маньчжурии), Монголии и Корее не позволила достичь поставленной цели. Внутриполитический кризис и поражение в войне с Японией вынудили российское руководство отказаться от амбициозных планов на Дальнем Востоке и вновь направить основной вектор внешней политики в сторону Европы.

Второй доклад «Современные тенденции развития международных отношений в АТР» представил *директор Центра изучения международных отношений в АТР, заведующий кафедрой всеобщей истории Дальневосточного государственного гуманитарного университета доктор исторических наук, доцент В.Н. Тимошенко.*

АТР еще в 80-е гг. XX в. позиционировал себя как самый динамично развивающийся регион мира. Считалось, что XXI век будет веком Азиатско-Тихоокеанского региона. Действительно, сегодня по своему потенциалу АТР является третьим в мире после Европейского и Североамериканского союзов. Здесь сосредоточено около 50 % населения и 60 % ВВП всего земного шара, половина мировой торговли и всех иностранных инвестиций. В то же время характерная черта исследуемого региона – нестабильность международных отношений. Здесь все еще сохраняются реликты «холодной войны». Четыре государства АТР придерживаются социалистической ориентации. Не снижается накал в конфронтации между севером и югом Кореи. Из года в год возникают вопросы по территориальным претензиям государств АТР друг к другу. Основные дестабилизирующие факторы международных отношений – это, во-первых, политика США, выступающих одним из главных политических игроков региона, военный и экономический потенциал которого превосходит все вместе взятые страны АТР; во-вторых, растущая мощь КНР и ее гегемонистская политика; в-третьих, ситуация на Корейском полуострове, где в последние годы отмечается систематическое обострение отношений между КНДР и Южной Кореей. Еще одним дестабилизирующим фактором является перманентно возникающие

территориальные споры Японии и Китая, Японии и России, Китая и Вьетнама. Наконец, сама структура АТР, ни экономически, ни политически недостаточно выраженная. Здесь существует множество объединений государств, но единого объединения нет. Где место России в этой структуре, пока неясно.

В обсуждении проблем взаимоотношений государств АТР и будущих перспектив приняли участие, в частности:

профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права (филиал в Хабаровске) кандидат исторических наук А.В. Самохин, который коснулся складывающейся военно-политической ситуации на Корейском полуострове, отметив принципиальную возможность перехода от конфронтации к непосредственным военным действиям. При этом заявления ряда политиков о невозможности, даже гипотетической, военного поражения Южной Кореи до тех пор, пока ее активно будет поддерживать США, абсолютно ничего не стоят. По оценкам экспертов, на сегодняшний день Корейская народная армия считается по боевой подготовленности третьей в мире после китайской и американской. Поэтому шансов на победу у Северной Кореи достаточно. В связи с этим важным стабилизирующим фактором может стать сближение России и Китая. Однако сегодня для Китая Россия в качестве союзника интереса не представляет. Единственное, что их может заинтересовать, - это возможность использования наших дальневосточных территорий для создания военного противовеса США;

доцент кафедры всеобщей истории Дальневосточного государственного гуманитарного университета кандидат исторических наук Е.С. Юрченко, которая отметила, что, на ее взгляд, в перспективе есть довольно значительные шансы на мирное объединение двух Корей. Тем не менее, в регионе имеются три ядерные державы - США, Китай, Россия и две де-юре безъядерные - Корея и Япония. Поэтому реально в АТР продолжают действовать законы «холодной войны». Северо-корейская ядерная программа наглядно продемонстрировала, что в регионе отсутствуют действующие механизмы сдерживания гонки вооружений и нераспространения ядерного оружия;

научный сотрудник института истории археологии и этнографии ДВО РАН (г. Владивосток) кандидат исторических наук И.В. Ставров, который подчеркнул, что Китаю развитие военной ситуации у него на границах невыгодно, по крайней мере, до тех пор, пока на всей территории страны не будет построено общество «сяо-кан» - общество среднего достатка. Да и в целом сценарий объединения севера и юга на военных основаниях бесперспективен. Необходимо задать себе вопрос, а кому это может быть выгодно? Китаю - точно нет. США тоже невыгодно, так как в этом случае в Америке перестанет нуждаться целая группа государств АТР. Южная Корея также не желает объединения, особенно в связи с последующими затратами на обеспечение жителей Северной Кореи;

старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Владивостокского филиала ДВЮИ МВД России кандидат исторических наук В.А. Черномаз, который заметил, что весьма остро стоит проблема оттока населения с Дальнего Востока. Одной из основных причин является недостаточно эффективная политика государства в части повышения качества жизни населения, а также экономическая неразвитость региона. Так, промышленности на Дальнем Востоке практически не осталось, мы оказались почти в полной зависимости от производителей из КНР, Тайваня, Вьетнама, Южной Кореи. На сегодня Дальнему Востоку нужна полноценная государственная программа, которая сделает регион как минимум привлекательным для самих дальневосточников. Если этого не сделать сейчас, то спустя несколько лет Дальний Восток может как переспевший плод «упасть к ногам» Китая;

заместитель начальника Дальневосточного института повышения квалификации ФСКН России по учебной и научной работе кандидат юридических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН, член РАЮН К.К. Кораблин обратил внимание на проблему наркотизации населения в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. По состоянию на 2013 г., в стране стоят на учете порядка 1,6 млн человек, употребляющих наркотики. Китай относится к тем странам, где применяются самые жесткие

меры наказания за распространение наркотиков. Так, Уголовный кодекс КНР за контрабанду, торговлю, перевозку и производство наркотиков любых объемов определяет следующие виды наказания: конфискация имущества, пожизненное лишение свободы, смертная казнь. Опыт Китая в борьбе с этим явлением имеет для нас особое значение. Дальневосточный институт повышения квалификации ФСКН России налаживает тесные контакты с Главным отрядом по борьбе с наркобизнесом Департамента общественной безопасности провинции Хэйлуцзян и Хэйлуцзянским институтом профессиональной подготовки офицеров Министерства безопасности КНР. Ежегодно проходит обмен делегациями, налажен процесс взаимного информирования, в том числе и оперативными данными. Расширяя международное сотрудничество, на базе ДВИПК ФСКН России проводится обучение китайских полицейских. Есть чему поучиться и нам. Так, в Китае хорошо налажен процесс ресоциализации наркозависимых граждан. По всей стране создана сеть специальных реабилитационных центров, где лечение проходят в принудительном порядке. Отдельного упоминания достойна работа китайских полицейских в части подготовки служебных собак на поиск наркотиков;

преподаватель кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин ДВЮИ МВД России кандидат исторических наук С.Ю. Яхимович указал на то, что во внешнеполитической деятельности Китая особое место занимает вопрос спорных территорий. За последние полвека в КНР было издано достаточно большое количество карт, на которых нашли отражение взгляды Китая на принадлежность сопредельных территорий. И молчаливые претензии, выраженные языком карт, высказываются не только к России, но и к остальным странам, находящимся в соприкосновении с КНР. С точки зрения ряда китаеведов, Китай сегодня возвращает свои ранее утраченные исторические позиции. Территориальные споры между Россией и Китаем возникли лишь в XIX в., когда политический рейтинг Китая был весьма невысок. Речь шла о выживании страны и соответственно китайскому руководству было просто не до решения приграничных споров. Теперь КНР самодостаточная страна, и она пытается вернуть свои позиции. При этом варианты развития событий могут быть самые разные, не исключая и военный;

профессор кафедры общеправовых дисциплин Хабаровского пограничного института ФСБ России доктор исторических наук, профессор А.Л. Анисимов констатировал: та пограничная линия, которая сейчас установилась между Россией и КНР в ближайшей перспективе останется неизменной, однако в среднесрочной - грянут серьезные изменения линии границы. Амур стремительно меняет свое русло. Результаты исследования Петербургского института водного хозяйства говорят о скором изменении фарватера реки. Соответственно необходимо будет вновь возвращаться к территориальным вопросам с КНР и очевидно вновь в сторону уступок Китаю. Что касается Японии, то она нам не соперник - ни военный, ни экономический. Взаимные внешнеполитические связи минимальны, поэтому уступать Японии территории нет резона. Однако Япония, глядя на Китай, в ближайшем будущем будет активно стремиться получить территориальные уступки от России. Чтобы аргументированно спорить, необходимо ссылаться не только на имеющиеся договоры, но и на геологические и географические исследования;

профессор кафедры теории и истории государства и права Дальневосточного государственного университета путей сообщения доктор исторических наук, доцент М.А. Ковальчук напомнил, что на Дальнем Востоке еще в 1900 г. было создано Амурское государственное бассейновое управление водных путей и судоходства, которое вплоть до начала 90-х гг. XX в. вело землечерпательные работы по Амуру. В последние годы все затихло. И что мы видим? Напротив Хабаровска уже появился, пусть небольшой, но остров. Если руководствоваться имеющимися договорами, то и этот остров должен стать китайским. В Дальний Восток необходимо вкладывать деньги, в том числе и в эти работы.

Участники «круглого стола» пришли к следующему выводу: международное положение России в Азиатско-Тихоокеанском регионе во многом будет зависеть от успехов экономического развития российского дальнего Востока.

Информацию подготовили кандидаты исторических наук В.Ж. Дорохов и А.В. Милежик

В рамках дней кафедры информационного и технического обеспечения ОВД ДВЮИ МВД России 30 мая 2013 г. проводился научно-практический межведомственный «круглый стол» по теме «Проблемы развития и совершенствования комплексной автоматизированной информационно-аналитической системы (КАИАС) «Безопасный город» в Хабаровском крае».

В работе «круглого стола» приняли участие: В.В. Шидий – начальник Главного управления по вопросам безопасности губернатора и правительства Хабаровского края; В.А. Минаев – проректор по инновационно-образовательной деятельности Российского нового университета доктор технических наук, профессор; О.И. Бокова – начальник кафедры инфокоммуникационных систем и технологий Воронежского института МВД России доктор технических наук, профессор; Э.В. Пичков – заместитель начальника Главного управления МЧС России по Хабаровскому краю; М.Н. Терентьев – директор ООО «Стандарт Телеком» Дальневосточного специализированного центра безопасности информации «МАСКОМ»; А.И. Артюхов – начальник центра информационных технологий, связи и защиты информации УМВД России по Хабаровскому краю; И.А. Зыков – начальник центра информационных технологий, связи и защиты информации УТ МВД России по ДФО;

М.А. Гринев – начальник отдела развития инновационных технологий безопасности и противодействия коррупции Главного управления по вопросам безопасности губернатора и правительства Хабаровского края; Д.К. Кувыкин – консультант отдела развития инновационных технологий безопасности и противодействия коррупции Главного управления по вопросам безопасности губернатора и правительства Хабаровского края;

К.М. Бондарь – начальник кафедры ИиТО ОВД ДВЮИ МВД России кандидат технических наук, доцент; А.В. Рыбак – заместитель начальника кафедры ИиТО ОВД ДВЮИ МВД России кандидат технических наук, доцент; В.С. Дунин – старший преподаватель кафедры ИиТО ОВД ДВЮИ МВД России кандидат технических наук и др.

За «круглым столом» были рассмотрены вопросы дальнейшего развития КАИАС «Безопасный город» на основе ее интеграции в существующие системы безопасности жизнедеятельности региона. Участники встречи констатировали, что в условиях перехода органов внутренних дел на финансирование из федерального бюджета и невозможности прямого получения денежных средств из краевого и муниципального бюджетов существующая автономная инфраструктура КАИАС «Безопасный город» в г. Хабаровске не имеет будущего. При обсуждении сложившейся проблемы и поиска ее решений было заслушано 5 докладов: «Безопасный город»: проблемы и пути развития в Хабаровском крае» (А.В. Рыбак), «Системные решения в реализации проектов «Безопасный город» (В.А. Минаев), «Обеспечение служб экстренного реагирования по единому номеру «112» (Э.В. Пичков), «КАИАС «Безопасный город» – перспективы развития» (М.Н. Терентьев), «Концепция развития КАИАС «Безопасный город» (В.В. Шидий).

Работа «круглого стола» прошла в деловой, творческой атмосфере, были выработаны и зафиксированы реальные предложения по различным направлениям и аспектам развития КАИАС «Безопасный город» в Хабаровском крае (политико-социальное, проектное, системное, финансовое, инновационное, интеллектуализации перспектив системы).

Информация для авторов

1. В редакцию представляются оригинальные, ранее не опубликованные статьи, а также краткие научные сообщения, соответствующие научным направлениям журнала.

2. Все рукописи статей, поступающие в редакцию журнала, проверяются на уникальность текста с использованием системы «Антиплагиат».

3. Статья представляется в редакцию журнала в распечатанном и электронном виде на CD или по электронной почте (e-mail: vestnikdvui@yandex.ru или redactor80@gmail.com).

4. Объем статьи должен быть не менее 10 и не более 20 страниц текста, набранного в соответствии с указанными ниже требованиями.

5. К статье прилагается внешняя рецензия, оформленная надлежащим образом.

6. Статья должна быть подписана автором (авторами). Каждому автору необходимо указать: имя, отчество, фамилию (полностью), должность и место работы, ученую степень и звание, почетные звания, почтовый адрес и телефон для контактов, а также адрес электронной почты. Статьи адъюнктов и аспирантов должны также иметь подпись их научного руководителя, заверенную соответствующим образом.

7. Обязательно наличие аннотации, ключевых слов (не более семи речевых единиц) и пристатейных библиографических списков. Библиографический список составляется в алфавитном порядке в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5 – 2008.

Цель аннотации – кратко и емко выразить суть статьи. В аннотации допускается отражение структуры аннотируемого текстового материала. Объем аннотации – около 500 знаков (включая пробелы). Аннотация не должна быть перифразом названия статьи, включать малоинформативные формулировки.

8. Название статьи, аннотация, ключевые слова, информация об авторах должны быть представлены на русском и английском языках.

9. Статья должна иметь шифр УДК.

10. Технические требования к статьям:

- набор осуществляется в программе «Word» шрифтом «Times New Roman» размером 14 пунктов с полуторным междустрочным интервалом;

- библиографические ссылки внутритекстовые. В квадратных скобках указывается порядковый номер издания, на которое автор ссылается, при необходимости указывается номер страницы;

- название файла статьи – по фамилии автора (авторов).

11. В случае несоответствия присланных рукописей требованиям к оформлению статей редколлегия оставляет за собой право вернуть рукопись автору без рассмотрения.

12. Рукописи статей рецензируются в соответствии с Положением об институте рецензирования журнала «Вестник Дальневосточного юридического института МВД России»¹. Решение о публикации статьи принимается редколлегией журнала.

13. **Плата за опубликование статей не взимается.**

14. Статьи для опубликования направляются в следующие сроки: для первого номера – до 1 апреля, для второго номера – до 1 октября.

---

¹ Размещено на сайте института www.dvui.ru